

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

SCANDINAVICA

ИЗДАЕТСЯ С 1961 Г.

VIII

К 90-летию
со дня рождения
С. С. Масловой-Лошанской



Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург 2006

ББК 81.2
С42

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 8: К 90-летию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской: Межвуз. сб. / Под ред. Б. С. Жарова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 206 с.

ISBN 5-8465-0565-1

В сборнике рассматриваются проблемы лексикологии, грамматики, звукового строя скандинавских языков и нидерландского языка в синхронии и диахронии.

В сборник включены также статьи, посвященные вопросам истории литературы Швеции, Дании, Финляндии и Нидерландов.

Посвящается 90-летию со дня рождения доктора филологических наук Сарры Семеновны Масловой-Лашанской (1906–1990), одного из выдающихся отечественных лингвистов, специалиста по скандинавской филологии.

Для специалистов в области скандинавской и нидерландской филологии и всех интересующихся языком и литературой Скандинавии и Нидерландов.

ББК 81.2

Издание осуществлено при поддержке Шведского Института
(Стокгольм, Швеция).

ISBN 5-8465-0565-1

© Коллектив авторов, 2006
© Б. С. Жаров, сост., 2006
© Филологический факультет СПбГУ, 2006
© С. В. Лебединский, оформление, 2006



А. В. Савицкая

**САРРА СЕМЕНОВНА МАСЛОВА-ЛАШАНСКАЯ
(1916–1990)**

В 2006 г. исполняется 90 лет со дня рождения Сарры Семеновны Масловой-Лашанской, доктора филологических наук, одного из крупнейших отечественных специалистов в области скандинавской филологии, фактического основателя шведского отделения филологического факультета Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета.

Сарра Семеновна родилась 14 июня 1916 г. Начиная с 1932 г., когда она поступила на немецкое отделение Ленинградского университета, и до самых последних дней ее жизнь была связана с университетом, за исключением периода Великой Отечественной войны, когда, будучи офицером Советской Армии, она участвовала в обороне Ленинграда.

По окончании университета в 1937 г. С. С. Маслова-Лашанская поступила в аспирантуру и в 1941 г. защитила кандидатскую диссертацию «Падежи косвенного объекта в скандинавских языках», написанную под руководством профессора С. Д. Кацнельсона и ставшую одной из первых крупных отечественных работ по скандинавистике.

В 1949 г. был опубликован выполненный С. С. Масловой-Лашанской комментированный перевод книги Э. Вессена «Скандинавские языки» (*Wessén E. De nordiska språken. 2-a uppl. Stockholm, 1944*), сделавший краткую историю скандинавских языков доступной широкому кругу специалистов.

С. С. Маслову-Лашанскую можно по праву назвать основателем современного шведского отделения кафедры скандинавской филологии и отечественной шведистики в целом. За долгие годы работы на кафедре она преподавала все аспекты практического шведского языка, что, особенно в 40–50-е годы, было сопряжено с большими трудностями: отсутствие словарей, шведских текстов и технического обеспечения вынуждало преподавателей переписывать тексты от руки в крупнейших библиотеках города и использовать для перевода словари других языков. Большинство теоретических курсов, необходимых для преподавания шведского языка как специальности, было разработано С. С. Масловой-Лашанской именно в те самые годы, когда необходимые материалы были крайне труднодоступны.

Обстоятельства сложились таким образом, что побывать в любимой стране Сарре Семеновне удалось лишь несколько раз и только в качестве туриста, но на протяжении всей своей жизни она неустанно следила за развитием языка, была в курсе всей появлявшейся в Швеции теоретической литературы и регулярно вносила дополнения и изменения в свои лекционные курсы, обновляла материалы практических занятий. Будучи филологом с большой буквы и блестящим методистом, С. С. Маслова-Лашанская тонко чувствовала новые тенденции в языке и всегда умела найти оптимальное решение в подаче материала для студентов. И сегодня составленные ею программы лежат в основе курсов, читающихся на шведском отделении, а написанные ею многочисленные научные статьи и книги являются важнейшими пособиями для любого преподавателя шведского языка на университетском уровне и для любого отечественного исследователя шведского языка.

В 1953 г. С. С. Маслова-Лашанская опубликовала книгу «Шведский язык», которая и на сегодняшний день является лучшим отечественным описанием морфологии и синтаксиса шведского языка. В 1973 г. увидела свет ее книга «Лексикология шведского языка» — прекрасное и на сегодняшний день единственное пособие по шведской лексикологии на русском языке. Теоретический уровень этой книги настолько высок, что ею активно пользуются и преподаватели лексикологии других языков. В 1974 г. С. С. Маслова-Лашанская защитила докторскую диссертацию «Номинация и полисемия в шведском языке» — масштабное исследование, посвященное полисемии существительных и принципам анализа предлогов шведского языка, которое, благодаря широчайшей эрудиции автора и ее

скрупулезному подходу к работе, и сегодня представляет большую научную ценность и является образцом для современных исследователей.

Многие годы С. С. Маслова-Лашанская создавала и совершенствовала методику преподавания шведского языка. Результатом этой работы явился выпущенный в 1981 г. в соавторстве с Н. Н. Толстой «Учебник шведского языка». За этот учебник авторы были награждены почетными грамотами Минвуза РСФСР. Учебник выдержал уже четыре издания и по-прежнему является основным пособием при преподавании шведского языка на первом курсе, в первую очередь благодаря компактному и тщательно продуманному описанию грамматики, составленному С. С. Масловой-Лашанской. В 1986 г. появилось небольшое пособие по истории языка — «Учебные задания по истории шведского языка. Древнешведский период», написанное ею в соавторстве с А. В. Савицкой. Несмотря на жесткие рамки, в которые были поставлены авторы издания, в его теоретической части удалось поместить все основные сведения о древнешведском языке, что очень помогает студентам при работе с текстами, поскольку других материалов по данному курсу на русском языке не существует.

Много сил отдала С. С. Маслова-Лашанская лексикографической работе. Ею написан прекрасный грамматический очерк к «Шведско-русскому словарю», уже выдержавшему много переизданий. Она была вдохновителем, организатором и основным автором единственного существующего на сегодняшний день большого «Русско-шведского словаря» (М., 1976 и др. изд.). С. С. Маслова-Лашанская является также автором шведской части словаря «Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском, шведском языках)» (М., 1989). В последние годы жизни главной ее мечтой и делом, которому она отдавала все силы, было создание нового «Шведско-русского словаря». Несмотря на тяжелую болезнь и жизненные трудности, С. С. Маслова-Лашанская каждую свободную минуту уделяла работе над словарем. Работа эта оборвалась с ее смертью — авторский коллектив в отсутствие С. С. Масловой-Лашанской оказался не в силах довести начатое дело до конца.

У С. С. Масловой-Лашанской осталось огромное количество учеников. Ею было подготовлено более 200 специалистов по шведскому языку, под ее руководством было написано и защищено 2 кандидатские диссертации (Г. Г. Гальцевой и А. В. Савицкой).

Все, кому выпало счастье учиться у С. С. Масловой-Лашанской, работать с ней, встречаться на многочисленных научных конференциях, неизменным участником которых она являлась, или просто знать ее лично, всегда будут помнить этого тонкого и знающего педагога, доброжелательного и всегда готового прийти на помощь старшего товарища, невероятно требовательного к себе, кристально чистого, в высшей степени принципиального и глубоко порядочного человека, которого коллеги с полным основанием называли совестью кафедры.



Е. Л. Жильцова

**ПРОЦЕСС ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ СЛОВ
В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ ПУТЕМ
СЕМАНТИКО-ФОНЕТИЧЕСКОЙ
ДИВЕРГЕНЦИИ**

(на материале существительных *djävul* и *djäväl*)

В работах, посвященных лексикологии германских языков, семантико-фонетическая дивергенция, т. е. закрепление разных лексических значений за фонетическими вариантами одного и того же слова и превращение этих вариантов впоследствии в разные слова¹, рассматривается обычно на примере лексем, которые уже давно существуют в языке как самостоятельные лексические единицы², и такой их статус не подвергается сомнению. Таким образом, дивергенция, в результате которой они появились, является для этих слов в большинстве случаев фактом уже весьма отдаленного прошлого.

Однако семантико-фонетическая дивергенция, несомненно, имеет место и в современном языке, но, поскольку процесс этот очень длительный, его не всегда удастся заметить и описать. В настоящей статье делается попытка проследить за процессом возникновения новых слов из фонетических вариантов на примере шведских существи-

¹ *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 170.

² Например, *С. С. Маслова-Лашанская* пишет в этой связи о шведских словах *torp* и *torr*, *geell* и *rejäl*, а *А. И. Смирницкий* — об английских словах *shade* и *shadow*. См.: *Маслова-Лашанская С. С.* Указ. соч. С. 170–171; *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1998. С. 238–239.

тельных *djävul* и *djävel*. В качестве материала для анализа использовались произведения шведской художественной литературы, написанные с 1980-х по 1990-е гг., а также данные шведских словарей.

Существительное *djävul* было заимствовано в шведский язык из латинского языка через древнесаксонский. Первое его письменное употребление было зафиксировано в 1526 г. в первом переводе на шведский язык Нового Завета³. Слово было заимствовано в своем основном значении «дьявол», т. е. властитель преисподней, и поэтому, как правило, употребляется в определенной форме, поскольку обозначает единственное в своем роде существо.

Со временем, однако, семантика слова расширилась и оно стало обозначать не только самого дьявола, но и любого представителя и даже представительницу нечистой силы, т. е. употребляться в значении «черт, бес». Так, в одном из рассказов П. Лагерквиста, герои которого попадают в преисподнюю, существительное *djävul* относится как к самому дьяволу: *De var i helvetet. Djävulen sköt artigt undan gallret* (P. Lagerkvist, 1924)⁴ «Они были в аду. Дьявол вежливо отодвинул решетку», так и к другим обитателям ада: *En ny, fet, lismande djävul med stora bröst och violetta puderkakor i skägget tog emot dem... Hon log* (P. Lagerkvist, 1924) «Их приняла новая, жирная, лстывая, большегрудая дьяволица с фиолетовыми хлопьями пудры в бороде... Она улыбалась». Употребление в последнем примере существительного *djävul* в неопределенной форме и с несколькими препозитивными и постпозитивными определениями ограничительного характера свидетельствует о том, что его денотат не обозначает нечто уникальное, а выделен из целого класса однородных объектов. А замена существительного *djävul* личным местоимением женского рода показывает, что данное существительное может использоваться не только для обозначения лиц мужского, но и лиц женского пола.

Со временем слово *djävul* стало употребляться как ругательство, во многих случаях в форме множественного числа: — *Fader Hök, igenkänner ni Hans Clementsson, klockarens son?* — *Jo, djävulen i talja och skot och fan i Esra Hök, känner jag inte igen unga herrn* (O. Levertin, 1899) «— Папаша Хёк, вы узнаете Ханса Клементссона, сына поно-

³ *Hellquist E.* Svensk etymologisk ordbok. Första bandet. Malmö, 1993. S. 146–147.

⁴ Здесь и далее наряду с фамилией автора указывается и год написания произведения, из которого взят пример. Это делается для того, чтобы показать, как протекал процесс семантического размежевания вариантов *djävul* и *djävel* во времени.

маря? — Дьявол забери все тали и шкоты, а черт — Эсра Хёка, если я не узнаю молодого господина»; *Men sen djävlar i mig välter han ner i moll* (Т. Aurell, 1946) «Но потом, дьявол меня побери, он скатывается на минор»; *Nä så jävlar i min själ!* (Е. Johnson, 1940) «Нет уж, дьявол мне в душу».

Рассматриваемое существительное приобрело также и новый лексико-семантический вариант: оно стало обозначать человека, который по аналогии с дьяволом является воплощением какого-нибудь злого начала: низости, подлости, глупости или дурных поступков, — и поэтому вызывает неприязнь у говорящего, т. е. оно стало употребляться в значении «негодяй, мерзавец, противный тип»: *En sedan djävul! — Och allt detta för en grönsiskans skull!* (А. Strindberg, 1888) «Какой мерзавец! — И всё это из-за чирика!»

Поскольку в этом последнем своем значении существительное *djävul* употреблялось главным образом в разговорной речи, то оно стало произноситься с редуцированным безударным гласным в последнем безударном слоге, т. е. *djävəl*: *Först går han i dur den djävəl* (Т. Aurell, 1946) «Сначала он идет в мажоре, негодяй этакий». Как именно проходил этот процесс, наглядно продемонстрировано в одном из рассказов Стига Дагермана, где женщина в гневе крича на вернувшегося домой пьяного мужа: *Din jävul, jävul, jävul, jävel-jäveljäv!*⁵ (S. Dagerman, 1947) «Ах ты мерзавец, мерзавец, мерзавец!», произносит сначала вариант с гласным *u*, но по мере убыстрения темпа речи переходит на вариант с редуцированным гласным. Впрочем, изменение гласного можно рассматривать здесь не только как редукцию, но и как выравнивание по аналогии, поскольку существительное *djävul* имеет форму множественного числа с суффиксом *-ar* — *djävlar*, а такой тип образования форм множественного числа характерен для существительных, оканчивающихся, в частности, на безударное *-el*.

Таким образом, у слова *djävul* возник новый фонетический вариант — *djävəl*. Это положение вещей было отражено в 11-м издании «Словаря Шведской академии» 1986 г., где существительное *djävul* рассматривается как полисемантическое слово, имеющее два лексико-семантических варианта, один из которых имеет прямое значение, а другой — переносное. В словаре указывается, что вместо слова *djävul* в переносном значении может употребляться его фонетиче-

⁵ В данном примере, как и в ряде последующих, имеет место написание, отражающее произношение: *jävəl*.

ский вариант *djäväl*⁶. Словарь констатирует, таким образом, существование семантических расхождений между вариантами *djävul* и *djäväl*: если первый из них употребляется по преимуществу в прямом значении, хотя может употребляться и в переносном, то за вторым закрепляется только переносное значение.

О верности такого заключения свидетельствуют примеры употребления этих вариантов в шведской художественной литературе XX в. В тех случаях, когда слово сохраняет свое исходное значение, употребляется форма *djävul*: *Och vete djävulen hur det här går* (Т. Aurell, 1949) «Один дьявол знает, как это будет»; *Den gråten ger jag djävulen! Talar Enok högt om för brevet, för ensamheten* (ibid.) «К дьяволу эти слезы! Вслух говорит Энок письму, своему одиночеству». Для обозначения же человека, к которому говорящий по тем или иным причинам испытывает неприязнь, используется форма *djäväl*: *Vad är det för en djäväl?* (Svensk ordbok, 1999) «Что это за тип?»; *Jag ska nog få tag i den djäveln!* (ibid.) «Уж я доберусь до этого мерзавца!»; *Hemmansägaren Truls Månsson ansågs allmänt vara den elakaste jäveln i hela Vemmenhögs härad* (Н. Alfredson, 1983) «Владельца хутора Трульса Монссона все считали самым злобным негодяем во всем уезде Вемменхёг», хотя в редких случаях в этом значении встречается и вариант *djävul*: *Vad jag njöt av det. Där fick han, den djävulen* (J. Gardell, 1992) «Как я наслаждался этим. Здорово он получил, этот негодяй».

Как уже отмечалось выше, форма множественного числа рассматриваемого существительного употребляется в составе устойчивых словосочетаний, представляющих собой ругательства: *djävlar i mig* «дьявол (чёрт) меня побери», *djävlar i min själ* «дьявол (черт) мне в душу». При этом невозможно определить, какой фонетический вариант здесь имеется в виду, поскольку формы множественного числа у обоих вариантов одинаковы. Интересно, что в последние десятилетия форма *djävlar* (*jävlar*) все чаще стала употребляться просто как междометие, выражающее широкий спектр эмоций. В зависимости от контекста оно может обозначать:

- удивление: *Det var som om hjärtat hoppat upp och ner i bröstet på honom. Djävlar! Det var svaret. Motorcykeln!* (Н. Olsson, 1968) «Сердце у него в груди как будто запрыгало вверх-вниз. Черт! Вот он, ответ. Мотоцикл!»;
- негодование и угрозу: *Nu jävlar ska jag skjuta ihjäl honom!* (Frick, 1978) «Теперь, черт возьми, я его застрелю!»;

⁶ Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 11 uppl. Stockholm, 1986. (SAOL).

- удовлетворение и радость: Javlar, vad kul vi hade. Ja, jävlar vilka tider (J. Gardell, 1992) «Черт, как здорово было. Да, черт возьми, какие были времена».

В новом, 12-м, издании «Словаря Шведской академии», вышедшем в 1998 г.⁷, *djävul* и *djäväl* (*jäväl*) рассматриваются уже не как формы одного и того же слова, а как отдельные слова, каждое из которых имеет собственную словарную статью. Для слова *djävul* дается дефиниция «злой дух», а для слова *djäväl* — «человек, который вызывает неприязнь»⁸. Как разные лексические единицы эти слова представлены также и в «Толковом словаре шведского языка»⁹. Такое изменение трактовки данных слов составителями словарей, несомненно, имеет веские причины.

Определяющую роль здесь играют формальные, фонетический и орфографический, критерии. Слова *djävul* и *djäväl* (*jäväl*) пишутся и произносятся по-разному. Если бы у слова *djävul* не возникло фонетического варианта, а просто развилось новое значение, то речь, вероятно, шла бы только о полисемии, поскольку семантическая связь между первоначальным значением слова и его более поздним лексико-семантическим вариантом явно прослеживается. Но так как фонетический вариант появился, то за каждым из вариантов закрепилось одно из лексических значений, т. е. произошла семантико-фонетическая дивергенция¹⁰, что и дало основания рассматривать эти варианты как разные слова.

Наряду с фонетической формой рассматриваемые слова отличаются и по своим морфологическим признакам: у них разные определенные формы единственного числа — *djävulen* и *djäveln*.

Очень важным критерием являются семантические различия. Это, во-первых, наблюдаемая в последние десятилетия последовательная и четкая закреплённость прямого значения за вариантом *djävul*, а переносного — за вариантом *djäväl*. Кроме того, у слова *djäväl* появились новые лексико-семантические варианты, семантически никак не связанные с обозначением дьявола как воплощения зла и не встречающиеся у существительного *djävul*. Это, прежде всего,

⁷ Последнее по времени, 13-е, «издание Словаря Шведской академии», увидело свет в апреле 2006 г., однако автор, к сожалению, не имел возможности им воспользоваться.

⁸ Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 12 uppl. Stockholm, 1998. S. 143. (SAOL).

⁹ Svensk ordbok. Stockholm, 1999. S. 218.

¹⁰ Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 170.

лексико-семантический вариант, имеющий исключительно положительную коннотацию, — «ас, мастер своего дела»: *Gubben var en gammal orädd jävel* (A. Engström, 1916) «Старик был старым бесстрашным морским волком» (речь идет об опытном штурмане); *en djäväl på att spela golf* (Svensk ordbok, 1999) «ас по игре в гольф».

В составе некоторых фразеологизмов, характерных для разговорной речи, существительное *djäväl* приобретает еще ряд значений: «оплеуха, затрещина» во фразеологическом сочетании *ge ngn en djäväl* «дать кому-л. затрещину» и «рюмка водки» в сочетании *ta sig en djäväl* «выпить рюмочку»¹¹. Оба эти значения реализуются только в рамках данных фразеологизмов и пришли в разговорный язык из сленга¹². В приведенных фразеологизмах существительное *djäväl* никогда не заменяется существительным *djävul*, так же, впрочем, как никогда не происходит обратной замены и в устойчивых сочетаниях с последним: *ge djävulen i ngt* «наплевать на что-л.» и *ge sig djävulen på ngt* «голову отдать на отсечение»¹³.

По-разному ведут себя рассматриваемые существительные и при образовании композитов. Со словом *djäväl* в качестве второго компонента образуются такие распространенные в разговорной речи сложные слова, как *gubbdjäväl* «старый черт», *finndjäväl* «чертов финн», *kärringdjäväl* «чертова баба», которым компонент *djäväl* придает отрицательную, оскорбительную характеристику: *Hä! Som gubbdjäveln skulle sagt* (T. Aurell, 1946) «Ха! — как сказал бы старый черт»; *Du, finndjäväl* (A. Engström, 1916) «Послушай ты, чертов финн». *Kärringdjäväl! vrålade han och kastade sin maka mot sätugnen* (H. Alfredson, 1983) «Чертова баба! — взревел он и приложил свою супружницу об плиту». Что же касается существительного *djävul*, то оно никогда не становится частью подобного рода композитов.

Различия наблюдаются и в семантике прилагательных, образованных от каждого из данных существительных. Прилагательное *djävulsk*, образованное от существительного *djävul* посредством суффикса *-sk*, имеет значение «дьявольский», т. е. либо имеющий отношение к дьяволу, либо злой, коварный. В последнем случае свойства, характерные для дьявола переносятся на лицо или действие: *en djävulsk fälla* «дьявольская западня», *en djävulsk plan* «дьявольский план».

¹¹ Svensk ordbok. S. 218.

¹² Gibson H. Svensk slangordbok. Nacka, 1980. S. 29.

¹³ Svensk ordbok. S. 218.

В таком же значении раньше употреблялось и слово *djävla* (*jävla*). Это форма родительного падежа множественного числа существительного *djävul*, которая в XVIII в. начала использоваться в функции прилагательного и первоначально обозначала принадлежность дьяволу, не имея никакого иного, вульгарного оттенка значения: *ett djävla väsen* «сущность дьяволов», *djävla klokhet* «ум дьяволов»¹⁴.

Однако по мере развития семантики существительного *djävul* в сторону приобретения им новых лексико-семантических вариантов с переносным значением первоначальное значение формы *djävla* было утрачено, и она приобрела семантику «проклятый, противный, чертов», обозначая крайне неодобрительное, неприязненное отношение говорящего к тому или иному лицу или предмету: *Det är den djävla drängen som sitter i ryggen på mig!* (A. Strindberg, 1888) «Этот проклятый слуга сидит у меня на спине!»; *jävla surkona* (L. Ahlin, 1944) «противная злючка»; *Han tror att jag vill ha en av hans jävla slipsar* (L. Ahlin, 1944) «Он думает, что мне нужен один из его чертовых галстуков». Одновременно с приобретением словом *djäväl* положительного значения «мастер своего дела», у прилагательного *djävla* также появился новый, аналогичный лексико-семантический вариант «великолепный, виртуозный», выражающий одобрение или восхищение: *Han är en djävla skytt* (Svensk ordbok, 1999) «Он великолепный (чертовски хороший) стрелок». Таким образом, значение лексико-семантических вариантов прилагательного *djävla* свидетельствует о том, что семантически оно в настоящее время соотносится с существительным *djäväl*.

Прилагательное *djävlig*, образованное от слова *djäväl* посредством суффикса *-lig*, приобрело отрицательную коннотацию и имеет значение «трудный, неприятный, обидный»: *Vilken djävlig vecka det har varit* (ibid.) «Какая тяжелая была неделя»; *det är för djävligt att det ska regna just idag* (ibid.) «Как обидно, что дождь пошел именно сегодня»; *De var jävliga mot den nya eleven* (ibid.) «Они плохо обращались с новым учеником»; *jävliga fruntimmer* (A. Engström, 1916) «противные бабы». Кроме того, качественное наречие, образованное от данного прилагательного посредством суффикса *-t*, может употребляться в усилительной функции: *Det var djävligt hyggligt av dig* (Svensk ordbok, 1999) «Это было чертовски любезно с твоей стороны».

Таким образом, фонетические, морфологические, семантические и словообразовательные признаки свидетельствуют о том, что су-

¹⁴ *Hellquist E.* Op. cit. S. 146–147.

ществительные *djävul* и *djäväl* в современном шведском языке — это скорее разные слова, чем варианты одного и того же слова. Вместе с тем нельзя отрицать, что у слова *djävul* «дьявол» и у основного лексико-семантического варианта слова *djäväl* «негодяй, мерзавец» сохраняется общий семантический компонент — воплощение злого начала, и поэтому семантическая связь между этими словами остается очень тесной. Это подтверждает и факт употребления слова *djävul* в значении «негодяй, мерзавец» в приведенном выше примере из романа Ю. Гарделя, написанного в 1992 г., т. е. всего за шесть лет до того, как *djävul* и *djäväl* были впервые представлены в «Словаре Шведской академии» как разные слова. Поэтому очевидно, что безусловно имеющий место в шведском языке процесс семантико-фонетической дивергенции вариантов *djävul* и *djäväl* еще до конца не завершен и мы имеем возможность наблюдать за его развитием.

Источники

1. *Ahlin L.* Kommer hem och är snäll // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
2. *Alfredson H.* Tio små negerbollar eller Fostersönernas hämnd // Современная шведская проза: Сборник рассказов для чтения. М., 1997.
3. *Aurell T.* Intill helgsmål // Kärlek genom ett fönster. Södertälje, 1992.
4. *Aurell T.* Pingstbrud // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
5. *Dagerman S.* Nattens lekar // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
6. *Engström A.* Skeppar Vesterbom // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
7. *Frick L.* Det vet man ju. Stockholm, 1978.
8. *Gardell J.* En komikers uppväxt. Stockholm, 1993.
9. *Johnson E.* Advent på 30-talet // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
10. *Lagerkvist P.* Hissen som gick ner i helvete // Kärlek genom ett fönster. Södertälje, 1992.
11. *Levertin O.* Ur ett hjärtas dagbok // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
12. *Olsson H.* Motorcykeln // Svenska noveller. Stockholm, 1976.
13. *Strindberg A.* Fadren; Fröken Julie. Stockholm, 1997.
14. Svensk ordbok. Stockholm, 1999.

E. L. Zjiltsova

UPPKOMSTEN AV NYA ORD AV FONETISKA VARIANTER I SVENSKAN
(substantiven *djävul* och *djäväl*)

Artikeln handlar om hur orden *djävul* och *djäväl* som först bara var fonetiska varianter av ett och samma ord (SAOL, 11 uppl., 1986) höll på att förvandlas till olika ord (SAOL, 12 uppl., 1998). Det finns flera fonetiska, morfologiska och

semantiska orsaker till en sådan utveckling. De två fonetiska formerna har så småningom fått olika betydelser: *djävul* betyder nu enbart «den onda anden», medan *djävvel* har betydelse «otäck person». Ordet *djävvel* har också fått ett par nya betydelser vilka ordet *djävul* saknar. Substantiven ingår i olika fasta fraser, där de inte kan ersätta varandra. Dessutom har de olika bestämda former i singularis och man bildar olika adjektiv av dem. Allt detta tyder på att *djävul* och *djävvel* i modern svenska är snarare olika ord än fonetiska varianter, fast ett visst semantiskt samband mellan dem finns kvar.



О. В. Костанда

МЕТАФОРА ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ШВЕДСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Для анализа особенностей метафоры имени в современной шведской художественной прозе были выбраны романы Класа Хюллингера «Долгое прощание» и Юнаса Гарделя «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк». Данные произведения, примерно одинаковые по объему, представляют собой два совершенно различных, но в то же время типичных для современной шведской литературы образца. Роман «Долгое прощание» написан в русле постмодернизма с минимальным использованием традиционных средств выразительности. На протяжении всего романа зафиксировано лишь 70 случаев употребления метафор имени. Психологический роман «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк» написан в довольно эмоциональной реалистической манере. В данном произведении автор прибегает к метафоре имени более 240 раз. Следует отметить, что в обоих случаях подавляющую часть метафор имени представляют собой метафоры языковые, широко используемые языковым коллективом в целом. Приведем ряд примеров:

Men parallellt med kärlekslyckan växte hans missmodighet «Но параллельно со счастьем любви в нем росло недовольство» (СН, 40).

Hennes göst var musik för mina öron «Ее голос звучал музыкой в моих ушах» (СН, 46).

Framför Centralstationen bildades en hel sjö av slask «Перед центральным вокзалом образовалось целое озеро грязи» (СН, 90).

En japansk turistgrupp har bildat en propp i det trånga utrymmet «Группа японских туристов создала пробку в тесном проходе» (JG, 127).

Ett sista steg återstår «Остается сделать последний шаг» (JG, 211).

Gud är på min sida «Бог на моей стороне» (JG, 91).

Astrid var gängets ledare och drottning «Астрид была лидером и королевой компании» (JG, 10).

Строго говоря, в романе «Долгое прощание» можно выделить лишь две бесспорные авторские метафоры имени:

Sedan han bestämt sig för att leva som fri författare hade han haft envisa ekonomiska bekymmer «С тех пор как он начал жить жизнью свободного писателя, он испытывал упрямые финансовые трудности» (СН, 40).

...vit rök vällde upp ur glasen, gled ner för sidorna och bredde ut sig över bordets landskap «Белый дым валил из стаканов, соскальзывал по бокам и расстилался над ландшафтом стола» (СН, 47).

К поэтическим метафорам в романе «Жизнь и приключения господи Бьёрк» относятся, например, следующие:

Nu är den vattentät — lyckan «Теперь оно водонепроницаемо — счастье» (JG, 25).

...en stilla dammig söndag... «спокойное пыльное воскресенье» (JG, 136).

Vildrosor av glädje och uppror slår ut i henne «В ней распускаются дикие розы радости и протеста» (JG, 43).

Следует заметить, что разделение метафор, особенно экспрессивно-образных, на языковые и авторские является в определенной степени условным, поскольку многие метафоры находятся на промежуточной стадии: употребленные однажды в качестве средства выразительности конкретным автором, они постепенно закрепляются в языке и входят в общезыковой набор устойчивых тропов. М. М. Бахтин говорит о единстве активности оценки при создании авторских сравнений и метафор. Это единство основано на эмоционально-волевом взаимоотношении и сродстве слов. Оно создается не логической мыслью, но чувством оценивающей активности. По словам М. М. Бахтина, «это не предметные необходимые связи, оставляющие чувствующего и волящего субъекта вне себя, не нуждающиеся в нем, но чисто субъективные, нуждающиеся в субъективном единстве чувствующего и волящего человека, связи»¹. Отвлеченная от

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 66.

чувства связующей и формирующей активности автора, метафора умират, т. е. перестает быть поэтической (авторской). При этом в качестве просто языковой метафоры она может служить и целям познавательного высказывания.

Говоря о романе Юнаса Гарделя, интересно отметить, что некоторые метафоры не только повторяются на протяжении всего повествования (например, за определенными героями закреплены определенные метафорические характеристики), но в ряде случаев на их основе автор выстраивает целые цепочки рассуждений и описаний. При этом сама метафора может несколько видоизменяться при сохранении положенного в основе сравнения образа:

Hennes föreställning om lyckan var en elektrisk ljusstake i fönstret... Men Börje tog ifrån henne adventsljusstaken... Så fann hon en ny adventsljusstake hos herr Björk... Är adventsljusstaken hos herr Björk ändå inte nog? «Ее представления о счастье были подсвечником с электрическими свечами на окне... Но Бёрье отнял у нее рождественский подсвечник... Тогда она нашла новый рождественский подсвечник у господина Бьёрка... Неужели рождественского подсвечника у господина Бьёрка все же недостаточно?» (JG, 51).

Var hennes rötter de brittiska TV-serierna...?. Hennes rötter är tallarna utanför radhuset i Hässelby... Här, jag vill att du ska lära känna mina rötter, skulle hon kunna säga och peka på en tall, den enda sanna rot hon har «Были ли ее корнями британские телесериалы...?. Ее корни — это сосны перед зданием ратуши в городе Хэссельбю... Вот, я хочу, чтобы ты узнал мои корни, сказала бы она, указывая на сосну, единственный настоящий корень, который у нее есть» (JG, 116).

В ходе анализа романов выяснилось, что среди метафор имени, употребляемых авторами, выделяются четыре большие тематические группы:

□ метафоры, используемые при описании внешности человека:

...en söt rödhårig flicka... «...милая (букв. «сладкая») рыжеволосая девушка...» (CH, 180).

...men hon var en svarthårig ängel «...но она была черноволосым ангелом» (CH, 180).

Hennes hy har hårdnat och blivit till fotsula «Кожа на ее лице огрубела и превратилась в подошву» (JG, 207).

...inte jag i alla fall med mitt råttthår «...по крайней мере, не я с моими крысиными волосами» (JG, 207).

...tjocka Margareta som dansade till «Love me do» så att fläsket hoppade «...толстая Маргарета, которая так танцевала под песню “Love me do”, что все ее сало подпрыгивало» (JG, 146).

□ метафоры, используемые при описании природы и погодных явлений:

Det hade varit en mild vinter igen «Зима вновь выдалась мягкой» (CH, 151).

...stod trädet där i vattnet med sin boll av grönska «...там, в воде, стояло дерево со своим шаром зелени» (CH, 177).

Himlen ligger tunn och vit över staden... «Над городом простирается тонкое белое небо...» (JG, 145).

I rännstenen ligger blöta bruna löv, ledsna bruna löv «В водосточной канаве лежат влажные коричневые листья, грустные коричневые листья» (JG, 156).

Långt borta ser hon Wenner-Gren Center och bortom det höga huset en smutsig, grå himmel... «Вдалеке она видит центр Веннер-Грен, а за этим высоким зданием — грязное серое небо...» (JG, 49).

□ метафоры, используемые при описании внутреннего мира, характера, мыслей и чувств человека:

...men de är fattiga invärtes «...но они бедны внутренне» (CH, 134).

...den där hemliga rösten inom oss «...этот тайный голос внутри нас» (CH, 59).

Hon var ett irrande djur... «Она была блуждающим зверем...» (JG, 39).

...just därför att han inte ens lyssnade till hennes undergångs skrik, just därför att han störtade henne i avgrunden... «...именно потому, что он даже не слушал крика ее падения, именно потому, что он столкнул ее в пропасть...» (JG, 134).

Hon bestämmer sig för att alla svenskar är tråkiga, grå och intetsägande «Она решила, что все шведы скучные, серые и ничего не говорящие» (JG, 106).

□ метафоры, используемые при описании отношений между людьми:

...träffa varandra utan mask «...встретить друг друга, отбросив маски» (CH, 75).

...jag kände mig nu helt kurerad av värmen från denna gamla kvinnas leende «...теперь я чувствовал себя исцеленным теплом улыбки этой пожилой женщины» (СН, 89).

Börjes grövsta brott var att inget klister i världen kunde foga samman Vivians värld igen «Самым тяжким преступлением Бёрье было то, что ни один клей в мире не мог вновь склеить мир Вивиан» (JG, 72).

För det finns gränser även för hur snäll herr Björk är «Потому что существуют границы даже доброте господина Бьёрк» (JG, 79).

Herr Björk gav henne möjlighet att glömma nederlaget «Господин Бьёрк дал ей возможность забыть о поражении» (JG, 24).

Последние две группы частично перекрывают друг друга.

Как уже отмечалось ранее, метафора имени прилагательного в обоих произведениях употребляется не реже, чем метафора имени существительного.

Метафоризация имени прилагательного имеет свою специфику. При метафоризации у большинства прилагательных возникают оценочные смыслы. Это хорошо видно на примере прилагательных, употребляемых метафорически на страницах романов, большая часть которых представляет собой именно оценочные метафоры:

...jag svarade dem skarpt och nyktert «...я отвечал им резко (букв. «остро») и трезво» (СН, 88).

En mager talare framförde med entonig röst sitt magra budskap «Тощий оратор монотонно высказывал свою тощую мысль» (СН, 25).

Ett sådant varmt och vackert skratt han hade «У него был такой теплый красивый смех» (JG, 13).

При этом оценочный смысл приобретает не само прилагательное, а именная группа, в которую оно входит. Если же само существительное в метафоре является оценочным, то прилагательное чаще всего служит интенсификатором. Е. М. Вольф приводит следующие рассуждения по этому поводу: «Существуют пары прилагательных, дескриптивные смыслы которых имеют постоянную связь с одним из оценочных знаков... Однако в других случаях оценочные смыслы прилагательных в прямых значениях, указывающих на дескриптивные свойства объектов, определяются местом этих объектов (с соответствующими признаками) в картине мира и не могут рассматриваться как принадлежащие самим прилагательным. Оценки объектов, которым приписываются физические признаки, определяются нор-

мативной картиной мира данного социума»². Оценочный смысл метафор не обязательно совпадает с оценочным смыслом исходных выражений, тем не менее многие прилагательные в метафорических сочетаниях приобретают оценочные смыслы. На основе анализа двух романов можно выделить следующие противопоставленные друг другу в оценочном смысле прилагательные:

mild (букв. «мягкий»), mjuk (букв. «мягкий») — hård (букв. «жесткий, твердый»);

varm (букв. «теплый»), het (букв. «горячий, жаркий») — kall (букв. «холодный»), kylig (букв. «прохладный»), iskall (букв. «холодный, как лед»);

ren (букв. «чистый») — smutsig (букв. «грязный»);

lätt (букв. «легкий»), flyktig (букв. «летучий, воздушный, поверхностный») — tung (букв. «тяжелый»);

söt (букв. «сладкий») — sur (букв. «кислый»);

...ett offer för en kall och materialistisk omvärld «...жертва холодного материалистического окружения» (СН, 16);

...den tidens hetaste fråga i Finland «...самый горячо обсуждаемый в то время в Финляндии вопрос» (СН, 18);

...det kan inte vara lätt att bli uppfostrad av det där fläskmonstret «...должно быть, нелегко, когда тебя воспитывает такой жирный монстр» (JG, 197);

...deras namn var minsann tungt av historia och hennes flyktigt som en gest «...все-таки их фамилия была отяжелена (букв. «тяжелая») историей, а ее — легкая и мимолетная как жест» (JG, 39);

Att vara attraktiv är alls inte samma sak som att vara söt «Быть привлекательной — совсем не то же самое, что быть милой (букв. «сладкой»)» (JG, 14);

Varför så satans sur? «Почему ты такая чертовски кислая?» (JG, 181);

Hur hade han fått ett sådant hårt hjärta? «Почему у него такое твердое (жесткое) сердце?» (JG, 143);

Hela den kvällen log Vivian ett mildt, kultiverat leende, ansträngde sig att lägga ned besticken mjukt... «Весь этот вечер Вивиян улыбалась мягкой светской улыбкой, старалась класть приборы мягко» (JG, 75).

Подводя итоги, можно сказать, что в современной шведской художественной прозе метафора имени существительного доминиру-

² Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1988. С. 54.

ет над метафорой имени прилагательного. Основную часть метафор составляют языковые метафоры. Можно выделить основные сферы, при описании которых авторы прибегают к использованию метафор: внешность человека, описание природы, внутренний мир и характер человека, а также отношения между людьми. Среди метафор, выраженных именем прилагательным, преобладают метафоры, носящие оценочный характер.

Источники

CH — *Hylinger C.* Ett långt farväl. Viborg, 1997.

JG — *Gardell J.* Fru Björks öden och äventyr. Stockholm, 1990.

O. V. Kostanda

SUBSTANTIVISK OCH ADJEKTIVISK METAFOR I MODERN SVENSK SKÖNLITTERATUR

I artikeln analyseras substantivisk och adjektivisk metafor i två moderna svenska romaner: Jonas Gardells «Fru Björks öden och äventyr» och Claes Hylingers «Ett långt farväl». Man jämför antalet individuella och lexikaliserade metaforer i de båda romanerna, delar in substantiviska metaforer i temagrupper enligt de områden där de används: människoyttre, naturbeskrivningar, människans inre värld och relationer mellan människor. Adjektiviska metaforer klassificeras i ett antal par motsatsadjektiv.



Е. В. Краснова

СТРУКТУРНО НЕМОТИВИРОВАННЫЕ КОМПОЗИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди датских композитов выделяется довольно большая группа номинальных образований, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым элементами. Подобные композиты характеризуются различной степенью прозрачности и выводимости значения, так что в одних случаях можно легко реконструировать лежащие в основе слова связи между элементами, а в других это сделать гораздо сложнее. Количество таких композитов в современном языке постоянно растет, при этом распространение компактных и эллиптических форм, отражающих стремление к экономии языковых средств, характерно не только для заголовков газет. Подобные сложные слова можно с полным правом назвать «модными», поскольку они широко употребляются и в письменной, и в устной речи, а опорные члены этих композитов постоянно участвуют в создании новых окказиональных единиц. Не удивительно поэтому, что подобные единицы иногда называют «удобными словами» (*bekvemmelighedsord*)¹.

Номинальные единицы такого типа используются и в других германских языках, однако несмотря на их широкое распространение большинство исследователей по-прежнему уделяют внимание в основном тем эндоцентрическим композитам, в которых явно прослеживается связь между составляющими их элементами, в то время

¹ *Køneke M. Surdejsskålen og oliefluglene: Om komposita og «bekvemmelighedskomposition» // Danske studier. 1990. S. 159–162.*

как большая и несколько диффузная группа структурно немотивированных композитов часто остается без внимания².

Вместе с тем такие на первый взгляд структурно немотивированные композиты, несомненно, представляют интерес для исследователя не только потому, что они получают все большее распространение, но и потому, что восстановление потерянных связей между элементами, исследование более обобщенных формул объединения элементов в сложное слово и различных видов семантической компрессии в пределах сложного слова могут помочь при выявлении механизмов словосложения.

При рассмотрении структурно немотивированных номинальных композитов в современном датском языке обращает на себя внимание жанрово-стилистическая неоднородность таких сложных слов. Среди них встречаются достаточно частотные, которые прочно вошли в обиход и зафиксированы словарями, стилистически нейтральные, при создании которых не ставилась цель достижения определенного художественного эффекта. Однако наибольшая группа — это окказиональные композиты, которые создаются непосредственно в процессе разговора, с опорой на ситуативный контекст и становятся понятны адресату именно в рамках данного контекста. Использование таких немотивированных композитов характерно также для газетно-публицистического стиля, особенностями которого являются краткие и экспрессивные формулировки (*terrorcelle* «террористическая ячейка» — о нескольких молодых людях, арестованных по подозрению в подготовке террористического акта, *mælkekrig* — существительное, которое сначала использовалось применительно к ценовой войне производителей молочных продуктов, но зафиксировано и окказиональное употребление в отношении дискуссии о том, необходимо ли давать ли детям в детских садах молоко, *turistghetto* — о районах, предназначенных исключительно для тури-

² Следует оговориться, что здесь речь идет об исследованиях, посвященных не датскому, а другим германским языкам. На материале датского языка рассмотрение композитов ограничивается лишь кратким описанием в разделах грамматик и несколькими работами, посвященными частным проблемам. См.: *Hansen Aa. Moderne dansk. København, 1967; Jarvad P. Nye ord — hvorfor og hvordan? København, 1995; Danish: A Comprehensive Grammar. London; New York, 1995; Koneke M. 1) Søvnbesær & sovepiller: Om substantiviske komposita // Danske studier. 1989. S. 149–165; 2) Surdejsskålen og oliefuglene... S. 159–162; Nordlex-Projektet. Sammensatte substantiver i dansk. København, 1994; Ørsnes B. At danne og forstå sammensatte ord // Mål og Mæle. 1996. 3 november. S. 24–31.*

стов). Такие экспрессивные немотивированные композиты, часто содержащие в себе метафору, встречаются в заголовках статей и во многих случаях в последующем репродуцируются и в речи, во всяком случае, пока данная тема не потеряет актуальность.

Широко распространено мнение, что толкование структурно немотивированных композитов в отличие от структурно мотивированных представляет собой сложную задачу и не всегда возможно без соответствующего контекста, поскольку только широкий контекст может позволить восстановить опущенные смысловые элементы. Вместе с тем мы часто сталкиваемся с тем, что носители языка с легкостью интерпретируют такие слова даже без обращения к контексту.

Название «структурно немотивированные» достаточно условно, поскольку объединяет различные виды композитов лишь на основании одного признака — немотивированности, т. е. отсутствии прямых семантических и синтаксических связей между компонентами. Однако при ближайшем рассмотрении эта группа оказывается чрезвычайно неоднородной, поскольку опущенные элементы смысловой структуры очень разнообразны по объему и характеру.

На материале датского языка можно выделить 3 вида композитов, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым элементами. Наименее многочисленная, но наиболее простая с точки зрения интерпретации группа — эллиптические композиты. Такие линейные эллиптические сочетания слов, исходно трехчленные, в которых опущен один из элементов, подробно рассмотрены на материале английского языка в работе Б. Уоррен³. Подобные композиты исследователь называет неполными и выделяет три типа таких единиц — с эллипсисом первого, среднего и конечного элементов. Случаи опущения первого и конечного элементов в датском языке здесь не рассматриваются, поскольку они не приводят к разрыву смысловых связей между компонентами сложного слова. Однако при опущении среднего элемента могут возникнуть трудности в интерпретации композита. Так, например, в слове *frokostformat* «avis, der udkommer om formiddagen» (*frokost(avis)format*) опущен элемент «avis» и, таким образом, теряется непосредственная смысловая связь между элементами *frokost* и *format*, что, в частности, выражается в невозможности преобразовать такое

³ *Warren B. Semantic Patterns of Noun-noun Compounds // Acta Universitatis Gothoburgensis, 1978. (= Gothenburg Studies in English. 41).*

слово в словосочетание, в отличие от, например, сложного слова frokostpause («en pause til frokost»); существительное mobilselskab может быть понято как «мобильная компания», в то время как речь идет «компании, занимающейся продажей мобильных телефонов» (mobil(telefon)selskab), jordlov — это не просто закон о землепользовании, но закон о загрязнении земель (jord(forurenings)lov), другие эллиптические композиты более прозрачны (døgn(hjemme)pleje, mærke(vare)tøj).

Хотя эллипсис не является самым распространенным трансформационным приемом в датском словообразовании, многие из вошедших в словари слов на самом деле являются результатом опущения среднего элемента.

Во второй группе немотивированных композитов интерпретация во многом зависит от контекста. Такие слова часто допускают несколько трактовок, и потому декодирование их семантической структуры, как правило, невозможно без привлечения контекстуального материала, т. к. они содержательно зависимы от предыдущего или последующего контекста, т. е. имеют анафорическую или катафорическую зависимость от текста. Например, сложные слова такого типа, используемые в заголовках газет, в концентрированном виде представляют нам содержание последующей статьи, готовя нас к восприятию информации (terrorjagt, fyrværkerikatastrofe, hooliganregister, dankortbande, computerspor). А структурно немотивированные композиты, использованные в конце газетной статьи, представляют собой некое обобщение, фиксирование важных элементов и характеристик, содержащихся в тексте. Так, например, после изложения проблем, которые возникли в районе г. Колинга в связи с аварией на складе пиротехники, в тексте статьи появляются существительные fyrværkerigrund, fyrværkeriområde, а в конце статьи о преступлениях, связанных с банкоматами, — слово dankort-svindel, в статье, посвященной детям из неблагополучных семей, — композиты tvangsfjernelse, slægtsanbringelse.

При этом композит не всегда образуется из лексических единиц, которые входят непосредственно в предшествующий контекст в виде отдельных слов. Часто эти компоненты не актуализированы в контексте, а лишь подразумеваются, присутствуют в нем неявно.

Вместе с тем трудно согласиться с некоторыми исследователями, которые утверждают, что отсутствие прямых смысловых связей между компонентами композита отражает отсутствие таких связей

между предметами действительности⁴. Как правило, такая связь между предметами и явлениями действительности присутствует — иначе невозможно было бы образования сложного слова, значение которого, как правило, выводимо даже без контекстуальной соотнесенности. Вопрос только в том, каков характер этой связи и каким образом происходит «сцепление» элементов (или «опущение» промежуточных структур).

Принципиальные словообразовательные отличия от других структурно немотивированных композитов наблюдаются в третьей группе, представляющей собой сложные слова с конкретным существительным в качестве второго элемента. Речь идет о 60–70 существительных, наиболее частотными из которых являются: -apparat, -avis, -bus, -center, -effekt, -flade, -flugt, -funktion, -ghetto, -gruppe, -hus, -kløft, -konflikt, -område, -pakke, -plan, -pleje, -sag, -samfund, -situation, -syndrom. Эта большая и на первый взгляд достаточно разнородная группа имеет ряд общих особенностей: широкое распространение в последние годы, расширение значения или метафорический перенос второго элемента, образование целых рядов с рассматриваемыми вторыми элементами.

Создание новых форм на основе уже существующих в языке моделей — это процесс, радикально отличающийся от создания сложных слов на основе набора продуктивных правил. Иначе говоря, при создании окказионализмов на основе закономерностей сочетаемости и совместимости непосредственных составляющих используются совершенно другие механизмы, чем при создании окказионализмов по аналогии. При образовании композитов по аналогии носитель языка не столько пользуется определенными базисными структурами и системными связями, характерными для датского композита вообще, сколько подыскивает подходящую модель, хранящуюся у него в памяти. А при интерпретации окказионального композита с «модным» вторым компонентом носитель языка, очевидно, соотносит его определенными стереотипными моделями, имеющимися в его распоряжении.

Создание продуктивной модели может начаться с появления одного слова. Так, с начала 1950-х гг. под влиянием английского языка стало использоваться слово *kløft* в переносном значении «разрыв, пропасть, расхождение во взглядах». На основе одного из первых

⁴ Мешков О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка М., 1986. С. 104; *Køneke M. Surdejsskelen og oliefluglene...* S. 159–162.

композигов — generationskløft со значением «пропасть между поколениями, конфликт поколений» — возникло и продолжает возникать множество композигов (kulturkløft, kommunikationskløft, informationskløft, forståelseskløft, tillidskløft, troværdighedskløft, uddannelseskløft). При этом при создании этих композигов говорящий не столько создает новый композит (между частями сложного слова во многих случаях нет никакой видимой связи), сколько обращается к определенной модели. При интерпретации таких композигов также происходит не столько анализ взаимоотношения составляющих компонентов, сколько сопоставление с той или иной уже имеющейся в памяти моделью. Таким образом, возникают многочисленные образования, в которых наблюдается расширение значения второго элемента по сравнению с опорной лексемой.

Модели, к которым обращается носитель языка при создании композита или его интерпретации, для каждого опорного члена свои, но набор их ограничен. Например, для сложных слов со вторым элементом -konflikt (в котором наблюдается расширение значения при сравнении с исходной лексемой) можно выделить следующие пространственные модели существительных, где отсутствует прямая связь между первым и вторым элементами:

- первый компонент представляет собой метонимическое обозначение группы людей (buskonflikt, taxikonflikt — это производственный конфликт водителей автобусов и водителей такси);
- первый компонент представляет собой метонимическое обозначение людей и производства (havnekonflikt, skolekonflikt);
- во втором компоненте наблюдается расширение значения, так что -konflikt означает «несоответствие» (identitetskonflikt, målkonflikt).

В случае активного репродуцирования таких композигов возникает парадоксальная ситуация: при отсутствии непосредственных связей между элементами и, казалось бы, необходимой опоры на контекст эти слова часто оказываются более «предсказуемыми» и прозрачными, чем эндоцентрические композиты с элементами, которые находятся в непосредственном «контакте» и между которыми существуют непосредственные семантические отношения (время, место, причина и т. п.). Ведь отношения элементов структурно мотивированного композита в принципе могут быть чрезвычайно разнообразны, возможны и множественные толкования значения сложного слова: sommerbørn — это «дети, родившиеся летом» или «дети, которые приезжают летом», а kineserкурser — это «курсы для

китайцев» или «курсы, которые организуют китайцы»? Кроме того, одно и то же существительное вступает в самые разные отношения с первым компонентом: frokostpause «обеденный перерыв» — это перерыв, во время которого обедают, vinterpause — «перерыв на время зимы», а, например, træningpause — это «перерыв во время тренировки или тренировок».

Однако в образовании третьей группы структурно немотивированных композитов предшествующий контекст не принимает непосредственного участия, доминирующей моделью является образование по аналогии, а отношения элементов также выходят на второй план, поскольку их «сцепление» происходит на основе более или менее произвольного выбора.

Главным при интерпретации таких композитов оказывается не анализ взаимоотношения входящих в него элементов, а подбор определенных моделей, которые уже существуют в памяти носителя языка. Чем активнее и продуктивнее словообразовательная модель, тем легче она интерпретируется. Этот факт необходимо учитывать при изучении таких немотивированных композитов, которым как словам с не полностью представленной смысловой структурой зачастую отводится место на периферии словообразования.

Особый случай представляют собой композиты с именем собственным в качестве первого элемента, имеющие единичную предметную отнесенность. Для идентификации таких композитов необходимо обращение к контексту, однако существующие стереотипы, несомненно, помогают и в данном случае, так что носителю языка довольно легко их «раскодируют». Набор опорных членов в таких композитах достаточно ограничен (-krise, -sag, -debat, -affjre, -spørgsmål, -ballade, -konflikt, -effekt, -syndrom), при этом в качестве первого элемента может оказаться любое актуальное в настоящий момент собственное имя (Mary-effekt, Farum-sag, Muhammed-krise, Bush-syndrom).

Бурное развитие продуктивных моделей на основе расширения значения, метафорического и метонимического переноса — благоприятного материала для развития словообразования по аналогии, несомненно, объясняется выросшей за последние годы ролью СМИ и широким использованием Интернета. Наличие «открытых» моделей композитов облегчает создание и интерпретацию множества окказиональных образований. Даже самый необычный окказионализм имеет словообразовательную аналогию в языковой системе: каждое окказиональное слово в структурном и семантическом пла-

не напоминает знакомый узуальный словообразовательный образец. Принадлежность окказионализма к сети парадигматических и синтагматических отношений облегчает его понимание и способствует его логически правильной интерпретации в любом контексте. Процессы толкования и интерпретации происходят при обращении к уже имеющимся в распоряжении носителя языка моделям.

E. V. Krasnova

KOMPOSITA UDEN DIREKTE FORBINDELSE MELLEM FØRSTE OG ANDET LED

I artiklen beskrives der komposita, der ikke har direkte forbindelse mellem første og andet led. Selv om disse komposita i princippet kan have mange fortolkninger, kan de i de fleste tilfælde nemt identificeres af sprogbrugere, da det vigtigste er tilhørsforholdet til en bestemt produktive model.



Ю. К. Кузьменко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛАНСА ГЛАСНЫХ В ШВЕДСКИХ И НОРВЕЖСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Описание баланса гласных

Термином «баланс гласных» (швед. *vokalbalans*, норв. *likevekt*) обозначают зависимость качества или долготы гласных второго слога от исконной долготы первого слога. В древнешведских и древненорвежских памятниках баланс гласных заключается в чередовании *a*, *i*, *u* после краткого (одноморного) слога с *æ*, *e*, *o* после долгого (двуморного) слога, ср.: др.-шв. *kastæ*, *husæ*, *moþer*, *tungo*, *landom*, но *þera*, *tala guþi*, *gatu*, *faþir laghum*, др.-норв. *sændæ*, *høyræ*, но *gera*, *vita*¹. В современных диалектах баланс гласных имеет разную реализацию особенно в том, что касается отражения рефлекса исконного закорневого *a*. См., например:

После исконного краткого	После долгого слога
<i>baka</i>	<i>kasta</i> др.-исл. (без баланса)
<i>bå'kå:</i>	<i>kaste/a</i> (Vägä, Oppland)
<i>bå'kå:</i>	<i>kaste</i> (Tinn, Telemark)
<i>ba'kå</i>	<i>kasta</i> (Mora, Dalarna)

¹ *Noreen A.* Geschichte der nordischen Sprachen. Strassburg, 1913. S. 127; *Wessén E.* Svensk språkhistoria. Stockholm, 1941. S. 41; *Seip D. A., Saltveit L.* Norwegische Sprachgeschichte. Berlin, 1971. S. 110.

После исконного краткого	После долгого слога
baká	kast (Houtskär, Finland)
bâkâ	kasta (Dalarna, Hjäledalen)
baka	kaste ~ kast' (Norrland)
bâkkâ	kast (Oppdal, Trøndelag)
bâkkâ	kaste (Ålen, Trøndelag)
bâkâ	kaste ² (Numedal, Buskerud)

Исконное закорневое а может выступать и в виде качественного чередования а после исконных долгих слогов с â после исконных кратких слогов, и в виде чередования апокопированных или редуцированных форм после исконных долгих слогов с â после исконных кратких слогов, и в виде качественно-количественного чередования а — а:, а — â:, где после краткого слога стоит ударный долгий гласный. Наиболее заметно проявляются балансные чередования гласных в инфинитивах глаголов и формах существительных; ср., например: vårtå «быть», др.-исл. vera, hårtå «заяц», (др.-исл. hara, косв. падежи), kast' «бросать» (др.-исл. kasta), vi:'s «строфа» (др.-исл. vísa) в говоре Оппдала³. В части диалектов баланс гласных затрагивает только глаголы, но не существительные. В норвежской диалектологической традиции есть даже термин «расщепленный инфинитив» (kløyvd infinitiv), обозначающий разные формы инфинитива в зависимости от баланса гласных⁴.

Обычно к диалектам с балансом гласных относят и диалекты с сохранившейся краткосложностью, там, где балансные чередования являются регулярными и живыми, ср., например: tålå, no tœlœr (др.-исл. tala — talar), dråpeå, no dripi (др.-исл. drepa — drepit), и те диалекты, в

² Storm J. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia. 1. Kristiania, 1908. S. 62–63; Øverby J. Målføra på indre Austlandet // Austlandsmål / Red. av O. Skogstad. Oslo, 1974. S. 13–14; Levander L. Dalmålet: Beskrivning och historia. I–II. Uppsala, 1925–1928. S. 225–228; Kock A. Långa ändelsevokaler i det nordiska fornspråket // Arkiv för nordisk filologi. 1888. Bd. 4. S. 89; Neuman E. Utbredningen av vokalsbalansen a — â i medel-svenskan. Uppsala, 1918. S. 1; Dahlstedt K.-H. Efterledsapokope i nordsvenska dialekter. Uppsala, København, 1955. S. 7–8; Haugen E. Oppdalsmålet. Innføring i et sørtrøndsk fjellbygdsmål. Oslo, 1982. S. 49; Reitan J. Aalens maalføre. Christiania, 1906. S. 4; Hoff I. Numedalsmålet. Oslo, 1949. S. 38. В транскрипции скандинавских и саамских примеров в данной статье я старался, насколько возможно, следовать транскрипции источника.

³ Haugen E. Op. cit. S. 49.

⁴ Øverby J. Op. cit. S. 14.

которых произошло удлинение корневого слога, т. е. там, где частично сохраняются балансные чередования гласных, которые, однако, сейчас уже не связаны с краткостью предшествующего слога, а являются лексикализованными (историческими) чередованиями, ср., например, *båkå* в диалектах Трёнденлага или *bå:kå* в Телемарке. В таких диалектах наблюдаются нарушения исконного распределения заударных гласных, во многих исконных краткосложных словах генерализуется безударный вокализм исконных долгосложных форм или появляются другие типы, ср., например, норвежский диалект Рёруса, где возможны три типа инфинитива: *våttå*, *ba:ka*, *drikke*, др.-исл. *vita*, *baka*, *drekka*⁵. Первый этап такого вытеснения показывает нам, например, северонорвежский диалект Раны, где произошло удлинение исконных кратких слогов. Часть исконных краткосложных глаголов отличается в инфинитиве от исконных долгосложных глаголов, претерпевших апокопу, ср.: *ja:ga*, *ve:ta* (др.-исл. *jaga*, *vita*), но *drekk*, *fly:g*, *sju:t* (др.-исл. *drekka*, *fljúga*). Значительная часть исконных краткосложных глаголов уже имеет наряду с исконной балансной формой вариантную апокопированную форму: *le:va* ~ *le:v*, *sø:va* ~ *sø:v* (др.-исл. *lifa*, *sofa*)⁶. В синхронном плане следует, вероятно, говорить о балансе гласных только в случае сохранения исконной краткосложности, в диалектах с удлинением исконных кратких слогов можно говорить только о следах баланса гласных.

В диалектах с сохраняющейся краткосложностью можно наблюдать два типа баланса гласных. Наиболее распространенный тип баланса гласных сопровождается существованием так называемого равновесного акцента в двусложных краткосложных словах типа *tala*, *viku*. В этих словах ударение и высота тона равномерно распределены и на первом, и на втором слогах. Такой тип ударения очень точно обозначается шведским термином *jämnviktsaccent* и норвежским *likevekt*. Функция равновесного акцента — выделение биморного комплекса в краткосложных двусложных словах (*tala*, *viku*) и его просодическое приравнивание долгосложным слогам в словах типа *kasta*, *bíta*. Таким образом, выделенными ударением в диалектах с балансом гласных оказываются не только биморный слог в исконных догосложных словах (*kas-te*, *bi:-te*), но и две моры в двусложных биморных словах типа *tala*. Такое просодическое выделе-

⁵ *Reitan J. Rørosmålet. Trondheim, 1932. S. 155–156.*

⁶ *Elstad K. Nordnorske dialektar // Nordnorsk. Språkforhold i Nord-Noreg / Red. av T. Bull og K. Jetne. Oslo, 1982. S. 50.*

ние приводит к тому, что либо все, что находится за пределами двух мор, редуцируется или вовсе апокопируется, ср., апокопу или редукцию третьей моры в словах типа *kasta* > *kaste* ~ *kâst*, *bi:ta* > *bi:te* ~ *bî:t*, но *tala*, либо то, что находится в пределах двух мор, усиливается, т. е. становится менее сонорным (ср.: *kasta*, *bi:ta*, но *tâlâ*). Объединение двух кратких гласных (двух мор) в словах типа *vita* в единый ударный биморный комплекс и их просодическое приравнение долгим (биморным) гласным проявляются и в качественном уподоблении двух кратких равноударных гласных (норв. *jamning*) (ср.: *viku* > *vuku*, *vita* > *vâtâ*), которое в разной степени характерно для всех диалектов с балансом гласных.

Существует, однако, и другая, считающаяся более архаичной, форма баланса гласных. В некоторых восточнорвежских диалектах и в части говоров Даларны различие между словами с краткими и долгими корневыми слогами выражается прежде всего в количестве закорневого слога. Исконные слова типа CVCV имеют здесь долгую закорневую гласную и, соответственно, ударение на этой закорневой гласной (окситонезу), ср.: *vi'ku:* (др.-исл. *viku*), *stu'gu:* (др.-исл. *stugu*), *noe'va:* (др.-исл. *hnefi*), *loe'sa:* (др.-исл. *lesa*), *ny'ky:l* (др.-исл. *lykill*) в говоре Вого (*Vågâ*) в Гудбрандсдалене или *vi'ku:*, *ne've:*, *by'tâ:* (Pl. von *biti*: «*Stück*»), *vy'tâ:* (др.-исл. *vita*) в северо-восточном Телемарке⁷. Окситонеза характерна и для некоторых говоров Даларны в Швеции (ср., например, формы *bâkâ'*, *lesâ'*, *fârâ'*, *sâvâ'* в говоре Фэрнес в Муре⁸). По-видимому, раньше зона распространения окситонезы и долготы закорневого слога была гораздо больше. Об этом свидетельствует существование *â* на месте исконного *a* в исконных краткосложных словах (ср. норв., шв. диал. *vâtâtâ*, *vâ:tâtâ*, *vâtâ*, *vîtâ*, др.-исл. *vita*) во многих шведских и норвежских диалектах. Поскольку долгое /a:/ в континентальных скандинавских языках переходило в *â* /o:/ (как, например, в словах типа *âr*, *â*, *mâl*, др.-исл. *ár*, *á*, *mál*), предполагается, что и во втором слоге слов типа CVCV происходило вначале удлинение гласного *a*, затем переход долгого /a:/ в /o:/. Впоследствии /o:/ второго слога сократилось (*tâlâ:* > *tâlâ*), но сохранило свое качество в большой группе диалектов, т. е. баланс гласных вначале имел вид *ta'la:* — *kasta* с долгим /a:/ и окситонезой

⁷ *Storm J.* Op. cit. S. 62–63; *Skulrerud O.* *Tinnsmålet*. Oslo, 1938. S. 170; *Kolsrud S.* *Nynorsken i sine målføre*. Oslo, 1974. S. 10–11; *Schultze J. A.* *Eit eldre jamningstilhøve i vest-vikversk*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. S. 11–22.

⁸ *Levander L.* Op. cit. S. 225–228, 232.

в исконных краткосложных словах, затем долгое *a*: второго слога перешло в *å*. Этапы перехода *tala* > *tålå* должны были выглядеть следующим образом: *tala* > *tala:* > *talå:* > *tålå:* > *tålå*. Такое предположение, выдвинутое еще Акселем Кокком⁹, было поддержано большинством скандинавских ученых¹⁰. Баланс в окситонезой, характерный для архаичных норвежских и шведских диалектов, сменился затем в большинстве диалектов более распространенным теперь балансом с равновесным биморным акцентом (*tala*, *tålå*, но *kaste*). Против этого объяснения выступил Б. Хессельман¹¹, который отрицал исконное удлинение гласного второго слога в словах типа *tala*, а считал, что различие в закорневом гласном в парах типа *tala* — *kasta* в древних скандинавских языках заключалось не в длительности, а, подобно балансу *u/o*, *i/e*, в степени подъема. Таким образом, более узкий вариант /a/ после кратких слогов в *tala* в момент перехода /a:/ > /o:/ стал качественно ассоциироваться с исконным долгим /a:/ и перешел в /o:/. Гипотеза Хессельмана нашла ряд сторонников¹², однако не снискала общей поддержки. Прежде всего, вероятно, потому, что традиционное предположение об удлинении второго гласного основывается не только на сравнении *tala* > *talå* с изменением исконного долгого /a:/ (*a:r* > *å:r*), а принимает во внимание современные диалекты с окситонезой и удлинением второго слога после исконного краткого слога (см. выше). Данные современных архаичных диалектов, в которых можно найти все предполагаемые этапы изменения *tala* > *talå* (т. е. *tala*, *tala:*, *talå:*, *tålå:*, *tålå*), показывают, что традиционное, восходящее к Кокку, объяснение изменения *a* > *å* (*vita* > *vitå*) в закорневом слоге вряд ли устарело.

Распространение и возраст баланса гласных

Баланс гласных оказывается одной из важных изоглосс диалектного членения. Вместе с качественным выравниванием (шв. *tilljämning*, норв. *jamning*), частичным или полным как в Трэнделаге удли-

⁹ *Kock A.* Op. cit. S. 87–89.

¹⁰ См., напр.: *Neuman E.* Op. cit. S. 1; *Reitan J.* Aalens maalføre. S. 24; *Seip D. A., Saltveit L.* Op. cit. S. 111; *Wessén E.* Op. cit. S. 42.

¹¹ *Hesselman B.* Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. Uppsala; Stockholm; Oslo; København, 1948–1953. S. 256.

¹² *Bergfor E. O.* Tilljämning a — å i dalmålet. Stockholm, 1961. S. 23; *Borg A.* Jamning // Svenska landsmål och svenskt folkliiv. 1973. N 298. S. 91–95.

нением согласных, «толстым» I, североскандинавской палатализацией и рядом других изоглосс баланс гласных характеризует большой северо-восточнскандинавский диалектный ареал¹³. Причем между некоторыми северо-восточнскандинавскими изоглоссами существует и причинно-следственная связь. Баланс гласных не только географически связан с качественным выравниванием (границы их распространения почти совпадают). Качественное выравнивание, связывающее в единый качественный комплекс две моры краткосложного слова (*viku* > *vuku*; *vita* > *vâtå*, *vata*), подчеркивает просодическую равнозначность двух мор в двух слогах типа CVCV двум морам в одном слоге долгосложного слова (*bi:-ta*)¹⁴.

Баланс гласных и его следы мы встречаем в значительной части восточной Норвегии, в Трёнделаге, в части северонорвежских диалектов (Брённей, Рана в Хелгеланде; Барду и Молсэльв в Тромсе¹⁵), в восточно-, северо- и центральношведских диалектах. Следы баланса гласных в современных шведских диалектах можно найти и в Уппланде, и в Сёдерманланде¹⁶. Из современных скандинавских литературных норм только один из неосновных вариантов новонорвежского отражает баланс гласных. В современной шведской литературной норме следы баланса гласных сохраняются только в сложных словах типа *ladugård*, *furuskog*, *gatudörr*, но *kyrkogård*, *tungomål*.

Судя по данным памятников, раньше баланс гласных был распространен на гораздо большей территории. Примеры баланса гласных находят в древнешведских памятниках тех областей, где сегодня его не отмечают¹⁷. Считается, что баланс гласных прежде был характерен для большей части Швеции¹⁸. Э. Нойман отмечает, что памятники показывают, что баланс а — å в среднешведское время, т. е. в XIV–XV вв., был характерен для всей средней Швеции¹⁹. Первые примеры баланса гласных в Швеции относят к концу XIV в. (ср., например, формы *gangœ*, *niutœ*, *kørœ*, но *fara*, *giva*, *bœra*, *moþer*, но *faþir* в Привилегиях

¹³ Ср., напр.: *Haugen E.* Die skandinavischen Sprachen. Hamburg, 1984. S. 329, Karte 12; *Torp A.* Nokre tankar om inndeling av folkemålet i Skandinavia // *Folkmålsstudier*. 1983. N 28. S. 45–92.

¹⁴ *Кузьменко Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991. С. 20–22.

¹⁵ *Elstad K.* Op. cit. S. 45, 50, 63.

¹⁶ *Hesselman B.* Sveamålen och de svenska dialekternas indelning. Uppsala, 1905. S. 16.

¹⁷ *Ibid.* S. 8; *Wessén E.* Op. cit. S. 42.

¹⁸ *Wessén E.* Op. cit. S. 43.

¹⁹ *Neuman E.* Op. cit. S. 88.

Коппарберга и Кодексе Буреанус (1350–1375)²⁰. К этому же времени относят первые примеры баланса гласных в Трёнделаге и восточной Норвегии²¹. М. Хэгст объяснял разное поведение закорневых гласных в восточной Норвегии и Трёнделаге, с одной стороны, и в западной Норвегии — с другой, тем, что на востоке и в Трёнделаге ударение на корневом слоге долгосложных слов было бóльшим, чем в западной Норвегии, а в исконных краткосложных словах отмечалось равновесие или даже окситонеза. В XIV в. ударение в краткосложных словах было таким слабым, что качество ставшего долгим заударного гласного повлияло на качество корневого гласного, ср.: *snaru*: > *snuru*²².

Баланс в словах в закорневым а в меньшей степени отразился в памятниках, поскольку графика не различала количественные противопоставления, а после изменения /a:/ > /o:/ нерегулярно обозначала и качественные противопоставления, однако в ряде рукописей есть формы, которые интерпретируются как формы с балансом (*bäro* < *bera*, *komo* < *koma*, *livo* < *liva*)²³.

Формы с балансом гласных и метафонией в диалектах с удлинением старых двусложных краткосложных слов постепенно вытесняются формами без баланса гласных, и в ряде областей о былом распространении баланса свидетельствуют только памятники. Такое исчезновение баланса представляется естественным развитием после удлинения краткосложных форм, когда исчезают фонологические условия распределения балансных форм. Баланс «лексикализуется», и создаются лучшие предпосылки для аналогического выравнивания окончаний глаголов и существительных в пользу наиболее частотных исконных долгосложных форм (*vita* — *bi:te*, или *vitå* — *bi:ta* > *ve:ta* — *bi:te*, или *ve:tå* — *bi:ta* > *ve:te* — *bi:te*, или *ve:ta* — *bi:ta*). Нет баланса гласных ни в датском, ни в исландском, ни в фарёрском, ни в южных и западных норвежских диалектах, ни в южношведских и западноётских диалектах, ни на Готланде. Соответственно, нет и следов баланса гласных в древних памятниках из этих областей.

Несмотря на то что свидетельства о балансе гласных в скандинавском ареале находят не раньше XIV в., причем они встречаются только в определенном ареале (см. выше), еще А. Кокк высказал

²⁰ *Noreen A.* Altschwedische Grammatik mit Einschluß des Altgutnischen. Halle, 1904. S. 128–129.

²¹ *Seip D. A., Saltveit L.* Op. cit. S. 274, 375–376.

²² *Hægstad M.* Gamalt trøndermaal. Kristiania, 1899. S. 64–65.

²³ *Wessén E.* Op. cit. S. 42.

предположение о том, что баланс мог быть общескандинавским²⁴. Развил это предположение Б. Хессельман, который полагал, что раньше баланс гласных был характерен для всех германских языков. Он сравнивает скандинавский баланс гласных с разной судьбой безударных *i* и *u* после краткого и долгого слогов в додревнеанглийский период, ср.: *giest* < **gastiz*, но *wini* < **ueniz*, *fôt* < **fôtus*, но *sunu*; *heall* > **hallū*, но *giefu** < **gebū*, *fêt* < **fôti*, но *hnyti* < **hnuti*²⁵. После долгого слога *i* и *u* отпадают, после краткого слога — сохраняются, что частично соответствует состоянию скандинавских диалектов с балансной апокопой (*tala* — *kast* < *kasta*). Подобные же явления спорадически можно обнаружить и в древнесаксонском. Явления, похожие на баланс гласных, Б. Хессельман обнаруживает и во фризском диалекте Вангероох (*Wangeroog*)²⁶. Однако далеко не все германские языки обнаруживают явления, сходные со скандинавским балансом гласных. Нет следов баланса в готском и древневерхненемецком. Нет следов баланса в старших рунических надписях. В младших рунических надписях несовершенство футарка не позволяет судить о наличии или отсутствии баланса. Нет баланса ни в самом архаичном из древних скандинавских языков — древнеисландском, ни в самом изменившемся из древних скандинавских языков — древнедатском. Все это свидетельствует о том, что баланс гласных вряд ли был общегерманским или даже общескандинавским явлением. Он мог, по-видимому, развиваться независимо в разных областях, причем иметь свои особенности в каждой из них. Особенности североскандинавского баланса гласных по сравнению, в частности, с древнеанглийским является не только то, что основным действующим лицом скандинавского баланса является *a*, которое в древнеанглийском исчезло и после краткого слога, *a*, прежде всего, тип баланса с удлинением закорневого слога — явление уникальное в истории германских языков.

В литературе последнего времени утвердилось мнение о том, что баланс гласных — это «своеобразная внутренняя североскандинавская инновация»²⁷. Центром распространения этой инновации оказываются Трэнделаг в Норвегии и прилегающие к нему

²⁴ *Kock A.* Op. cit. S. 87–88.

²⁵ *Hesselman B.* Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. S. 34.

²⁶ *Ibid.* S. 36.

²⁷ *Torp A.* Op. cit. S. 19, 55–57; *Riad T.* Structures in Germanic Prosody. Stockholm, 1992. S. 191–195.

диалекты в Швеции. Вопрос о том, почему вообще появился скандинавский баланс гласных, и именно на конкретной территории, и чем можно объяснить особенности скандинавского баланса гласных, прежде всего удлинение заударных гласных после кратких слогов, обычно оставался без ответа. К. Виик высказал предположение о финноугорском происхождении германского баланса гласных в соответствии со своей идеей о финноугорском субстрате в прагерманском²⁸. К сожалению, К. Виик выдвинул эту идею в самых общих чертах и, как и многие свои другие идеи, оставил неразработанной. Как было сказано выше, баланс гласных вряд ли был общегерманским. В Скандинавии он характерен только для северо-восточного ареала, где, как показывают памятники, он появился не раньше XIV в. Не упоминает Виик и особого скандинавского баланса с удлинением закорневого гласного. Однако само предположение о возможной причинно-следственной связи между финноугорским и германским балансами кажется мне плодотворным, только на место финноугорского следует поставить саамский, а на место германского — северо-восточноскандинавский ареал.

В 1980 г. я высказал предположение о том, что скандинавское качественное выравнивание (*tilljämning*) является продуктом саамской интерференции и связано с саамской метафонией, с одной стороны, а также и о связи скандинавского выравнивания с правилом выделения биморного комплекса, т. е. с балансом гласных, — с другой²⁹. Однако напрашивающегося вывода о возможном саамском влиянии на развитие скандинавского баланса гласных я тогда не сделал. Теперь мне хочется восполнить этот пробел. Чтобы понять, каким образом саамский повлиял на развитие скандинавского баланса гласных, необходимо подробнее рассмотреть просодическую структуру саамских языков.

²⁸ *Wiik K.* 1) *The Baltic Sea Prosodic Area Revisited // Itämerensuomalainen kulttuurialue — The Fenno-Baltic Cultural Area / Ed. by Seppo Suhonen. Helsinki, 1995. S. 75–90 (Castrenianumin toimitteita 49); 2) The Uralic and Finno-Ugric Phonetic Substratum in Proto-Germanic // *Linguistica Uralica*. 1997. XXXIII. 4. S. 258–280.*

²⁹ *Кузьменко Ю. К.* 1) *Взаимодействие диалектов и фонологические изменения (развитие систем гласных в скандинавских диалектах) // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980. С. 152–154 (карта на с. 134); 2) Истоки скандинавской метафонии (о саамском влиянии на скандинавские диалекты) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1982. С. 44–50.**

Баланс гласных в саамском

В современных саамских языках очень сложная система сегментной просодики, осложненная существованием чередования ступеней. В наиболее просодически архаичных диалектах есть краткие ударные слоги (слабая ступень), сочетание краткого гласного и краткого согласного, долгие и сверхдолгие слоги. Такое состояние характерно и для северосаамской литературной нормы. Именно краткосложный тип является для нас самым важным при поисках истоков скандинавского баланса гласных. В большинстве северосаамских диалектов и в лулесаамском диалекте в двусложных краткосложных словах находят «определенную гармонию между количеством гласного ударного и безударного слогов <...> Первые два слога слова должны вместе всегда иметь примерно равное количество»³⁰. Это означает, что если первый слог в двусложных словах долгий, то второй короче первого, а если первый слог краткий, то второй долгий. Хотя такое соотношение не вполне точно отражает соотношение количества в северосаамском, где после долгого слога возможны и долгий, и краткий слоги, однако после краткого слога возможен только долгий слог, т. е. здесь невозможны два кратких слога подряд. К. Нильсен, описавший диалект Полмака, отмечает, что после краткосложного корневого слога второй слог долгий и имеет довольно сильный побочный акцент, ср., например: *mañā:m* «я иду», *loūā:m* «я пишу»³¹. Многие слова имеют в этом диалекте разные формы сегментной просодики, различающиеся соотношением количества корневого и закорневого слогов.

После долгого и сверхдолгого слога	После краткого слога
а	ā
<i>spiht̪t̪ša</i> «кнут»	<i>spit̪šā</i> (род./вин.)
<i>riht̪ta</i> «капкан»	<i>riđā</i> (род./вин.)
<i>dahkka</i> «делает»	
<i>dāya</i> «делай»	<i>daŷā</i> «делаю»
<i>siht̪ta</i> «желает»	<i>siđām</i> «желаю»

³⁰ *Nielsen K.* Die Quantitätsverhältnisse im Polmaklappischen. Helsingfors, 1903. S. 188.

³¹ *Ibid.* S. 14.

После долгого и сверхдолгого слога	После короткого слога
u	ū
laD:Du «свинец»	lajū (род./вин.)
gihppu «боль»	givū (род./вин.)
man:nu «ход»	manū (род./вин.)
gohtšu (род./вин.)	gotšū «сажа»
i	ī
had:di «цена»	haDīn (ком.)
jahkki «год»	jaγī (род./вин.)
fag:gi «деревянный крюк»	faGīn (ком.)
dil:li «положение»	dilī (род./вин.) ³²

Правило долгого гласного после короткого (слабого) корневого слога в данном случае полностью соответствует правилу архаичных шведских диалектов с окситонезой и удлинением гласного после короткого корневого слога. Сходство саамского баланса со скандинавским становится еще сильнее, если мы примем во внимание, что долгие *a'*, *i*, *u*: после короткого слога в диалекте Полмака являются рефлексами исконных долгих *a*:, *e*:, *o*:³³, т. е. после исконного короткого слога происходило их повышение, ср. соотношение широких и узких закорневых гласных в среднескандинавских памятниках с балансом гласных. Причем существование типа «долгий + долгий» (*āhrīn* «сила», ком., *vūhrīn* «узкая бухта», ком.) свидетельствует о фонологичности чередования кратких и долгих гласных в заударном слоге.

Тенденция к генерализации просодического типа с закорневым долгим гласным после корневого короткого слога (слабая ступень) характерна и для северосаамской литературной нормы, ср. формы типа *ola:n*, «протягиваю», *mana:n* «иду», *alá:s* «ввысь»³⁴. Т. Магга, проводя инструментальные исследования говора Каутокейно, установил, что последовательность из двух кратких слогов характерна только для императивов типа *bija* «положи», *mana* «иди», *daga* «делай», *boга* «ешь», *loга* «читай», *huma* «говори» (в говоре Полмака, по данным Нильсена, императивы не отличались от остальных слов,

³² *Nielsen K.* Op. cit. S. 38–71.

³³ *Ibid.* S. 281.

³⁴ *Bartens H. H.* Lehrbuch der saamischen (lappischen) Sprache. Hamburg, 1989. S. 41–42; *Nickel K. P.* Samisk grammatikk. Oslo, 1990. S. 13–14.

ср. выше *dāya* «делай»). В других случаях в говоре Каутокейно в закорневом слоге, после короткого корневого слога всегда стоит долгий гласный: *velá* /*velaa*/ «дальше», *vesá* /*vesaa*/ «молодое дерево», *bahá* /*rahaa*/ «плохой», *olu* /*oluu*/ «много», *lusa* /*lusaa*/ «близко»³⁵. Здесь, так же как и в диалекте Полмака, возможны долгие гласные и после долгих слогов, ср., например: *dolla* /*tollaa*/ «огонь», *gussa* /*kussaa*/ «корова», *dinii* /*tiinii*/ «заработал», *alud* /*aaluus*/ «нарост на дереве»³⁶, но после долгих и сверхдолгих слогов возможны и краткие слоги, а после кратких ударных слогов возможны только долгие гласные. Т. Магга, подчеркивая связь количества корневого и закорневого слогов, полагает, что в диалекте Каутокейно основной просодической единицей оказывается не сегмент и даже не слог, а бисиллабическая последовательность, состоящая из вокалического центра, консонантного центра и латуса (закорневого слога)³⁷. Именно эта бисиллабическая структура и является областью действия саамского баланса гласных.

В южносаамских диалектах нет кратких слогов, как нет и чередования ступеней. Исконные краткие слоги здесь удлинились, и все корневые слоги имеют одинаковое количество³⁸. Такая система напоминает сегментную просодику современных скандинавских языков кроме датского, однако в отличие от скандинавских языков, где есть только два типа долготы для ударного слога с количественной вершиной на гласном и на согласном, в южносаамском есть три типа долготы для ударного слога. Е. Лагеркранц, назвавший такое состояние законом контрастной корреляции количества, считал, что этот закон характерен и для восточносаамского, где сохраняется чередование ступеней, и даже для протосаамского³⁹. Вероятнее, однако, то, что закон контрастной корреляции количества, открытый Лагеркранцем при изучении им южносаамских диалектов⁴⁰, характерен только для тех диалектов, где нет кратких корневых слогов. В южносаамском, как известно, исконные краткие слоги удлинились, как

³⁵ *Magga T.* Duration in the quantity of bisyllabics in the Guovdageaidnu dialect of North Lappish. Oulu, 1984. S. 22–23.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.* S. 150.

³⁸ *Bergsland K.* Røros-lappisk grammatik. Et forsøk på strukturell språkbeskrivelse. Oslo, 1946. S. 13.

³⁹ *Lagerkrantz E.* Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. Helsinki, 1927. S. 15.

⁴⁰ *Lagerkrantz E.* Sprachlehre des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen. Kristiania, 1923. S. 148.

в скандинавских языках. В саамских диалектах с сохранившейся краткосложностью, как, например, в описанном выше диалекте Полмака, этот закон контрастной корреляции количества не действует. Здесь мы сталкиваемся с иной просодической закономерностью — полной или частичной взаимозависимостью количества в двусложном комплексе (см. выше): чем дольше первый слог, тем короче второй. Е. Лагеркранц отмечает существование корреляции выравнивания между консонантизмом корня и вокализмом второго слога, особенно характерным для восточносаамских диалектов⁴¹. В нотозерском диалекте в двусложных словах существует абсолютная изохрония форм *pålla* «песец» (им. п. ед. ч.), *pálla* (род./вин. п. ед. ч.) и *pal'la* (иллат. ед. ч.), которые количественно равноценны. Гласный /a/ закорневого слога сильно редуцирован и превращается в шва в словах с двухвершинной геминатой (*pal'la*), незначительно ослаблен в словах с долгим согласным (*pålla*) и сохраняет свое полное количество и качество в словах с кратким согласным (*pálla*)⁴².

Изохрония двусложного комплекса в саамском должна была появиться вместе с появлением чередования ступеней (краткие слоги в слабой ступени), которое в свою очередь не моложе протосаамского периода.

Соотношение саамского и скандинавского балансов

Сравнение двусложных комплексов в саамском и северскандинавских диалектах показывает их значительное сходство. В принципе подобное сходство можно было бы попытаться объяснить случайным совпадением, тем более что похожие на баланс гласных явления можно наблюдать и в истории английского языка, и в одном фризском диалекте. Однако сходство североскандинавского и саамского балансов не ограничивается географической близостью и определенной зависимостью количества первого и второго слогов. В саамских диалектах с сохранившейся краткосложностью первого слога происходит удлинение второго слога, что полностью соответствует аналогичному удлинению в архаичных скандинавских диалектах и

⁴¹ Lagerkranz E. Strukturtypen und Gestaltwechsel. S. 419.

⁴² Сенкевич-Гудкова Б. Б. Закон контрастной корреляции количества и его влияние на систему фонем нотозерского диалекта саамского языка // Исследования по фонологии / Ред. С. К. Шамян. М., 1966. С. 369–371.

коренным образом отличает североскандинавский баланс от тенденций к балансу в других германских языках. Если какая-либо инновация выделяет группу языков среди родственных языков, но соответствует соседним неродственным языкам, то, естественно, возникает предположение о влиянии языкового контакта. Если же мы примем во внимание, что кроме географической близости баланс в саамском намного старше скандинавского баланса, баланс гласных характерен для других финноугорских языков, функционально связанное с балансом качественное выравнивание (*jamning*) в североскандинавском ареале, скорее всего, имеет саамское происхождение (см. выше) и еще одна необычная для германских языков североскандинавская изоглосса (характерное особенно для Трёнделага и средней Швеции удлинение согласных) также связана с саамской интерференцией, то предположение о саамском источнике североскандинавского баланса гласных не может показаться слишком смелым.

Механизм саамской интерференции при заимствовании баланса гласных выглядел так. Поскольку в саамском не было краткосложных двусложных слов, а краткость первого слога предполагала долгий гласный во втором слоге, то естественно, что в скандинавской речи саамов исконные скандинавские слова, состоящие из двух кратких слогов, претерпевали просодическое изменение и превращались в слова с долгим гласным второго слога (*tala* > *tala:*). Два других типа двусложных слов в скандинавских языках (*kasta*, *bi:ta*) имели соответствие в саамском, поэтому в скандинавской речи саамов они остались без изменения. Таким образом, система трехморных слов с долгим гласным после краткого ударного слога, характерная, как показывает изменение *tala:* > *talå* для большого северовосточного скандинавского ареала, сложилась вначале в скандинавском языке саамов (интерференция). Распространению такого изменения способствовало то, что оно фактически являлось генерализацией единой трехморной модели для всех двусложных слов. Возможно, что и следующий этап изменения просодической системы северовосточноскандинавского баланса — редукция третьей моры и появление ударных биморных комплексов — был связан с саамским влиянием (ср. особенно систему баланса в современных восточносаамских и южносаамских диалектах). Однако в данном случае нельзя исключить и самостоятельного развития, которое было предопределено существованием слов типа *tala:* > *talå*: с долгим закорневым гласным.

Вместе с тем предположение о саамском источнике скандинавского баланса ставит ряд вопросов. Наиболее ярко скандинавский

баланс проявляется в областях бывшего контакта южных саамов со скандинавами, в частности в Трэнделаге и в восточной Норвегии, а также в Даларне, Емтланде, Херьедалене в Швеции. Именно в современных южносаамских диалектах сейчас нет краткосложных первых слогов, но возможны три изохронных типа долгосложных слогов. Однако такое состояние было характерно для южносаамских диалектов не всегда. Существование чередования ступеней и, соответственно, исконных кратких ударных слогов было зафиксировано раньше и в южносаамском. Предполагается, что исчезновение чередования ступеней и удлинение слога в южносаамском происходили в XVI–XVII вв.⁴³, т. е. в момент возникновения североскандинавского баланса гласных (XIII–XIV вв.) в южносаамском существовали краткосложность и баланс гласных, соответствующий современному северосаамскому.

Второй вопрос связан с географией распространения типа слов с долгим заударным гласным после первого короткого слога. В современных норвежских диалектах он распространен на южной границе восточнонорвежской области, в северовосточном Телемарке и Гудбрандсдалене. Если предположить, что центр южносаамских контактов в Средние века находился во внутреннем Трэнделаге и близлежащих областях восточной Норвегии и центральной Швеции⁴⁴, то, вероятнее всего, именно здесь появились скандинавские диалекты с балансом гласных (о том, что такой баланс имел вид CVCV, в Трэнделаге свидетельствуют формы типа *båkkå, våttå*, где закорневое *å < a:*; см. выше). В Трэнделаге формы типа CVCV: позднее не без саамского влияния сменились формами с удлинением согласного⁴⁵, в тех же диалектах, куда балансные формы с долгим гласным во втором слоге попали позднее, еще сохраняется архаическое состояние. Остаются два последних вопроса. Каким образом вообще было возможно появление в скандинавских диалектах с чертами саамской интерференции, если саами рассматривались скандинавами как культурно отсталые? Стигматизация саамов со сторо-

⁴³ *Bergsland K.* Lapp dialectal groups and problems of history // *Lapps and Norsemen in Olden Times*. Oslo, 1967. S. 47; *Bergsland K.* Southern Lapp and Scandinavian quantity patterns // *Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae*. Helsinki, 1983. S. 85.

⁴⁴ *Zachrisson I.* Möten i gränsland: samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997. S. 219, карта.

⁴⁵ *Kusmenko J. K.* Varifrån kommer konsonantförlängningen i öppen stavelse i svenska och norska dialekter? // *Kors och tvärs i nordistiken* / Red. J. Kusmenko, S. Lange. Berlin, 2000. S. 120–132.

ны скандинавов, характерная особенно для последних столетий второго тысячелетия, существовала не всегда. Для эпохи викингов и в Средние века предполагают культурный саамо-скандинавский симбиоз⁴⁶ или по крайней мере «культурное приятие» (*kulturell acceptans*) саамов со стороны скандинавов⁴⁷, что вовсе не противоречит возможности саамской интерференции в скандинавских диалектах. И наконец, второй вопрос, который может возникнуть в связи с предположением о саамском влиянии на скандинавский баланс. В тех областях Норвегии, где сейчас проживает наибольшее количество саамов (северная Норвегия) баланса либо нет, либо он слабее, чем в Трёнделаге и Восточной Норвегии, где сейчас фактически уже нет саамов. В северной Швеции, напротив, баланс гласных гораздо сильнее, чем в северной Норвегии, а саамов сегодня гораздо меньше. Как можно объяснить этот парадокс, если справедливо наше предположение о саамском происхождении скандинавского баланса? Думается, такое положение является именно следствием уменьшения количества саами в областях распространения баланса. Южные саами и значительная часть северных саами в Швеции сменили язык и стали норвежцами и шведами, внося в свои скандинавские диалекты черты саамской интерференции, а саами северной Норвегии в значительной степени сохранили свой язык. Традиционная карта распространения современных саами совсем не отражает количественного соотношения саами. Сегодня на огромной территории южных саами сохранилось только около 2000 южных саами, многие из которых уже не говорят по-южносаамски, тогда как в северной Норвегии есть области с преобладающим саамским населением. В XIV в., в эпоху распространения баланса, происходила скандинавизация южносаамского населения, которая оставила следы в виде баланса гласных, качественного выравнивания (*jamning*) и удлинения согласных.

Если предположение о саамском влиянии на формирование этих трех североскандинавских изоглосс справедливо, то источником важнейших североскандинавских диалектных инноваций, сформировавших северовосточный диалектный ареал, являлась саамская интерференция.

⁴⁶ Zachrisson I. Op. cit. S. 131

⁴⁷ Mundal E. Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths, Literature and Society: International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 346–355; Кузьменко Ю. К. О появлении суффигового отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 112–115.

VOKALBALANSENS OPPHAV I SVENSKE OG NORSKE DIALEKTER

Vokalbalansen i svenske og norske dialekter kan betraktes som et samisk interferensfenomen. Den opphavelige formen av nordisk vokalbalanse med betont langvokal etter den korte rotstavelsen tilsvarer fullstendig samisk ordprosodi. Vokalbalansens utbredning er knyttet til sydsamenes skandinavisering i Sentral-skandinavia på 13–1400-tallet. To andre trekk (jamning og konsonantforlengning) som også er karakteristisk for vokalbalansens område har også kommet fra samisk.



А. Н. Ливанова

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ *ВИСЕТЬ* И *HENGE*

Глагол *henge* относится к стативам — одной из важнейших групп, обычно выделяемых среди глаголов, а в рамках этой группы — к группе глаголов положения в пространстве, куда входит «большое число глаголов, описывающих положение человека, животных, артефактов и объектов природы в пространстве»¹. Сама же эта группа входит в более крупную группу глаголов «бытия-существования в определенном времени и пространстве», в которой базовыми являются глаголы *находиться*, *располагаться*². Важнейшими из них обычно признаются те, которые «сводимы к трем геометрическим конфигурациям <...> которые можно описывать по аналогии с самыми распространенными позами человека: стоять, сидеть и лежать»³. «В русском языке эти глаголы описывают прежде всего три разных положения человека в пространстве»⁴. Недаром девиз Союза физиотерапевтов Норвегии — «Ligge — sitte — stå — løfte — bæge — gå» («*Лежать — сидеть — стоять — поднимать — нести — идти*»). Интересующий нас глагол описывает далеко не столь распространенную позу, однако рассматривается многими, хотя и с оговорками, в одном ряду с тремя основными⁵.

¹ *Тань Аошун*. Китайская картина мира. М., 2004. С. 18.

² Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. С. 468–471.

³ *Тань Аошун*. Указ. соч. С. 18.

⁴ *Рахилина Е. В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 70.

⁵ *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1991. С. 13.

Если же этот глагол не включают в указанную группу, то потому, что он употребляется иначе, нежели остальные, что, в свою очередь, объясняется следующим образом: положение объекта, описываемое глаголами *henge*, *висеть*, и их соответствиями во многих других языках, противоречит условиям существования на Земле, где положение тела в пространстве определяется действием закона всемирного тяготения. Для нормального существования и деятельности большинства живых существ и, главное, человека (поскольку язык, как сейчас полагают большинство исследователей, антропоцентричен) и для нормального положения большинства природных объектов наиболее естественного уровня концептуализации (так называемых естественных классов (*natural kinds*, по Лакоффу⁶)) характерны положения, при которых у тела/объекта имеется точка опоры.

Глагол *henge* описывает такое положение тела в пространстве, при котором точка опоры располагается выше объекта или же, по крайней мере, выше его центра тяжести (*висеть на крюке, зацепившись поясом*). Такое положение характерно главным образом для объектов, обозначаемых гипонимической, родовой лексикой, например для частей растений (*висят плоды*), частей животных (*висят уши*); отмечалась также нормальность такого положения для артефактов, обладающих специальным приспособлением для размещения их в соответствующем положении (*висят корзины, зеркала, картины, котелки, лампы*)⁷. Положение тела при таком размещении центра тяжести неустойчиво, и неустойчивость составляет еще одну важную сему, выделяемую в значении глагола *висеть*⁸.

С точки зрения типологии при обозначении местонахождения в глаголах выделяются два типа — универсальный и классифицирующий, в котором выбор глагола определяется типом объекта. Е. В. Рахилина делает вывод: «...в русском языке настоящих позиционных предикатов, как оказывается, нет»⁹. *Висеть* же, по словам автора, описывает как состояние особого рода, по толкованию МАС — «держаться на чем-либо, без опоры снизу, быть прикрепленным к

⁶ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago; London, 1987. P. 32, 169–170, 185–193.

⁷ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 77.

⁸ Это подробно рассматривается в статье: Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 123–125.

⁹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 76.

чему-либо, имея возможность движения в стороны»¹⁰, так и местоположение. Е. В. Рахилина особо выделяет три вида висения: то, как висят корзины, ведра, лампы, ружья, — при помощи особого приспособления; как одежда на человеке, пуговица на пальто, шерсть на собаке, провода, папироса в углу рта, что описывает нефункциональную ситуацию для данного объекта; и наконец, то, что, согласно определению МАС, должно бы описываться глаголом *висеть*, но в русском якобы невозможно: *на ней висели бусы/сережки, на стеблях — букеты роз, на деревьях — вишни/орехи и, со ссылкой на Ю. Д. Апресяна, *Обои *висят* на стене. Е. В. Рахилина объясняет это неполнотой толкования в МАС.

Попытки классифицировать классы объектов, правда для глаголов действия, предпринимались¹¹, и отчасти они совпадают с выделяемыми нами для дальнейшего. Это дискретные физические объекты или предметы, вещества, части тела человека, а также нефизические объекты. Обратимся к норвежскому материалу и, принимая антропоцентризм как исходное положение, начнем с рассмотрения использования глагола *henge* для описания положения человека.

Человек в физическом пространстве. «При помощи описываемых глаголов и в русском, и в шведском языках обозначается положение <...> одушевленного субъекта: человека, животных, птиц, насекомых», — пишет исследовательница Н. В. Зорихина-Нильссон, включающая *висеть* и его шведский коррелят в круг исследуемых предикатов¹². Наш материал показывает, что, напротив, *henge* очень редко обозначает положение одушевленного объекта. Для обозначения положения человека можно выделить три типа ситуаций.

Первый — когда «висение» осуществляют, держась рукой, лапой или хвостом за ветку, веревку, подоконник или предмет, который можно обхватить, с целью избежать падения на твердую поверхность с высоты¹³: *Du henger i tau og firer deg selv nedover et stup* (I) «Ви-

¹⁰ Это определение почти в точности повторяет определения *henge* из норвежских словарей: *Norsk riksmålsordbok*. Bd. 1–6. Oslo, 1991; *Store norske ordbok / Red. T. Guttu*. Oslo, 1991.

¹¹ См., например: *Кустов Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопросы языкознания*. 2000. № 4.

¹² *Зорихина-Нильссон Н. В.* Семантика глаголов положения в русском и шведском языках // *Международный конгресс «Русский язык: история, судьбы и современность»*: Тез. докл. М., 2001.

¹³ Примеры, сопровождаемые здесь и далее пометой (I), найдены в Интернете; не помеченные взяты из толкового словаря норвежского языка (*Norsk riksmålsordbok*. Bd. 1–6. Oslo, 1991).

сишь на веревке и постепенно опускаешься вниз по уступу»; De går på line, henger i tau fra taket, balanserer, sjonglerer og dribler med baller (I) «Они ходят по канату, висят на канате у потолка, балансируют и подкидывают мячики».

Второй тип ситуаций, когда висит, собственно говоря, какое-либо вместилище, а человек стоит, сидит или лежит внутри, описывается метонимически: *висеть в гамаке, на качелях*. Такая ситуация подробно раскрыта в следующем примере: Hun bor øverst i huset, i tredje etasje, og utenfor kjøkkenvinduet, svevende i løse høstluften, henger en smilende mann i en hvit kurv... Kurven han står i henger på en lang kranarm, hun kan se litt av en kranbil der nede¹⁴. «Она живет на последнем, третьем этаже дома, и за кухонным окном, паря в прозрачном осеннем воздухе, в белой люльке висит, улыбаясь, мужчина... Люлька, в которой он стоит, висит на длинной стреле подъемного крана, грузовик крана ей немного виден».

Третий тип употреблений — метафорический (*висеть в воздухе* (о танцорах, спортсменах и т. п.)) — достаточно редок: Johnsen / Trond Hansen / sirkusakrobater / skuespillerne henger i lufta (I). «Юнсен (футболист) / Трунн Хансен (велосипедист) / цирковые акробаты висят в воздухе». Метафора тут двойная. В первую очередь *henge* в подобных конструкциях употребляется применительно к летающим или представляющимся летающими (небесным телам) объектам, живым (*Måsene henger i lufta* (I) «Чайки висят в воздухе») и неживым (*Månen henger høyt* «Луна висит высоко»), скорость движения которых и двигательные усилия для находящегося на земле наблюдателя незаметны. В таком случае они воспринимаются как сохраняющие статичное положение без опоры снизу на протяжении длительного времени. Это обычная для языка метафора; на самом деле речь идет о медленном движении, не заметном глазом. Когда речь идет о человеке, актуализируется сема длительности в значении слова *henge*, ведь на самом деле человек не только не висит (на опоре), но и не летит (летит — передвигается, не соприкасаясь длительное время с землей).

При рассмотрении глаголов положения в пространстве необходимо учитывать, что для описания положения объектов в пространстве наиболее естественно использовать локативные предложения. Однако «локативные предложения и бытийные [иначе экзистенциальные. — А. Л.] предложения, говорящие о существовании объек-

¹⁴ Seeberg E. Lykken bor på Bislet. S. 1., 1987. S. 76.

та в каком-либо фрагменте мира, относятся к единому глубинному семантическому супертипу»¹⁵. Способен ли *henge* использоваться в бытийных предложениях?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что «функционирование позиционных глаголов связано с понятием диспозиционного предиката»¹⁶, т. е. такого, у которого передаваемая информация входит в пресуппозицию. Если глагол положения выражает диспозиционный (т. е. типичный) предикат субъекта, то он семантически согласован с субъектом и может быть заменен экзистенциальным: *здесь стоял* = *был икаф*; *на столе стояла* = *была грязная посуда*; *справа находится* = *есть магазин*.

Viset отличен от прочих глаголов положения, которые находятся в особом положении относительно принадлежности к диспозиционным предикатам, поскольку три основных глагола положения — *лежать*, *сидеть*, *стоять* — являются диспозиционными именно для человека, и потому в нейтральном контексте, при использовании их в бытийных, а не локативных предложениях, и если поза особо не подчеркивается, легко заменяются связкой: *в комнате было несколько человек* = *в комнате сидели три человека*; *в палате лежали пять больных* = *в палате было пять больных*; *в коридоре стоял один только усталый следователь* = *в коридоре был один только усталый следователь*. *Viset* же для субъекта, обозначающего лицо (*En akrobat hang i et klatretau* «На канате висел акробат»), диспозиционным предикатом не является, а потому не используется в бытийных предложениях и не может заменяться связкой (**En akrobat var i et klatretau* «На канате был акробат»).

Социальная жизнь человека описывается при помощи глагола *henge* крайне редко. Надо отметить, что и другие глаголы положения нечасто встречаются в высказываниях, характеризующих человека как общественное существо. Это происходит главным образом в устойчивых сочетаниях, где их значение делексикализуется до такой степени, что их можно рассматривать как синоним глагола-связки¹⁷. Прак-

¹⁵ Шатуновский И. Б. Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 189.

¹⁶ Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1991. С. 13.

¹⁷ См., напр.: Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С. 192; Faarlund J. T. Verb og predikat. Oslo; Bergen; Tromsø, 1978. S. 68. Полагаем, что нет необходимости разъяснять разницу между экзистенциальным предикатом и связкой.

тически такое использование *henge* ограничивается двумя устойчивыми сочетаниями (*henge i hælene på nn* «ходить за кем-л. по пятам» и *Henge i skjørtene på nn* «цепляться за чью-л. юбку»), если не считать использования его в переносном значении «болтаться, шататься (без дела)».

Для развития последнего лексико-семантического варианта существенна последняя часть определения, в которой говорится о «возможности движения в стороны». Такое движение при висении тех объектов, для которых предикат «висеть» является диспозитивным, т. е. неодоушевленных, хаотично и не целенаправленно. Именно эта сема актуализируется при таком переносном употреблении *henge*. Этот лексико-семантический вариант чаще всего используется применительно к группе людей: *Det er tross alt for det meste nordmenn som henger og slenger her (I)* «Все-таки большинство тех, кто здесь ошивается, норвежцы»; *Så henger vi på akvariet i Bergen! (I)* «И вот мы шляемся по аквариуму в Бергене!»

Положение **животных**, если они, как и человек, могут висеть, держась какой-либо частью тела так, чтобы точка опоры находилась выше центра тяжести, без проблем обозначается глаголом *henge*: *Pungrotte... henger etter halen når hun sover (I)* «Опоссум... когда спит, висит на хвосте». Примеры показывают, что то, какой своей частью объект удерживает опору, не играет никакой роли. Главное, чтобы эта часть была незначительной по сравнению с размерами тела.

Для тех животных, которые находятся в близкой для человека семантической сфере (как известно, это, в порядке убывания интереса к ним у языковой личности, домашние любимцы, домашний скот, привычные животные соответствующей природной зоны, чаще всего выступающие героями фольклора), положение тела мыслится более разнообразным, чем для мелких и редко подлежащих олицетворению¹⁸. Белка — одно из близких человеку животных севера Европы, и ее позы обозначаются при помощи всех четырех глаголов положения: *Ekornet sitter i et tre* «Белка сидит на дереве», *Ekornet ligger på en trestamme* «Белка лежит на стволе дерева», *Ekornet står der og surmuler* «Белка стоит там и дуется», *Ekornet fester bakbena i slyngplata og hiver seg over til matbrettet med resten av kroppen og blir liggende vannrett i lufta! Og der henger det og gynger!* «Белка цепляется задними лапками за подставку, кидается всем телом в сторону

¹⁸ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 70.

кормушки и расплывается (букв. «лежит») горизонтально в воздухе! И вот висит так и раскачивается!»

То же самое верно для обезьяны, так похожей на человека: *Aprikatten sitter i buret, ligger på en benk, henger i tauet/i toppen av trærne* (I) «Обезьяна сидит в клетке, лежит на скамейке, висит на веревке / на вершине деревьев».

Напротив, ленивец — животное редкое и северянину чуждое, потому его положение описывается скорее как положение неживого природного объекта: *Dovendyret henger ned fra en gren* (I) «Ленивец висит на ветке»; *Dovendyret henger med ryggen ned/i et tre* (I) «Ленивец висит на дереве спиной вниз».

Еще одно животное, менее экзотическое, но тоже редкое, — летучая мышь. Если наблюдатель и говорящий совпадают, то ситуация представляется как видимая снизу и используется глагол *henge*: *Dyrene henger rett på veggen / etter bakbena / en og en / opp-ned* (I) «Животные висят прямо на стене / держась задними лапками / по одному».

Если же повествование наблюдателя, например исследователя, ведется как бы с позиции самих животных и указывается, на чем они пристроились соразмерно с массой тела, то *sидеть* употребляется как обозначение удобной позы покоя, на первый план выходит указание на удобство положения и его длительность, что более типично для глагола *sitte*, чем *henge*: *Flaggermusen sitter på spikerslagene mellom veggbord og tommervegg* (I) «Летучая мышь сидит на шпильках гвоздей между досками обшивки и бревнами кладки».

Так же обстоит дело с насекомыми: они скорее не висят на потолке (не цепляются за ниточку и т. п.), а находятся в удобной позе покоя, которую для мелких животных обычно описывает глагол *сидеть*: *Fluen sitter på haren / på vannflaten / i taket* (I) «Муха сидит на зайце / на поверхности воды / на потолке». Но если речь идет о вынужденной неконтролируемой позе без опоры снизу, используется *henge*: *Limet gjør at fluen henger fast i taket* (I) «Муха крепко прилипла и висит на потолке».

Кроме того, для описания медленно, без видимого усилия парящих в воздухе (или в водной среде: *Sjøhesten henger stille i vannet* «Морской конек неподвижно висит в воде») животных *henge* используется метафорически (см. выше о третьем типе употреблений о человеке в физическом пространстве): *Måsene henger i lufta* (I) «Чайки висят в воздухе»; *Den feite humla henger i lufta* (I) «Жирный шмель висит в воздухе».

О растениях Е. В. Рахилина упоминает особо, утверждая, что положение частей растений должно бы, согласно определению МАС («держаться на чем-л., без опоры снизу, быть прикрепленным к чему-л., имея возможность движения в стороны»), описываться глаголом *висеть*, но в русском невозможно **на стеблях висели бутоны роз*, **на деревьях висели вишни/орехи*. Вероятно, в русском это действительно так, в норвежском же употребление вполне соответствует как определению, так и употреблению, тем более что висят части растений — а это плоды и цветы — на «особых приспособлениях» — черенках и т. п.: Vi har nå så mye kirsebær at de henger helt nede ved bakken (I) «У нас столько вишни, что она висит у самой земли»; Epler og pærer henger på trærne, når de blir modne så faller de ned (I); Busken har flotte, svartglinsende bær som henger i klaser (I) «На кусте отличные, отливающие черным ягоды, висащие гроздьями»; En gate hvor kokosnøtter og bananer henger ned i gata (I) «Улица, над которой висят кокосы и бананы». Одно из наиболее частотных крылатых слов в норвежском — Nøyt henger de, og sure er de «Зелен виноград» (букв. «Кислые они, и высоко они висят»).

Неодушевленные природные объекты могут, как человек и чайка, «висеть» метафорически, т. е. на самом деле двигаться, но незаметно для глаза. Такое использование *henge* характерно в приложении к обозначениям небесных тел, о чем уже упоминалось, и легких субстанций: Regnet / snøfiller henger i lufta (I) «Дождь / снежинки висят в воздухе».

Даже если **вещество** легче воздуха и медленно поднимается, его положение тоже обозначается в языке как неподвижное и без точки опоры: Røyken hang lavt over møblene «Дым низко висел над мебелью»; Sigaretttrøyk henger i lufta (I) «В воздухе висел сигаретный дым».

Так же описывается и восприятие, но не зрительное, а слуховое: Lyden fra gitar henger i lufta (I) «В воздухе висит звук гитары», или обонятельное: Eimen av linolje og tjære henger i lufta (I) «В воздухе висит резкий запах льняного масла и дегтя».

Еще одно употребление, общее для **природных объектов** и **артефактов**, описывает обычно положение достаточно тяжелых объектов, когда имеется одна точка опоры, незначительная по сравнению с массой тела (Borgen henger i bratthenget (I) «Крепость висит над обрывом»), или точки опоры по краям: Broen / ledningene henger (I) «Висит мост / провода», а основная масса притягивается к земле состояние провисания или нависания, ср.: pengende have «висячие сады». Такое употребление *henge* вполне соответствует определе-

нию, но описывает более редкую ситуацию, как и метафорическое употребление *henge* по отношению к медленно движущимся крупным **артефактам** — **средствам передвижения по воздуху**: *Et stort luftskip / helikoptere / ballonger / et romskip henger i luften* (I) «Большой дирижабль / вертолеты / воздушные шары / космический корабль висит в воздухе», что уже рассматривалось выше.

Наиболее же частотно и прототипично употребление *henge* относительно следующих групп **артефактов**. **Предметы мебели и обихода**, подвешиваемые за специальное приспособление (шкафы, полки, зеркала, ведра и т. п.): *Et spand / teppe / maleri henger på vegg* «Ведро / ковер / картина висит на стене»; *Tørrfisk henger på hjeld* «Вяленая рыба висит на вешалах».

Особо оговорим объект **обои**, являющиеся, по мнению Е. В. Рахилиной¹⁹, дополнителем стены, не независимым от нее, и потому их положение не может описываться глаголом *висеть*. Но, во-первых, Интернет дает массу примеров на «обои висят» — 63 600 попаданий. Даже если $\frac{2}{3}$ из них отбросить как случайные, где эти слова не образуют словосочетаний, остается тоже немало. С норвежским соответствием *tapeten henger* порядок примеров тот же, типичный пример, однако, описание ситуации в процессе оклейки: (*når*) *Tapeten henger skjevt* «Обои висят криво», т. е. действительно большинство употреблений описывают ситуацию дисфункциональную — либо процесса оклеивания, либо его некачественного результата (хотя хватает и примеров, где *henge* просто описывает вертикальное положение обоев: *Den gamle tapeten henger ennå på veggene i hovedstuen* (I) «На стенах в главной гостиной еще висят старые обои»). Главное же дело в том, что наклеенные обои крепятся к стене не только верхней частью, но и всей поверхностью, потому и глагол *висеть* не применим здесь по определению, во всяком случае, в правильной речи. В норвежском языке, как и в шведском, шире используется другой глагол положения — *sitte* «сидеть», если «предмет... прочно прикреплен / хорошо держится на этом месте. Ср.: *Tavlan hänger på väggen* (Картина висит на стене) — *Tavlan sitter på väggen* (букв. *Картина сидит на стене)»²⁰. Примеры нормального положения обоев (прочный контакт с поверхностью): *Gammel tapet... sitter godt fast, pass på at tapeten sitter godt inntil vegg* «Старые обои... хорошо держатся, следите, чтобы обои прилегали к стене» (в отличие,

¹⁹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 79.

²⁰ Зорихина-Нильссон Н. В. Указ. соч.

скажем, от занавесок, которые закреплены только сверху и потому всегда «висят»: Gardinene henger rett opp og ned (I) «Занавески висят неподвижно»). Потому не согласимся, что самый главный нелокативный компонент семантики этого глагола, роднящий его с другими позиционными глаголами — это компонент его значения «независимость объекта», на чем настаивает Е. В. Рахилина.

Относительно предметов **одежды** в цитированной работе утверждается, что ее «висение» всегда воспринимается как нечто негативное. Позволим себе не согласиться и с этим. Для данного рода объектов существует, во-первых, чисто функциональное «висение» при хранении — в шкафу, на плечиках и т. п.: Hatten henger her / over stolen / i garderobe (I) «Шляпа висит здесь / на спинке стула / в гардеробе». Если же одежда надета, то слово *henge* употребляется при свободном облепании независимо от того, причиной ли этому недокормленность человека (Fillene hang og slang rundt ham (I) «Лохмотья болтаются на нем») или его богемный вкус (Hun drukner nesten i det moderne hippieskjørtet, og toppen henger og slenger som en slapp vaskeklut om den vevre kroppen (I) «Она почти утонула в модной хипповой юбке, а топик посудной тряпкой висит на под- жаром теле»).

Очевидно, **лампы, гирлянды** и прочие подобные предметы висят вполне прототипически: Når du ser det henger girlandere i butikkvindue, er det jula det er pyntet for (I) «Когда видишь, что в витринах магазинов висят гирлянды, это украшения к Рождеству». Казалось бы, то же самое должно быть верно и для украшений. Е. В. Рахилина же указывает, что иногда вопреки ожиданиям невозможно употребить диспозиционный предикат: **На ней висели бусы*, — и объясняет это тем, что характер связи объектов в таких случаях особый — дополнительный, т. е. висеть в нормальной ситуации можно только особым образом, только на шее, а не на руке, и употребление диспозиционного предиката разорвет привычную связь между объектом и его дополнителем²¹. Считаем, что *висеть* не подходит здесь потому, что бусы не висят, свободно болтаясь, а лежат на плечах и груди. Высказывания *У нее на шее висел крестик/кулон/бриллиант*; ср.: Smykken henger fra hofte/ned i pannen (I) «Украшение висит на бедре/на лбу» воспринимаются нормально, поскольку эти объекты висят прототипически для артефактов — с помощью «приспособления» (на цепочке, ленте), т. е., даже по

²¹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 79.

классификации Рахилиной, канонически, в то время как шею, на которой висят бусы или цепочка, считать «приспособлением» вряд ли возможно. Это часть тела человека, эвентуально — животного (*Halsbånd ligger mot hundens hals* «Ошейник прилегает к шее собаки»), и сама по себе указывается как объект, на котором «висят». Поэтому можно сказать *На шее у нее висели бусы/связки баранок* и *На руке у нее висели браслеты*, но нельзя сказать *На ней висели бусы/браслеты/связки баранок*.

Вот шарф, платок, боа и прочее, концы которых могут свисать низко и болтаться, вполне могут «висеть» в обоих языках: *sjerf som henger fra nakken; en sort sjerf som henger ned på en kåpe; boa henger på skuldrene* (I) «шарф, висящий на затылке; черный шарф, свешивающийся с пальто; боа висит на плечах».

В основном набор ситуаций, описываемых при помощи обоих глаголов — *висеть* и *henge*, — этим исчерпывается. Выше цитировалось высказывание о едином семантическом супертипе локативных и бытийных предложений. Однако далее автор отмечает, что «существуют и другие модели — ни то, ни се, ни существование, ни местонахождение. Таковую особую модель, которую нельзя свести ни к бытийным, ни к локативным предложениям, представляют предложения типа: <...> На стене висит картина...», и предлагает назвать их «предложениями наличия»²². Особенностью их в русском языке является то, что «отсутствует специальный показатель для выражения этого типа соединения, совмещения. Поэтому в качестве *связки* здесь употребляются делексикализованные глаголы с контекстуально выветрившимся лексическим, «вещественным» значением... Достаточно стандартно в таких случаях употребляются, по возможности, глаголы положения в пространстве. Это справедливо и для прототипических употреблений *henge: det henger = er en lampe i taket* «на потолке (висит) лампа».

В каком качестве выступает глагол, позволяет судить контекстное окружение. При этом в значении самих глаголов наблюдается «континуальный переход по мере нарастания или, с другой стороны, убывания степени лексикализованности значения глагола, наложения на связочное значение других признаков, вещественных компонентов». Бывает, однако, неясно, «функционирует ли вводный глагол в качестве заполнителя дуративной конструкции по отношению к последующему глаголу. В некоторых сочетаниях значение

²² Шатуновский И. Б. Указ. соч. С. 191–195.

вводного глагола скорее самостоятельно, так что есть основания полагать, что здесь два независимых члена»²³.

Очевидно, что в особенности для экзистенциальных предикатов специфика диспозиции положением объекта и определяется: на столбе висит фонарь, под потолком висела гирлянда, на пальме висят гроздья бананов²⁴. Развитие полисемии глаголов положения «на основе усиления роли того или иного компонента толкования их основных прототипических значений» уже служило объектом исследований²⁵, однако для глагола *henge* вывод, что он обозначает положение «одушевленного субъекта: человека, животных, птиц, насекомых. Различия касаются отдельных поз», не подтверждается.

Обратимся к работам С. С. Масловой-Лашанской, внесшим значительный вклад в изучение механизмов развития полисемии. Один из двух типов лексической десемантизации, упоминаемых С. С. Масловой-Лашанской, — «грамматикализация, «перерастание лексического значения в грамматическое», которое «развивается в одном из лексико-семантических вариантов, который превращается в служебное слово»²⁶. Наиболее полная и современная норвежская грамматика²⁷ в качестве одного из наиболее распространенных способов выражения курсивного вида действия упоминает модель, в которой глагол состояния в соответствующей форме соединен союзом *og* «и» со смысловым глаголом в той же форме.

Субъектом в такой конструкции чаще всего выступает человек или иной объект, мыслимый как одушевленный, и потому исходное значение глагола *henge*, обозначающее нетипичное для таких объектов положение в пространстве, снижает частотность его употребления в соответствующей конструкции, однако не делает ее вовсе невозможной. В корпусе примеров указанной грамматики *henge* не фигурирует. Тем не менее *henge* в такой конструкции встречается: *Kniven hang og slang i beltet* «Нож болтался (досл. «висел и болтался») на поясе»; *På KappAhl-settet ryker tapen allerede etter første vask, slik at den bare henger og dingler på jakkene (I)* «В магазине “Капп-

²³ *Vannebo Kj. I. Aksjonsart i norsk*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1969. S. 30. Перевод наш. — А. Л.

²⁴ Гак В. Г. Указ. соч. С. 13.

²⁵ См., например: Зорихина-Нильссон Н. В. Указ. соч.

²⁶ Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 153.

²⁷ *Faarlund J. T., Lie Sv., Vannebo Kj. I. Norsk referansegrammatikk*. Oslo, 1997. S. 647–648.

Аль” липучка не держится уже после первой стирки, так что она просто висит и болтается на куртке».

В таком значении, служащем для передачи процессуального видового значения длительности действия, глагол *henge* выступает как полувспомогательный: «...значение у первого глагола стерто, и он служит здесь, скорее всего, для подчеркивания длительности той деятельности, которую выражает второй глагол. Вводные глаголы находятся в процессе превращения во вспомогательный глагол с грамматическим значением»²⁸. О том, что два глагола видовой конструкции не равноценны, свидетельствует невозможность поменять их местами или поставить отрицание к обоим.

Однако лексическое и грамматическое значения в этой конструкции не разделены непроницаемой преградой, а составляют континуум, и значение глагола в каждом высказывании трактуется в зависимости от того, какая сема актуализируется — сема положения в пространстве или сема состояния, длящегося во времени.

Какой лексико-семантический вариант позволяет превратиться в служебное слово глаголу *henge*? Очевидно, именно тот, что позволяет считать глаголы положения в пространстве (как и прочие стивы) маргинальными по семантике для прототипических глаголов: «Под маргинальными я подразумеваю глаголы, значение которых не делает очевидной их лексикализацию в качестве глаголов. Маргинальные глагольные группы — это в первую очередь стивы»²⁹. В этом лексико-семантическом варианте на первый план выходит статичность соответствующего положения, его длительность во времени, т. е., согласно определению С. С. Масловой-Лашанской, «конкретные, наглядные семы, которые отражают физические свойства денотатов, обозначаемых примарными ЛСВ, обладают способностью исчезать из содержания секундарных ЛСВ... Утрата “наглядных” сем ведет к потускнению образности, поскольку она ослабляет связь секундарного ЛСВ с примарным»³⁰. Именно такой десемантизацией (2-го типа, по определению С. С. Масловой-Лашанской) характеризуются «синкреты, то есть предикаты, способные передавать комплексную семантику, в которых сопряженные семантические признаки являются рав-

²⁸ *Faarlund J. T., Lie Sv., Vannebo Kj. I. Op. cit. S. 534.*

²⁹ *Ottoson Kj. G. På väg mot en prototypisk klassificering av ordklassen «verb» // Papers from the Ninth Scandinavian Conference of Linguistics. Stockholm, 1986. S. 252.*

³⁰ *Маслова-Лашанская С. С. Номинация и полисемия в шведском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. С. 153.*

ноправными компонентами значения и функционируют в высказывании как созначения»³¹. Глаголы же положения в пространстве как раз и относятся к предикатам-синкретам³². Они «сразу называют несколько семантических элементов... хотя в высказывании эти семы могут актуализироваться в разной степени».

Представляется, что именно окружение (а именно, является ли глагол *henge* диспозитивным предикатом для данного объекта?) позволяет определить, какая из сем выступает на первый план в каждом конкретном случае. Если для объекта предикат не диспозитивен, то главной оказывается именно сема положения: *Dovendyret henger og sover i en gren* «Ленивец висит и спит на ветке» (обычно животные спят лежа, а не в подвешенном состоянии). Если да, то значение соответствующего положения в пространстве уже входит в семантику объекта и актуализируется сема длительности: *Men de andre kjolene henger og venter og damen gir ingen nåde (I)* «Но остальные платья висят и ждут, а дама не знает пощады» (платья в магазинах обычно висят).

Повторим, речь идет лишь о преобладании одной из двух сем. Сема длительности присутствует в значении глаголов положения в любом случае. Этим можно объяснить то, что «значение норвежских глаголов часто ослаблено по сравнению с их английскими эквивалентами, и они сближаются по значению просто со связкой»³³. Ведь в английском языке имеется система продолженных времен *continuous*, отсутствующая в норвежском. Для передачи соответствующего смысла в норвежском языке в случаях, когда возможно употребить диспозитивный предикат, используется конструкция с глаголом положения, что, естественно, повышает встречаемость таких глаголов, с одной стороны, а с другой — утрату ими в значительной степени лексического значения.

Однако делексикализация значения глагола зависит как от рода объекта, так и от семантики самого глагола. Очевидно, что наименее грамматикализован в длительной конструкции именно глагол *henge*, который может обозначать типичное положение значительно

³¹ *Конецкая В. П.* Семантические типы слов // Вопросы языкознания. 1993. № 6. Цит. по: *Матханова И. П.* Статальные ситуации и статальные предикаты // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2001. С. 74.

³² См.: *Матханова И. П.* Указ. соч. С. 74.

³³ *Johansson St.* Verbs of posture in English and Norwegian // *ling. uib. no.*

меньшего числа объектов, чем прочие глаголы положения, поскольку он не является диспозитивным предикатом для одушевленных объектов. Поэтому *Det står en mann på trappen* «На лестнице стоит мужчина» обозначает нормальную ситуацию и может быть заменено на *Det er en mann på trappen* «На лестнице мужчина», а *Det henger en mann på trappen* «На лестнице висит мужчина» нетипично и может быть понято либо в том смысле, что человек сорвался с лестницы, но успел зацепиться за нее руками, или что это тело повешенного. В таком случае замена *henge* глаголом-связкой невозможна без ущерба для содержания.

Таким образом, лексическая семантика глаголов *henge* и *висеть* лежит в основе отличий в функционировании этих глаголов по сравнению с тремя основными глаголами положения и является причиной минимальной десемантизации глагола *henge* в норвежском языке.

A. N. Livanova

ON SEMANTICS OF THE VERBS *ВИСЕТЬ* AND *HENGE*

Together with the verbs *ligge*, *sitte* and *stå*, the verb *henge* is regarded as a posture verb, but some of its functional peculiarities makes that it often is considered on a separate basis. Analysis grounded on S. S. Maslova-Lashanskaya's delexicalisation process description leads to a suggestion that the weaker grammaticalisation of *henge* in comparison both with the Norwegian basic posture verbs and with its English counterpart may be rooted in its lexical notion.



И. В. Матыцина

О ДВУХ ТИПАХ БЫТИЙНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из наиболее распространенных структурно-семантических типов с формальным элементом *det* являются предложения с депонентным глаголом *finnas*, передающим существование, наличие, и номинативным компонентом, занимающим позицию предикативного члена: *Roland anser att det finns två stora hot mot mans kamratskap: kvinnor och alkohol* (Jersild, 113) «Роланд считает, что две вещи представляют угрозу мужской дружбе: женщины и алкоголь». Наряду с такими предложениями существуют и другие, включающие в свой состав облигаторный локатив (*Det + finns + Nom + Loc*): *Förutom Knut fanns det bara en målare där, så jag fick jobba med alla* (DN, 6/1991) «Помимо Кнута там был только один художник, поэтому мне удалось поработать со всеми».

Примечательно, что глагол *finnas* употребляется преимущественно в предложениях с формальным элементом, реализуя в них свое основное значение «иметься, быть в наличии, существовать»; нередко он выступает в составном сказуемом с модальными глаголами: *Eftersom jag varje månad kontrollerar våra kontoutdrag, visste jag att det skulle finnas pengar på kontot* (R&R, 5/1989) «Поскольку я каждый месяц проверяю снятые со счета суммы, я знала, что на нем должны быть деньги»; *Regnet kan smaka hur friskt som helst men det kan ändå finnas spår av vit åska i dropparna* (Jersild, 198) «Дождь может иметь сколь угодно свежий вкус, но, возможно, что в каплях все равно имеются следы белого пепла»; *Det lär finnas liknande oaser norrut men den där är den enda som jag sett med egna ögon* (ibid., 137)

«Оазисы, подобные этому, должно быть, расположены к северу отсюда, но только этот я видел собственными глазами»; *Det måste finnas en ordning bakom allt skapat* (ibid., 60) «Все созданное должно подчиняться определенному порядку».

Наряду с глаголом *finnas* в таких предложениях с формальным элементом *det* может употребляться заимствованный глагол *existera*: *Det existerar knappast några gränser på detta område* (DN, 2/2001) «В этой области вряд ли имеются какие-либо границы».

Предложения с этим глаголом встречаются достаточно редко и являются стилистически маркированными: они характерны для языка газетных передовиц и политических комментариев, в качестве номинативного компонента в них употребляются только абстрактные существительные.

Во всех предложениях рассматриваемого типа номинативный компонент, занимающий позицию предикативного члена, имеет различные показатели неопределенности: неопределенный артикль у существительных в единственном числе, неопределенное местоимение *någon* (*något*, *några*), количественное числительное — или стоит в безартиклевой форме во множественном числе: *Det finns en dator i rummet* (ibid., 8/2003) «В комнате есть компьютер»; *Det finns några blommor omkring* (ibid., 4/1999) «Вокруг есть какие-то цветы»; *Det finns 13 olika saker på bordet* (ibid., 3/1990) «На столе имеется 13 различных предметов»; *Det finns fler olika arter av insekter än alla andra djur tillsammans* (IV, 5/1990) «Существует больше разных видов насекомых, чем видов всех остальных животных, вместе взятых».

Три вышеназванных компонента (формальный элемент *det*, глагол *finnas* и именной член) составляют ядро предложений рассматриваемого типа и являются обязательными компонентами их структурной схемы; как видно из примеров, наряду с ними в предложениях часто присутствуют обстоятельства места и/или времени (см. также примеры выше): *Det finns ett femtiotal kända stjärnor i detta område* (IV, 4/1989) «В этом месте находится более 50 известных звезд»; *Det finns många katter här på våren* (DN, 4/2005) «Весной здесь много кошек».

Кроме пространственной и временной ограниченности сферы существования каждый предмет или явление могут характеризоваться присущими ему свойствами и отношениями, конкретизирующими и выделяющими этот предмет или явление из числа ему подобных; слова, обозначающие эти свойства и отношения, в дальнейшем будут называться определителями. Определители могут стоять как

в препозиции, так и в постпозиции относительно номинативного компонента: För klass 3 och 4 finns det noggrant fastställda regler om strålningen och skyddsföreskrifter (R&R, 5/1989) «Для 3-го и 4-го классов имеются строго установленные правила, касающиеся излучения и мер предосторожности» (в препозиции к именному члену regler находится согласованное определение, выраженное сочетанием наречия и причастия II, — noggrant fastställda, в постпозиции — косвенное дополнение, выраженное субстантивным предложным словосочетанием om strålningen).

Det finns män från vilka gamla älsklingshattar kan stjälas, och män från vilka de inte kan stjälas utan följder (DN, 7/1989) «Есть мужчины, у которых можно безнаказанно украсть их старые любимые шляпы, и те, у которых их нельзя украсть, не опасаясь последствий» (в постпозиции к номинативному компоненту män стоят несогласованные определения, выраженные придаточными определительными, вводимыми вопросительным словом vilka с предлогом från: från vilka gamla älsklingshattar kan stjälas и från vilka de inte kan stjälas utan följder).

В зависимости от наличия или отсутствия в синтаксической структуре высказывания определителей, а также обстоятельств места и времени оно может быть экзистенциальным или презентативным¹.

Экзистенциальные предложения. Экзистенциальные предложения сообщают о самом факте существования предмета или явления, поэтому локативный член отсутствует как в составе этих предложений, так и в ближайшем контексте. Номинативный компонент представлен обычно существительными абстрактной семантики: Biskop Manfred Björnkvist framhöll att det aldrig funnits en verklig kultur (ibid., 5/2005) «Епископ Манфред Бьернквист утверждал, что истинная культура никогда не существовала».

Вместе с тем для предложений рассматриваемого типа характерно употребление обстоятельств времени, а также различных определителей: Inom ett par år borde det finnas möjlighet att sjunka priser (ibid., 9/1998) «В течение ближайших нескольких лет должна появиться возможность снижения цен».

¹ Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и possessивность в языке и речи: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983; Арушьева Р. С. Базисные структурные варианты конструкций с there в английском языке // Ученые труды Ташк. пед. ин-та им. Низами. Ташкент, 1972. Т. 96. С. 103–148; Максимова Т. Д. Категория безличности в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984; Гусева З. А. Функционально-семантический анализ монорематических высказываний в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

В функции обстоятельства времени употребляются:

- наречия или количественные числительные: Vi har många institutioner i Sverige, som kan mycket mer om u-länder än för 10–15 år sedan, så det finns alltså resurser för samverkan idag som gör att vi kan ge oss själva en annan roll än för 10 år sedan (ibid., 7/1989) «У нас в Швеции есть много организаций, которые сейчас знают намного больше о развивающихся странах, чем 10–15 лет назад; таким образом, сегодня имеются ресурсы для сотрудничества, позволяющие нам самим играть иную, чем 10 лет назад, роль»;
- субстантивные словосочетания с адвербиальной семантикой: Det här året finns det inga odlingar (Jersild, 113) «В этом году нет целинных земель»;
- придаточные времени: Det finns självironi när Tyler grinar inför hissknullet i «Elevator love» och själva låten har samma klassiska kvalitet som t ex J. G. Band gjorde till kännetecken (DN, 9/2001) «В издке Тайлера по поводу занятий любовью в лифте есть самоирония, и саму песню отличает то же классическое качество, которое характерно, например, для Дж. Г. Бэнда».

Анализ собранного материала свидетельствует о том, что наиболее часто обстоятельства времени бывают выражены наречиями или субстантивными словосочетаниями с предлогом, придаточные предложения употребляются в этой функции значительно реже.

В экзистенциальных предложениях встречаются как препозитивные, так и постпозитивные определители. Препозитивные определители бывают двух разновидностей — качественные и количественные. В функции качественных определителей выступают имена прилагательные: Var medveten om att någon dag, något år kommer det att finnas gamla män och kvinnor (ibid., 2/1989) «Знай, что когда-нибудь будут жить старые мужчины и женщины» (в роли качественного определителя выступает прилагательное gamla). В роли количественных определителей выступают количественные числительные, наречия и местоименные слова типа mycket, många, gott om и т. д.: Det finns många «repatriados» (återvändande flyktingar) som lever som den här familjen (ibid., 11/1990) «Есть много “репатриантов” (возвращающихся беженцев), живущих так же, как эта семья» (в роли количественного определителя выступает количественное прилагательное många).

Постпозитивные определители могут быть только качественными; в этой функции выступают:

- придаточные предложения, вводимые союзом *som*: *Det finns kliniska iakttagelser som tyder på att den här lasertypen kan ha en läkande effekt vid vissa typer av muskelskador (R&R, 8/1989)* «Имеются клинические исследования, свидетельствующие о том, что этот тип лазера может оказывать лечебное действие при некоторых видах мышечных повреждений» (качественный определитель выражен придаточным с союзом *som*: *som tyder på att den här lasertypen...*);
- предложно-субстантивные сочетания: *Det finns faktiskt exempel på grodor, som överlevt i flera dagar vid en temperatur på minus sex grader (IV, 2/1989)* «Фактически у нас имеются особи лягушек, которые в течение нескольких дней могли существовать при температуре –6 градусов» (в роли качественного определителя выступает сочетание существительного с предлогом: *på grodor*);
- инфинитивные группы: *Det finns inte några resurser att omhänderta dem som visar sig smittade (DN, 8/1991)* «Нет средств, чтобы помочь тем, кто оказывается заражен» (в роли качественного определителя выступает инфинитив *att omhänderta* + зависимые от него слова).

Анализ примеров свидетельствует о том, что постпозитивные определители номинативного компонента встречаются чаще и являются более развернутыми по форме, чем препозитивные. Если же в предложении есть препозитивные определители, они, как правило, сочетаются с другими, занимающими место после именного члена: *Det finns många ouppklarade frågor runt älgens levnadssätt och biologerna vet heller inte exakt hur djuren använder lukten för att kommunicera med varandra (IV, 2/1989)* «Есть много неясностей, касающихся образа жизни лосей; в частности, биологи точно не знают, как животные используют запах для передачи друг другу сообщений» (наряду с препозитивным качественным определителем, выраженным причастием II *ouppklarade*, в предложении присутствует постпозитивный качественный определитель, в роли которого выступает субстантивное сочетание с предлогом: *runt älgens levnadssätt*).

Среди экзистенциальных предложений выделяется особая группа таких, в которых постпозитивный определитель выражен инфинитивной группой, а номинативный компонент — абстрактными существительными *sätt, anledning, skäl* и т. п.: *Det finns ett enkelt sätt att bli av med kloret i sitt kranvatten (R&R, 1/1989)* «Есть простой способ избавления от хлора в водопроводной воде»; *Det finns ingen*

anledning att gripas av panik (DN, 4/2003) «Нет оснований поддаваться панике».

Как видно из приведенных примеров, они имеют некоторое сходство с предложениями, содержащими слова модальной и оценочной семантики, типа: *Det har inte varit meningen att besluta något* «Решать что-либо не собирались»; *Det är en fördel att slippa höra honom* «Хорошо, что можно его не слушать»².

Общим для этих предложений является, прежде всего, абстрактная семантика номинативного компонента, информативная недостаточность которого обуславливает наличие инфинитивной группы. Однако функции номинативного компонента различны в этих двух типах: в экзистенциальных предложениях существительное, занимающее позицию предикативного члена, является носителем процессуального признака, выраженного сказуемым *finnas*, и смысловым субъектом личного предложения; а в высказываниях со словами модальной и оценочной семантики номинативный компонент входит в состав предиката.

Важное значение имеет также различие в способах выражения сказуемого: в предложениях со словами модальной и оценочной семантики в предикате употребляется неполнозначный глагол *vara*, в то время как в экзистенциальных — знаменательный глагол *finnas*. Кроме того, в экзистенциальных предложениях инфинитивная группа раскрывает содержание существительного (*sätt, anledning*), выступая в качестве определения к нему, а в предложениях с предикативом, выраженным существительным (*meningen, fördel*), инфинитив является информативным восполнением всего безличного ядра и частью сказуемого. В таких предложениях присутствует субъективно-модальная оценка, что не свойственно предложениям с конструкцией *Det finns*.

Презентативные предложения. Презентативные предложения с глаголом *finnas* сообщают о наличии предмета в определенных пространственных координатах и строятся по модели, включающей облигаторный локатив: *Det finns + Nom + Loc*. В данном типе предложений в качестве именного компонента употребляются в основном имена существительные, обозначающие конкретные предметы или лица: *Det finns också många flyktingar i landet* (*ibid.*, 11/1990) «В стране также много беженцев».

² Подробнее об этом см.: *Матыцина И. В.* Предложения с безличным ядром, требующим информативного восполнения в современном шведском языке // Скандинавские языки: Синхрония и диахрония. М., 1999. С. 383–401.

Иногда именной компонент может быть выражен субстантивированными прилагательными: *Det finns två sjuka här nere: den finska flickan och jag* (Jersild, 78) «Здесь внизу двое больных — финская девушка и я», или существительными абстрактной семантики.

В материале встретились также предложения с конструкцией *Det finns*, в состав которых входят несколько именных компонентов: *Det finns tonåringar och därför problem i det här huset* (DN, 8/1991) «В этом доме есть подростки и, следовательно, проблемы».

Характерная для презентативных предложений конкретная семантика номинативного компонента определяет выбор локативного члена: в этой роли чаще всего употребляются слова, также имеющие достаточно конкретное значение и указывающие на определенные пространственные координаты (см. примеры выше). В силу относительной подвижности локативного члена данная модель может реализоваться в двух структурных вариантах:

- постпозиция локативного члена относительно именного компонента: *Det finns tigrar i Kongo* (ibid., 1/2004) «В Конго есть тигры»;
- препозиция локативного члена относительно именного компонента: *I Tunis finns det flera tunisiska restauranger där man äter gott* (ibid., 4/1991) «В Тунисе есть много тунисских ресторанов, в которых можно вкусно поесть».

В материале встретились также примеры, в которых локативный член находится в предшествующем контексте: *Huset består av ett kök till höger, en kammare till vänster. Det finns flera träbord och stolar* (Jersild, 139) «Дом состоит из кухни, расположенной с правой стороны, и комнаты — с левой. Есть несколько деревянных столов и стульев»; *Fartyget är stort. Det finns platser för 170 roddare, alla med var sin åra* (IV, 4/1990) «Судно велико. На нем помещаются 170 гребцов, каждый со своим веслом». Как видно из приведенных предложений, пространственные координаты объектов (*träbord och stolar, platser*) выявляются лишь при обращении к предшествующему контексту (*i huset, på fartyget*).

Анализ имеющихся примеров свидетельствует о том, что препозиция и постпозиция относительно номинативного компонента свойственны не только локативу, но и определителям. Среди препозитивных определителей в зависимости от способа выражения можно выделить 2 типа — качественные и количественные определители.

В роли качественных определителей выступают прилагательные и причастия: *Det fanns täta snår och skog där tidigare men det finns*

örpna områden där nu (IV, 2/1989) «Раньше там были густые заросли и леса, а сейчас там открытые вырубленные пространства» (в роли качественных определителей выступают прилагательные tät, örpen); Det finns inga blinkande eldflugor i Sverige (IV, 4/1989) «В Швеции нет мерцающих светлячков» (качественным определителем является причастие I blinkande).

В роли количественных определителей выступают количественные числительные и наречия типа mysket, många и т. д.: Det finns i regel 6 till 7 ägg i boet. (IV, 3/1989) «Как правило, в гнезде бывает 6–7 яиц» (определитель выражен количественными числительными 6, 7).

Примеры такого рода составляют не менее 20% от общего количества презентативных предложений, поэтому представляется, что одной из основных функций предложений рассматриваемого типа является сообщение о количестве предметов, находящихся в определенных пространственных координатах.

Значительно реже встречается постпозитивное определение номинативного компонента; оно бывает только качественным и выражается при помощи:

- определительных придаточных предложений с союзом som: Bland de äldsta stenar man har hittat finns det också en del som kommer från vulkaner (IV, 4/1989) «Среди древнейших из найденных камней есть такие, которые ведут свое происхождение от вулканов» (в роли качественного определителя выступает придаточное предложение, вводимое союзом som: som kommer...);
- предложно-субстантивных словосочетаний: Det finns hus i olika färger i Dalarna (DN, 11/2000) «В Даларне есть дома разного цвета» (качественный определитель выражен субстантивной группой с предлогом: i olika färger).

Анализ материала свидетельствует о том, что в презентативных предложениях, как правило, одновременно присутствуют постпозитивные и препозитивные определители номинативного компонента:

I katolska länder finns det t ex en säker marknad för sådana sånger (ibid., 7/1998) «В католических странах, например, устойчивый спрос на такое пение» (наряду с качественным препозитивным определителем, выраженным прилагательным säker, в предложении имеется качественный постпозитивный определитель, в роли которого выступает предложное словосочетание för sådana sånger).

Все сказанное позволяет выделить следующие основные различия между двумя рассмотренными типами предложений с конструкцией *Det finns*:

- экзистенциальные предложения содержат информацию о существовании предметов и явлений и характеризуются:
 - отсутствием локативного члена;
 - абстрактной семантикой именного компонента;
 - преимущественным использованием постпозитивных определителей.
- презентативные предложения содержат информацию о наличии предметов и явлений в определенных пространственных координатах и характеризуются:
 - наличием локативного члена;
 - конкретной семантикой именного компонента;
 - преимущественным использованием препозитивных определителей.

Содержание некоторых из них может быть передано при помощи двусоставных личных предложений со сказуемым, выраженным глаголом *att ha*. Смысловое различие заключается в том, что в презентативных предложениях субъект владения оказывается устраненным из синтаксической структуры высказывания; напротив, двусоставные личные предложения выражают значение владения с указанием на субъект: *Det finns tre stolar och ett bord i köket. — Klara har tre stolar och ett bord i köket* (DN, 10/2004). Однако в тех случаях, когда в предложениях с конструкцией *Det finns* присутствует косвенное указание на субъект владения в форме дополнения, обстоятельства или определения, имеет место семантическое сближение между указанными двумя типами:

Ja, det kommer alltid att finnas problem för politiker (ibid., 2/2005) «Да, у политиков всегда будут проблемы» (субъект владения имеет форму дополнения, ср. *Politiker kommer alltid att ha problem*).

Det är konstigt att konstatera att det finns pengar hos dem (ibid., 7/1989) «Странно говорить о том, что у них есть деньги» (субъект владения выражен обстоятельством, ср.: *De har pengar*).

Det finns alltid mat i hans kylskåp (ibid., 6/1991) «У него в холодильнике всегда есть еда» (субъект владения выражен определением к локативному члену — *hans kylskåp*, ср.: *Han har alltid mat i sitt kylskåp*).

В таких предложениях имеет место низведение субъекта владения, который в структурном плане приобретает функцию одного из

второстепенных членов, а в коммуникативном — вытесняется из позиции темы, т. к. содержит элемент новой информации. В отличие от тема-рематических высказываний со сказуемым, выраженным глаголом *att ha*, такие предложения являются коммуникативно-нечленимыми и содержат только *remu*³.

Анализ имеющихся примеров свидетельствует о том, что основной коммуникативной функцией *Det finns + Nom (+ Loc)* является сообщение новой информации о наличии/существовании лиц или предметов. Номинативный компонент, входящий в состав этой конструкции, является носителем процессуального признака, выраженного глаголом-сказуемым *finnas*, который в силу своей грамматической и семантической неопределенности оказывается вытесненным со свойственной ему позиции; формальный элемент *det*, занимающий позицию грамматического субъекта, является структурным компонентом, служащим для введения новой с коммуникативной точки зрения информации. Сказанное подтверждается существованием двусоставных личных предложений со сказуемым, выраженным глаголом *finnas*:

Det blå havet finns framför allt i tropikerna, därför att solen står högt i himlen och vädret är molnfritt oftare än på våra breddgrader (IV, 4/1989) «Синее море можно встретить прежде всего в тропиках, потому что там солнце стоит высоко в небе и погода бывает ясной чаще, чем на нашей широте».

Månregnbågen är så ljussvag att man inte kan se färgerna med blotta ögat. Färgerna finns där men de syns bara på fotografier (ibid., 2/1989) «У лунной радуги такой слабый свет, что невооруженным глазом нельзя разглядеть цвета. Цвета есть, но их видно только на фотографиях».

Такие высказывания имеют тема-рематическую структуру и сообщают о наличии какого-либо предмета или явления, выступающего в качестве грамматического субъекта и темы высказывания (*det blå havet, färgerna*); в их составе номинативный компонент выступает в определенной форме и занимает позицию, свойственную грамматическому субъекту, таким образом, отпадает необходимость употребления формального элемента *det* в качестве облигаторного структурного компонента синтаксической схемы предложения.

³ *Sundman M.* Existentialkonstruktionen i svenskan // *Meddelanden från Stiftelsens för Åbo Akademi Forskningsinstitut.* Åbo, 1960. N 57; *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1987. S. 203–204; *Svenska Akademiens grammatik.* Stockholm, 1999. Bd. 3. S. 384–406.

Имеется и другое подтверждение того факта, что *det* является чисто структурным элементом, служащим для введения новой информации, а номинативный компонент — смысловым субъектом высказывания, — это предложение с локативом, занимающим инициальную позицию темы. Примечательно, что в подобных случаях нередко происходит опущение *det*, особенно если в роли локатива выступает «тяжелый» член: I Kalifornien finns ett kraftverk som producerar ström genom att bränna upp gamla däck (ibid., 4/1989) «В Калифорнии есть электростанция, дающая ток путем сжигания старых покрышек».

Встречаются также предложения с инверсией, в которых формальный элемент сохраняется, однако их количество незначительно и позволяет предположить, что использование *det* в этих примерах является результатом аналогии или вызвано стремлением говорящего ритмически согласовать короткое предложение с предшествующими ему более длинными: En dag vart tolfte år har vattnet i Indiens heliga flod Ganges magisk kraft. Pilgrimer vallfärdar i miljoner från hela världen. Bland dem finns det otaliga fakirer (ibid., 3/1989) «Один раз в двенадцать лет вода в священной индийской реке Ганг имеет магическую силу. Миллионы пилигримов со всего мира совершают сюда паломничество. Среди них — бесчисленное множество факиров».

Таким образом, анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что предложения с формальным элементом *det* и глаголом *finnas* служат для передачи новой информации, которая содержится в группе смыслового субъекта.

Источники

DN — Dagens nyheter (1989–2004).

IV — Illustrerad vetenskap (1988–1991).

Jersild — *Jersild P. G. Efter floden*. Stockholm, 1989.

R&R — Råd & Rån (1988–1991).

I. V. Matitsina

OM TVÅ TYPER AV EXISTENTIALKONSTRUKTIONEN I MODERN SVENSKA

Analysen visar att en stor grupp existentialsatser, som av svenska forskare (M. Sundman, O. Thorell) brukar betraktas som enhetlig och homogen, i själva

verket består av två mindre grupper, beroende av satsernas struktur och semantik. Det är existentiella och presentativa satser. De första informerar rent allmänt om att någon eller något existerar. Deras struktur är: *Det + finns + Nom*, och som nominalled används här för det mesta substantiv med abstrakt betydelse. De presentativa satserna informerar om att någon eller något finns inom ett visst utrymme och har en annan struktur: *Det + finns + Nom + Loc*. Nominalledet i de här satserna är oftast representerad av ett konkret substantiv. De här två satstyperna skiljer sig också med avseende på de bestämningar, som används i varje av dem.



А. В. Савицкая

АФФИКСАЦИЯ ИЛИ ОСНОВОСЛОЖЕНИЕ?

Несмотря на, казалось бы, несомненное различие между двумя наиболее продуктивными способами словопроизводства шведского языка — основосложением и аффиксацией, — провести четкую границу между ними в целом ряде случаев оказывается трудно. Исследователи нередко вынуждены сомневаться в том, каким именно из этих способов образованы те или иные лексические единицы. В данной статье предпринимается попытка систематизировать наиболее спорные словообразовательные модели и проиллюстрировать взаимовлияние аффиксации и основосложения в современном шведском языке.

В истории шведского языка хорошо известны характерные для германских языков случаи перехода полнозначных слов в разряд словообразовательных аффиксов в результате их грамматикализации и выпадения из активного словарного состава языка. Классическими примерами здесь являются: -dom < domber, -skap < skaper, -lik < liker, -lek < leker. При этом предпосылкой грамматикализации всегда являлась высокая частотность употребления слова в качестве одного из компонентов композитов, сопровождавшаяся семантическим сдвигом. В разные периоды развития языка такими высокопродуктивными компонентами становились разные лексические единицы. Семантика многих из них претерпевала существенные изменения, однако полная делексикализация происходила отнюдь не часто. Сопоставление материала более ранних исследований и словарей новой лексики разных лет показывает, что во многих случаях на смену одним «модным» компонентам композитов, которым ког-

да-то приписывался статус полуаффиксов или даже аффиксов, со временем приходят другие.

Эту ситуацию особенно наглядно иллюстрирует работа Карла Эрика Лундблада, посвященная «префиксообразным первым компонентам композитов» и написанная на материале лексики XIX–XX вв.¹ В этой работе проводится детальный анализ первых компонентов композитов, отличавшихся в разные периоды высокой продуктивностью, сопровождавшейся семантическим сдвигом. При каждой исследованной единице приводится графа «Употребительность», и легко заметить, что целый ряд единиц либо уже просто не употребляется в качестве «префиксов» (*atom-*: *atombillig* «безумно дешевый»), либо отличается крайне низкой продуктивностью (*berg-*: *bergsäker* «железно надежный», *grav-*: *gravallvar* «страшно серьезный»). Отметим также, что почти все рассматривавшиеся единицы сохранились в языке в качестве самостоятельных слов с исконным значением. Если сопоставить данные Лундблада с материалом, представленным в монографии по шведскому словообразованию Р. Сёдерберга², окажется, что к моменту ее написания, 1960 г., лишь *jätte*- и *ig-* по-прежнему сохраняют «префиксообразный» статус. Думается, однако, что ситуация с первыми компонентами композитов при всей своей наглядности не отражает проблему полуаффиксов во всей полноте. Все подобные композиты являются принадлежностью разговорной речи, куда они, как правило, попадают из сленга, т. е. из наиболее динамичного пласта языка, а следовательно, их недолговечность вполне естественна. Кроме того, префиксация значительно менее характерна для шведского языка, чем суффиксация, поэтому не случайно, что примерами общепризнанных и прочно закрепившихся в языке словообразовательных морфем интересующего нас происхождения, а также морфем, занимающих промежуточное положение, чаще служат не префиксы, а суффиксы. Но и здесь картина представляется далеко не однозначной.

Как уже было сказано, простое сравнение словарей новой лексики и списков модных слов разных периодов показывает, что многие высокопродуктивные вторые компоненты композитов со временем утрачивают свою актуальность, так и не превратившись в словообразовательную морфему в полном смысле этого слова. И если сегодня мы наблюдаем большое количество композитов-«согипонимов» с

¹ *Lundbladh C.-E. Prefixlika förleder // ORDAT. Göteborg, 2002. N 17.*

² *Söderbergh R. Svensk ordbildning. Stockholm, 1968.*

компонентами -faktor (kändisfaktor «степень участия знаменитостей», hippfaktor «степень модности», svulloffaktor «степень ожирения») или -frossa (filmfrossa «изобилие фильмов», faktafrossa «изобилие фактов», pizzafrossa «изобилие разных пицц»), семантика которых отлична от семантики соответствующих самостоятельных слов (faktor «фактор; коэффициент», frossa «обжорство»), то трудно утверждать, что через несколько десятилетий они будут столь же актуальны. Поэтому вполне естественно, что, обращаясь к проблеме статуса второго компонента, авторы общих работ по шведскому словообразованию оперируют в основном одними и теми же, уже «устоявшимися» примерами. У Рагнхильд Сёдерберг это: -artad, -lös, -full, -betonad, -riktig, -vänlig и -man³. У Улофа Турелля: -lös, -fri, -full, -rik, -sinnad, -säker, -vänlig, -verk, -man⁴. У Туре Юханниссона: -sinnad, -aktig, -mässig⁵.

Почти все эти компоненты входят в состав высокочастотных на сегодняшний день слов, однако степень их продуктивности далеко не одинакова. Так, -artad, -betonad, -full и -säker уже либо вообще отсутствуют в словарях новой лексики 1986 и 2000 гг.⁶, либо представлены в них лишь отдельными примерами. Остальные единицы могут быть отнесены к продуктивным по данным словаря 1986 г., но почти не встречаются в словаре 2000 г. Исключение составляет компонент -man, о котором будет сказано ниже. Думается, что есть основания говорить о том, что статус этих вторых компонентов в современном языке различен. Например, -aktig, -artad и -mässig обычно рассматриваются как суффиксы, но при этом два последних, наряду с -lös и -vänlig, выделяются толковыми словарями в отдельные словарные статьи как высокочастотные вторые компоненты адъективных композитов, обладающие пусть и не столь конкретной, как полноценные слова, но все же собственной семантикой. Гунлёр Юсефссон⁷ указывает еще на одно отличие -aktig, -artad и -mässig от обычных суффиксов: их присоединение к сложному слову всегда влечет за собой появление соединительной морфемы (högskolemässig «соответствующий высшей школе», granskogsaktig «напоминающий

³ Söderbergh R. Op. cit. S. 30.

⁴ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S. 15.

⁵ Johannisson T. Tendenser i nutida svensk ordbildning // Nutidssvenska. Uppsatser i grammatik. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1964. S. 12.

⁶ Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal. Stockholm, 1986; Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. 2000.

⁷ Josefsson G. Ord. Studentlitteratur. Lund, 2005. S. 134.

еловый лес»). Следовательно, в формальном отношении они функционируют как классические вторые компоненты подобных композитов. Обращает на себя внимание и тот факт, что автор специального исследования, посвященного адъективным композитам шведского и немецкого языков XIX–XX вв., Моника Хаглунд-Драгич, лишь упоминая о проблеме «псевдосуффиксов, полусуффиксов и суффиксоидов»⁸, включает все упомянутые выше единицы в сводные таблицы вторых компонентов сложных прилагательных. В то же время самостоятельных слов *aktig, *artad или *mässig не существует, и поэтому вполне логичной представляется позиция Г. Юсефссон, которая предлагает называть их «квазисуффиксами»⁹. Здесь же стоит, вероятно, отметить, что обычно рассматриваемые в разделе «Префиксы» o-, miss- и van- тоже часто выделяются толковыми словарями в отдельные статьи как первые компоненты сложных слов. Все они несут на себе аналогичное первому компоненту композита ударение, а miss даже может функционировать как самостоятельное слово в выражениях типа göra en miss «совершить ошибку». В результате в некоторых работах статус miss- как префикса ставится под сомнение.

Из «спорных» вторых компонентов, способных функционировать как самостоятельные слова, наиболее актуальны для современного языка -vänlig и -man. В статье, посвященной статусу словообразовательного элемента -vänlig, Петер Андерссон убедительно показывает высокую продуктивность данного элемента в шведском языке начиная с XIX в., и определенное развитие его семантики: djurvänlig «vänligt inställd till / vänlig mot / bra för djur» — «дружелюбно настроенный к животным / полезный для животных»; barnvänlig «bra / passande för barn» — «хороший / подходящий для детей»¹⁰. Однако в заключительной части статьи автор приводит целый ряд аргументов, не позволяющих говорить о полной грамматикализации -vänlig и считать его суффиксом. Любопытно, что одним из них является появление в последнее время конкурирующего элемента -bra (barnbra «‘хороший’ для детей», miljöbra «‘хороший’ для окружающей среды»)¹¹.

⁸ Haglund-Dragic M. Om adjektiviska sammansättningar i svenska och tyska // ORDAT. Göteborg, 2005. N 24.

⁹ Josefsson G. Op. cit. S. 136.

¹⁰ Andersson P. Ordbildningselementet -vänlig: produktivitet, suffixstatus och grammatisering // ORDAT. Göteborg, 2003. N 22. S. 2–5.

¹¹ Ibid. S. 8–9.

Ситуация со словообразовательным элементом *-man* представляется совершенно особой. Его продуктивность резко возрастает начиная со второй половины XX в., причем связана она, прежде всего, с изменением его семантики. Слово *man* наряду со значением «лицо мужского пола» уже давно приобрело нейтральное в половом отношении значение «человек», которое широко используется в сложных словах, обозначающих представителя того или иного рода деятельности. В качестве второго компонента композита *-man* приобретает функцию, аналогичную суффиксу *-are* (*valman -väljare* «избиратель»), который в настоящее время уже практически вытеснил целый ряд «женских» суффиксов. Такое развитие вполне отвечает духу времени, и ему, как пишет Катарина Грюнбаум, не следует препятствовать, поскольку оно позволяет «избежать бесплодной дискуссии о том, до какой степени женщины могут быть мужчинами»¹². И действительно, такие слова, как *talman* «спикер», *stytman* «штурман», *tjänsteman* «служащий», могут с равным успехом обозначать и мужчину, и женщину. Произошедший сдвиг в семантике компонента *-man* в сочетании с его достаточно высокой частотностью позволил исследователям шведского словообразования ставить вопрос об отнесении этого элемента к разряду полуаффиксов. С позиций сегодняшнего дня это представляется вполне оправданным. Однако нельзя не отметить, что в отношении продуктивности *-man* значительно уступает суффиксу *-are*, и, вероятно, можно говорить скорее об изменении семантики данного элемента в уже устоявшейся в словарном составе языка лексике, чем о повышении словообразовательной активности элемента *-man* в таком новом качестве. В 2005 г. Комитетом по шведскому языку была выпущена книга, посвященная дискуссионным вопросам современной грамматики, словообразования и словоупотребления. В ней, в частности, говорится о том, что, поскольку в большинстве профессий на *-man* по-прежнему доминируют мужчины, такие профессиональные наименования у многих все-таки соотносятся с мужским полом¹³. Как следствие, в целом ряде случаев имеются или создаются альтернативные наименования, лишённые половой окраски: *statsman* — *politiker*; *polisman* — *polis*; *talesman* — *representant, företrädare, språkrör* «представитель, рупор»; *vetenskapsman* — *vetenskapare, forskare* «научный работник,

¹² *Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 114.*

¹³ *Språkriktighetsboken / Svenska språknämnden och Norstedts Akademiska Förlag. Stockholm, 2005. S. 82.*

ученый, исследователь»); idrottsman — idrottare «спортсмен». Легко заметить, что в подавляющем большинстве случаев в качестве альтернатив выступают слова с суффиксом *-age*. Авторы вышеупомянутой книги дают целый ряд рекомендаций по употреблению наименований профессий, среди которых хотелось бы выделить следующую: не создавать новых названий профессий со вторыми компонентами *-kvinna* и *-man*¹⁴. Последний момент представляется небезынтересным в контексте вопроса о статусе элемента *-man*. Кроме того, если считать «мужчину» гипонимом по отношению к гиперониму «человек», окажется, что *-man* все же не отвечает одному из важнейших формальных критериев полноценного суффикса — полной утрате связи с самостоятельным словом. И думается, что эта связь едва ли будет утрачена, хотя бы в силу наличия неопределенно-личного местоимения *man*. Учитывая совокупность данных факторов и принимая во внимание неуклонно возрастающую словообразовательную активность суффикса *-age*, можно предположить, что разговор об элементе *-man* как о полуаффиксе со временем утратит свою актуальность, как это уже происходило с целым рядом когда-то высокочастотных вторых компонентов.

Подводя итоги вышесказанного, можно констатировать, что ситуация с превращением компонентов композитов в аффиксы далеко не однозначна и не перестает служить предметом дискуссий, о чем свидетельствует появление все новых и новых работ, так или иначе затрагивающих эту тематику. Причем складывается впечатление, что со временем шведские исследователи начинают проявлять все большую осторожность, избегая категоричных терминов «префикс» и «суффикс» и создавая более обтекаемые варианты типа «префиксообразные первые компоненты», «усилительные компоненты», «квазисуффиксы», «суффиксоподобные элементы» и т. п. Диахронические исследования показывают, что единицы — предметы дискуссий периодически меняются, но при этом «зона полуаффиксов» никогда не пустует, что явно свидетельствует о тяготении шведского языка к некоему «промежуточному» способу словообразования, где провести границу между основосложением и аффиксацией чрезвычайно трудно.

Помимо такого «промежуточного» способа словопроизводства, где основосложение и аффиксация ведут между собой своего рода конкурентную борьбу, в шведском языке существует и особый способ словопроизводства, при котором основосложение и аффиксация вза-

¹⁴ Språkriktighetsboken. S. 87.

имодействуют. Его описание сопряжено с терминологическими трудностями. С. С. Маслова-Лашанская называет его «сращением»¹⁵, а В. П. Берков, трактующий «сращение» по-другому, рассматривает его в разделе «Аффиксальное словопроизводство», не снабжая отдельной рубрикой и ограничиваясь его описанием¹⁶. В шведских работах этот способ словопроизводства относят как к основосложению (Söderbergh, Josefsson), так и к аффиксации (Thorell), называя, соответственно, *Avledd sammansättning* «Словосложение с применением аффиксации» и *Avledning av ordgrupp* «Аффиксация словосочетания». Отсутствие единой терминологии обусловлено, вероятно, именно спецификой данного способа словопроизводства, при котором основосложение и аффиксация действуют одновременно. В результате образуются лексические единицы, состоящие из двух корневых морфем и суффикса, например *blåögd* «голубоглазый», *ordhållig* «верный своему слову», *soffliggare* «человек, уклоняющийся от участия в выборах», букв. «приверженец лежания на диване», *tremastare* «трехмачтовик» и т. д.

Отнесение данного способа словопроизводства к аффиксации несколько спорно, поскольку подавляющее большинство шведских композитов дериватов не образует. Например, несмотря на наличие в языке существительных *brunkräm* «крем, придающий коже коричневатый оттенок» и *regnvatten* «дождевая вода», а также прилагательного *krämig* «кремовый» и глагола *vattna* «поливать водой», дериватов **brunkrämig* и **regnvattna* не существует.

Отнесение этой словообразовательной модели к основосложению тоже не вполне правомерно, поскольку вторым компонентом полученного композита оказывается суффиксальное производное, употребляющееся исключительно в составе сложного слова. Даже в тех единичных случаях, когда второй компонент существует в языке как самостоятельное слово, говорить о том, что перед нами «классический» композит, невозможно. Рассматривая пример со словом *rödårig* «рыжеволосый», Г. Юсефссон, показывает, что если мы признаем его двухкомпонентным композитом, то будем вынуждены объяснить его значение как «*årig på ett rött sätt*» «волосатый на рыжий манер». И, следовательно, нам все равно придется прийти к заключению, что компонент *årig* в составе слова *rödårig* является чем-то иным, нежели самостоятельное прилагательное¹⁷.

¹⁵ Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 162.

¹⁶ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 144.

¹⁷ Josefsson G. Op. cit. S. 103.

Думается, что все сложности и спорные моменты, возникающие при описании таких лексических единиц, убедительно показывают, что и здесь мы имеем дело с неким «промежуточным» способом словообразования, хотя и в другом смысле слова, по сравнению с рассмотренным ранее. Хотелось бы также отметить, что анализируемая модель тоже широко распространена в современном шведском языке и в ряде случаев созданный по ней компонент оказывается настолько продуктивным, что вслед за окказиональным композитом появляется целая цепочка композитов-«согипонимов». Ярким примером может служить появившееся в конце XX в. «слово» -*kramare* со значением «защитник, борец». Родоначальником серии композитов послужило созданное по английской модели и датированное 1980 г. слово *trädkramare* «обнимающий дерево (с целью защиты)», в семантике которого прослеживалась непосредственная связь с глаголом *krama* «обнимать»: люди, протестовавшие против вырубki зеленых насаждений ради строительства новых дорог, действительно стояли, обняв деревья. Однако помимо *trädkramare* в последнем словаре новой лексики присутствуют еще *bilkramare*, *brokramare*, *kärnkraftskramare*, *ordkramare*, *reaktorkramare*, *rälskramare*, *sjukhuskramare*, *skattekramare* «защитники, соответственно, автомобилей, мостов, атомной энергетики, слов, реакторов, железнодорожных рельс, больниц, налогов». Следовательно, есть основания говорить об изменении семантики и даже статуса компонента -*kramare*, поскольку он начинает отвечать критериям полуаффикса. Не случайно словари современного шведского языка выделяют его в отдельную статью аналогично -*mässig*, -*artad*, -*vänlig* и -*lös*. Но если обычно в «зону полуаффиксов» в результате словообразовательных процессов попадают полноценные слова, то слова **kramare* в шведском языке не существует и тяготение к статусу полуаффикса обнаруживает словоформа, возникшая в результате комбинированного способа словопроизводства. Отнюдь не претендуя на далеко идущие выводы, хотелось бы, однако, отметить, что у двух рассмотренных нами «промежуточных» способов словопроизводства намечаются некоторые дополнительные точки пересечения.

В современном шведском языке можно наблюдать и определенные черты взаимовлияния основосложения и аффиксации. Они наглядно проявляются при анализе словообразовательной активности суффикса -*are*, играющего важнейшую роль в субстантивном словопроизводстве. Этот суффикс обладает способностью высту-

пать в качестве своего рода заместителя конечного компонента сложного композита: järnvägare < järnvägstjänsteman «железнодорожник», ståuppare < ståuppkomiker «артист, выступающий в жанре “сатирик-импровизатор”», hemmahosare < hemmahosreportage «репортаж из серии “дома у...”». Однако суффикс -are может не только сокращать композиты, но и способствовать их созданию. С древних времен этот суффикс используется для образования отглагольных существительных — обозначений исполнителя действия (skapa > skapare «создатель», löpa > löpare «бегун»). В то же время Ульф Телеман отмечает, что при образовании существительного на -are от глагола, имеющего при себе обстоятельство или дополнение, создание композита часто становится неизбежностью. В противном случае эти элементы предикативного словосочетания окажутся утраченными: en som löper i skog(en) > en skogslöpare «любитель лесных пробежек», en som åker skridsko hängivet > en hängiven skridskoåkare «человек, с увлечением катающийся на коньках»¹⁸.

Основосложение и аффиксация являются наиболее продуктивными способами словопроизводства в шведском языке при доминирующей роли первого из них. Причем, как убедительно показывает С. С. Маслова-Лашанская, оба эти способа обладают помимо функции создания номинативных единиц функцией синтаксического средства, т. е. способностью передавать отношения, складывающиеся в процессе речевой коммуникации¹⁹, что существенно расширяет их возможности. В то же время, как следует из рассмотренного материала, в современном шведском языке основосложение и аффиксация пребывают в постоянном взаимодействии, что во многих случаях приводит к затруднениям при определении способа образования лексических единиц. Вероятно, есть основания говорить о том, что основосложение в известной степени способствует развитию аффиксации. Причем происходит это по-разному: основосложение то вступает с аффиксацией в своего рода конкурентную борьбу, которая иногда приводит к созданию новых аффиксов, то «вовлекает» аффиксацию в некий совместный способ словопроизводства, то «жертвует» одним из компонентов композитов, предоставляя уже имеющимся в языке аффиксам повы-

¹⁸ *Teleman U. Om svenska ord. Lund, 1970. S. 74–75.*

¹⁹ *Маслова-Лашанская С. С. О синтаксической роли словообразования в шведском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1991. Вып. 5. С. 25–35.*

шать свою продуктивность. Данные процессы, несомненно, находятся в шведском языке в стадии развития, и не удивительно, что уже на протяжении долгого времени они привлекают внимание исследователей.

A. V. Savitskaja

AVLEDNING ELLER SAMMANSÄTTNING?

Artikeln behandlar olika ordbildningsmönster som vållar forskare vissa bekymmer på grund av sin mellanställning. Dessa mönster är olika beroende på typen av samband mellan avledning och sammansättning. Ibland pågår det en sorts dragkamp som får forskarna att diskutera förledens respektive efterledens status och att tala om prefixlika förleder och kvasisuffix. Ibland konstaterar man ett samspel mellan avledning och sammansättning och är tvungen att analysera avledda sammansättningar eller avledningar av en ordgrupp. I vissa fall tenderar den avledda sammansättningens efterled att förvandlas till ett slags kvasisuffix. Ännu en variant av «samarbete» ser man när -are — ett av språkets mest produktiva suffix — ersätter efterleder hos en del sammansättningar och i sin tur påverkar skapandet av nya sammansättningar.



Е. М. Чекалина

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВАРЬИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы функционального варьирования нередко становились предметом изучения внешней лингвистики с точки зрения территориальной, социальной и стилистической дифференциации языковых средств¹. Наряду с этим варьирование рассматривалось в исследованиях по грамматической и лексической семантике как проявление полисемии и синонимии языковых единиц различных уровней². В динамике синхронии вариативность как фундаментальное свойство языка выявляет сложную взаимосвязь внешней функциональной стратификации языка с его внутренним формальным и семантическим устройством.

В течение долгого времени живым напоминанием о старой трехродовой системе имен служит в шведском языке окончание *-e* у прилагательных слабого склонения при их употреблении с одушевленными существительными, обозначающими лиц мужского пола. Преимущественное использование этой формы в обиходно-разговорной речи сохраняется как примета регионального варианта, сложившегося на территории распространения ётских диалектов в западной и южной Швеции. Напротив, это совершенно не характерно для областей распространения свейских диалектов в центральной

¹ Степанов Г. В. Об особенностях языковой вариативности // Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976. С. 125–133.

² См., например: Семантическое и формальное варьирование. М., 1979; Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

части и на востоке страны, а также для северного региона и Финляндии. Поэтому для жителей Гётеборга естественно сказать о маленьком мальчике в определенной форме *den lille pojken*, тогда как жители Стокгольма непременно скажут о нем *den lilla pojken*.

В общелитературной письменной норме, сложившейся преимущественно на основе свейских диалектов, отмеченное региональное различие, изначально базировавшееся на диалектной дифференциации, не было нивелировано, а видоизменилось и приобрело особую стилистическую окраску. Одним из первых на это обратил внимание Эрик Велландер. В своей знаменитой книге «*Riktig svenska*» он отмечал зависимость выбора окончания в слабой форме от высокой или сниженной семантики прилагательного и/или существительного со значением лица мужского пола: *den gode konungen*, но *den snälla kungen*; *den store mannen*, но *den tjocka herrn*³. В отдельных случаях морфологический показатель слабой формы может также служить средством разграничения различных лексико-семантических вариантов в значении прилагательного. Так, по наблюдениям Э. Велландера, *gamle rektorn* скорее означает, что речь идет о человеке преклонного возраста, в то время как *gamla rektorn* относится к прежнему ректору, который вполне может быть и не старым. Аналогичное явление было отмечено и С. С. Масловой-Лашанской: «В отдельных случаях разница окончаний используется для выражения лексических различий между прилагательными; ср. *den store mannen* «большой [= великий] человек» и *den stora karlen* «большой [= крупный] мужчина»⁴.

Однако нормативная грамматика шведского языка рассматривала форму слабого прилагательного на *-e* как периферийное явление, как «осколок» старой словоизменительной системы и не предсказывала ей долгую жизнь в шведском языке, о чем свидетельствует, в частности, следующее замечание Э. Велландера: «*Ändelsen -e gör i dylika fall ett högtidligt, ålderdomligt eller dialektalt uttryck*»⁵. При этом не принимались во внимание важные особенности функционирования форм с показателем *-e*, получивших в системе шведского языка статус центральных, а не периферийных образований.

Прежде всего окончание *-e* является лексически закрепленным в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными

³ *Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm, 1948. S. 196.*

⁴ *Маслова-Лашанская С. С. Шведский язык. Л., 1953. Ч. I. С. 147.*

ми *förste* и *andre*, служащих для обозначения определенных профессий и должностей, бывших прежде исключительно мужскими: *förste amanuens*, *arkivarie*, *bibliotekarie*, *byråsekreterare*, *gästdirigent*, *intendent*, *kammarskrivare*, *konsertmästare*; *andre ambassadörsekreterare*, *styrman*, *vice ordörande* и др. В современном шведском языке эти обозначения регулярно используются и применительно к женщинам: 1970 blev hon *förste intendent för avdelningen*⁶. При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободно стоящим артиклем и существительными, обозначающими лиц женского пола, они получают окончание *-a*: *Hon var den första bibliotekarie som anställdes vid det nya huvudbiblioteket*⁷.

Кроме того, показатель *-e* является единственно возможным при употреблении прилагательных как постоянных эпитетов в составе цельных словосочетаний с мужскими именами собственными при обозначении исторических личностей: *Erik den helige*, *Ivan den förskräcklige*, *Karl den store*; но *Katarina den stora*, *Maria den blodiga*. При таком употреблении окончания слабого прилагательного *-e/-a* соотносятся друг с другом как обязательные морфологические показатели семантического рода одушевленных существительных, имеющие устойчивый системный статус, близкий к словообразовательному.

Наряду с этим морфемы *-e/-a* получили полноправный статус словообразовательных показателей при субстантивации прилагательных и адъективированных причастий. Особенно важно подчеркнуть, что наряду с обозначением принадлежности лица к мужскому полу показатель *-e* приобрел новый смысловой признак одушевленности без указания на семантический род в противоположность *-a*, который используется только как показатель принадлежности лица к женскому полу: *den gamle / sjuke / enskilde / dömd / brottsmisstänkte* можно сказать как о мужчине, так и о человеке вообще; *den gamla / sjuka / enskilda / dömda / rottsmisstänkta* — только о женщине.

Новые семантические функции, приобретенные показателем слабой формы *-e* в результате рассмотренных процессов, послужили толчком для дальнейшего изменения его смысловой нагрузки в морфологической структуре собственно прилагательного. В современ-

⁵ *Wellander E.* Op. cit. S. 196.

⁶ *Språkriktighetsboken. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden*, 93. Stockholm, 2005. S. 93.

⁷ *Ibid.*

ном шведском языке корреляция окончаний *-a/-e* используется, в частности, для разграничения в значении существительных по линии категории одушевленности/неодушевленности. Тем самым показатель *-e* превратился в маркер одушевленности у нейтральных в отношении семантического рода существительных, которые в старой трехродовой системе принадлежали к грамматическому мужскому роду; ср. *den uppmärksamme läsaren* «внимательный читатель», но *den optiska läsaren* «оптический сканер»⁸.

Таким образом, из региональных и/или стилистических вариантов показатели слабого прилагательного *-a/-e* фактически превратились в смысловые корреляты с новыми семантическими признаками и служат для выражения одушевленности/неодушевленности. При этом каждый из них выполняет двойную семантическую нагрузку:

- *-e* маркирует: а) семантический мужской род; б) одушевленность существительного;
- *-a* маркирует: а) семантический женский род одушевленных существительных; б) неодушевленность существительного.

Изменение статуса рассматриваемых показателей не только не нейтрализовало «изначальную» вариативность в их употреблении, но, напротив, сильно расширило ее границы и распространение на те сферы, где прежде это было невозможно. Утвердившись в качестве облигаторного на определенных участках морфологии имени, показатель *-e* приобрел в узусе новые реализации, направленные на расшатывание нормы сразу в нескольких направлениях:

- Показатель *-e* стал употребляться в прилагательных при обозначении лиц женского пола существительными, изначально принадлежавшими к грамматическому мужскому роду, например: *biskop, minister, lärare, skådespelare: Sveriges nye biskop i Stockholm, Caroline Krook; kommunens förste kvinnlige ordförande i socialnämnden*⁹; *den kände svenske psykologen Madeleine Katz*¹⁰; *den nyanställde språkvårdaren Catharina Grünbaum*¹¹.

Как отмечается в «Шведской академической грамматике», показатель *-e* возможен как вариант при соотнесенности с

⁸ *Hellberg S. Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984. S. 45; Svenska akademiens grammatik. Stockholm, 1999. Bd. 2. S. 229.*

⁹ *Språkriktighetsboken. S. 92.*

¹⁰ *Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.*

¹¹ *Westman M. Språkets myller. Falun, 2001. S. 89. (= Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 84).*

лицами женского пола у прилагательных, обозначающих их общественный статус. Напротив, при обозначении личных качеств женщины прилагательное обычно получает окончание *-a*; ср., например: *den nye finske / nya finska utrikesministern Anna Lindblom*, но *den trevliga ministern Anna Lindblom*; *den politiske / politiska fången Violeta Jimenez*, но *den svårt sjuka fången Violeta Jimenez*¹².

Имеются, однако, и такие случаи, когда прилагательное с окончанием *-e* возможно даже рядом с существительным, которое всегда обозначает только лиц женского пола: *på söndag börjar allvaret på riktigt för Hillary Clinton, USA:s på en gång populära och omstridde första dam*¹³. Думается, что причиной столь необычного употребления является стремление отграничить устойчивое сочетание *första dam*, обозначающее общественный статус, от относящихся к нему определений. Известную роль может играть и эмфатическое выделение прилагательных.

- Показатель *-e* иногда встречается даже при употреблении с одушевленными существительными — *människa*, которое до сих пор замещается при прономинализации только местоимением *hon*, а также *person* (от латинского существительного женского рода *persona*) и *kollega* при обозначении лица мужского пола: *Han sätter kollektivet först men bryr sig om den enskilde människan så mycket som det går att bryr sig om någon*; *Men ljudet av Hemglassbilens lilla trubelutt kan få den mest flegmatische person att morra av raseri*¹⁴; *Han skriver även att det måste spridas mer kunskap till den enskilde människan för att göra henne mer aktiv*; *min lärde kollega*¹⁵.
- Показатель *-e* встречается при одушевленных существительных среднего рода, обозначающих лиц мужского пола: *det ansvarige statsrådet Hans Karlsson*¹⁶; *generalsekreterarens specielle sändebud*¹⁷; *det knappt 20-årige vittnet*¹⁸.
- Показатель *-e* проявляет тенденцию к распространению на употребление с неодушевленными существительными в пе-

¹² Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.

¹³ Språkriktighetsboken. S. 92.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Westman M. Op. cit. S. 89.

¹⁶ Språkriktighetsboken. S. 91.

¹⁷ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 229.

¹⁸ Westman M. Op. cit. S. 93.

реносном значении при соотнесении с лицами мужского пола, причем даже в тех случаях, когда в морфологической структуре существительного с исходом основы на -а содержится информация о его былой принадлежности к грамматическому женскому роду: *den 48-årige rocklegende*; *Auxerres 20-årige supertalang*; *långsamme men farlige spjutspetsen Jarmo Viinkainen*; *svenske trumpetstjärnan Håkan Hardenberger*; *New York Islanders svenske backklippa Kenny Jönsson*¹⁹; *den ryske ishockeystjärnan*²⁰.

Как показывают данные исследования, проведенного Маргретой Вестман, возможны даже случаи употребления обоих показателей слабой формы прилагательного в одном словосочетании независимо от региональной принадлежности говорящего: *den unge svenska trumpetaren Håkan Hardenberger*; *första sovjetiske partiledare*; *den siste kända person som...*²¹ Можно предположить, что вариативность используется в таких случаях как средство разграничения неоднородных определений — качественного и относительного в первом примере, порядкового и относительного — во втором и третьем. Показательно также, что в обоих случаях показатель ближайшего прилагательного соответствует исконному грамматическому роду существительного. Однако нет сомнения в том, что при подобных употреблениях имеет место свободное варьирование.

Таким образом, функционирование слабых прилагательных с показателем -е в динамике синхронии выявляет еще большую степень вариативности, теперь уже не ограниченной региональными или стилистическими факторами, а получившей новые семантические и прагматические коннотации.

Другим примером морфологической вариативности в шведском языке является возможность образования форм претерита (иногда также и супина) некоторых глаголов по сильному или слабому (первому или второму) спряжению. При этом в некоторых случаях наблюдается тенденция к семантизации словоизменительных вариантов, которая имеет различные проявления и различную степень закрепленности в системе и норме.

Выбор словоизменительного варианта может служить для разграничения тождественных лексем с различной синтаксической и семантической валентностью по линии переходности/непереходно-

¹⁹ Språkriktighetsboken. S. 91.

²⁰ Westman M. Op. cit. S. 89.

²¹ Ibid.

²² См. об этом Маслова-Лащанская С. С. Указ. соч. С. 215.

сти у таких глаголов, как *frysa vi* «мерзнуть», *vt* «замораживать»; *svälta vi* «голодать», *vt* «морить голодом»; *smälta vi* «таять», *vt* «рас-тапливать»²². Соотношения между вариантами при этом могут быть различными:

- У непереходного глагола возможна только форма с аблаутом, в то время как переходный, по данным «Шведской академической грамматики», допускает варьирование по сильному и слабому спряжению; ср.: *Vi frös i snålblåsten*, но *Vi frös / fryste fem kilo jordgubbar*; *Efter första världskriget svalt många i Sverige*, но *Cecilia och Rebecka svalt / svälte sig till skuggor*²³.

Показательно, что современные толковые словари шведского языка не фиксируют варьирование у переходных глагольных лексем, которые относятся ко второму слабому спряжению: *Många svälte sina döttrar för att de skulle bli så attraktiva som möjligt*²⁴. Вероятно, указанные расхождения между в основном ориентированными на норму словарями и «Шведской академической грамматикой», в которой уделяется больше внимания современному речевому узусу, свидетельствует о том, что норма и узус находятся в отношении неустойчивого равновесия на тех участках языковой системы, где имеет место вариативность.

- У непереходного глагола наблюдается варьирование по слабому / (реже) сильному спряжению, в то время как переходный глагол имеет только слабые формы; ср. *Glassen har smält / smultit*, но *Jag har smält smöret*²⁵.

У слабых глаголов использование форм сильного спряжения может служить для разграничения прямого (по слабому типу) и переносного (по сильному типу) значений, ср.: *Det klickade till i låset* «В замке что-то щелкнуло», но *Det klack till i honom*²⁶ «Внутри у него что-то ёкнуло».

Встречаются также случаи а) со слабой формой в прямом употреблении и вариативностью в переносном: *Han stupade i kriget*, но *Per stupade / stöp i säng*²⁷; б) с варьированием в прямом употреблении глагольной лексики и сильным спряжением в

²³ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 577.

²⁴ Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2003. S. 1164.

²⁵ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 577.

²⁶ Ibid. S. 575.

²⁷ Ibid.

переносном: *Det rykte / rök i skorstenen* «Из трубы шел дым», но *Där rök min sista tia*²⁸ «Так испарилась моя последняя десятка».

У глагола *besluta* наблюдаются расхождения в словоизменении, связанные с лексико-стилистическими различиями: он спрягается как сильный (*beslöt, beslutit*) в значении «решить(ся) сделать что-л.», но как слабый (*beslutade, beslutat*) в значении «принять решение о чем-л.», обычно в формальной ситуации.

Вместе с тем в глагольной системе современного шведского языка можно наблюдать и результат «преодоления» вариативности, когда глаголы, образованные от одной лексемы, вследствие семантической дивергенции разошлись и по значению, и по морфологической принадлежности сильному или слабому спряжению²⁹. К ним относятся, в частности, глагол *sluta* и производный от него *avsluta*, который спрягается как слабый первого класса в значении «завершить(-ся)» и как сильный четвертого класса в значении «заключить (договор, соглашение)»; ср.: *Kommittén avslutade sitt arbete*, но *Parterna avslöt ett fördrag*³⁰. С глаголом *sluta* картина более пестрая; он спрягается как сильный в значении «закрывать» и «заключить» (*slöt, slutit*) и преимущественно как слабый в значениях «закончиться» и «закончить»; ср.: *Med dessa ord slutade han sitt tal*, но *P. S. Skicka gärna en tia, slöt han brevet*³¹. Однако, по данным «Шведского толкового словаря», при переходном употреблении в последнем значении возможна вариативность в претерите: *slutade / slöt*.

С точки зрения семантизации морфологической вариативности представляет интерес сосуществование двух моделей образования сложных слов с идентичными первыми компонентами, обладающими высокой степенью продуктивности, — *gata* и *kyrka*. Они образуют композиты двоякой морфологической структуры — с соединительным гласным *-u/-o*, восходящим к показателю генитива основ женского рода слабого склонения, и без него; число тех и других образований, по данным словарей, примерно одинаково. Анализ материала позволяет, хотя и с известной осторожностью, предположить, что в большинстве случаев имеется различие в характере смысловой связи между компонентами. При наличии соединитель-

²⁸ Svenska akademiens grammatik. S. 577.

²⁹ См. об этом также: *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 172.

³⁰ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 575.

³¹ Ibid.

ной морфемы в значении композита содержится идея «внутренней», неотъемлемой принадлежности денотата второго компонента первому, свойственной ему как бы априорно, по логике вещей. В композитах без соединительного гласного имеет место внешняя или, вернее, привнесенная извне «вторичная» связь между денотатами компонентов, образующих новое понятие. Ср., например: *gatukors* «перекресток» (который неизбежно возникает на пересечении улиц), *gatuplan* «первый этаж» (также обязательно имеющийся в здании, состоящем из нескольких этажей) и *gatflicka* «уличная девка», *gatpojke* «уличный мальчишка», *gatlykta* «уличный фонарь», *gatsopare* «подметальщик улиц». Некоторым подтверждением предлагаемой трактовки может служить наличие в современном шведском языке двух композитов различной структуры с идентичными первым и вторым компонентами, имеющих принципиально различные денотаты — *kyrkogång* с двумя значениями: 1) посещение церкви; 2) введение женщины в храм после рождения ребенка; и *kyrkgång* «проход в церкви между рядами скамеек». Аналогичные пары композитов с различной семантической структурой имеются и для слов с первым компонентом *kyrka*: *kyrkogård* «кладбище», *kyrkoherde* «пастор», *kyrkolatin* «церковная латынь», *kyrkomusik* «церковная музыка», но *kyrkbacke* «холм, на котором стоит церковь», *kyrkråtta* «церковная крыса», *kyrksilver* «церковное серебро» и др.

Важно подчеркнуть, что выбор модели композита не обусловлен временем его появления в письменной фиксации. Так, многие слова с соединительным гласным появились в шведском языке в XIX в.: *gatubeläggning* «уличное покрытие» (1834), *gatuförsäljare* «уличный торговец», *gatuplan* (1889 — и даже во второй половине XX в.); *gatukontor* «муниципальная служба, отвечающая за содержание улиц и дорог» (1950); *gatukök* «уличный киоск, где можно купить горячую пищу» (1965); *gatubarn* «ребенок, выросший на улице» (1984)³². Вместе с тем многие композиты без соединительного гласного являются значительно более ранними образованиями, например: *kyrkbacke* «холм, на котором стоит церковь», *kyrkby* «село, в котором имеется церковь» (1520); *kyrktorn* «церковная башня; колокольня» (1522); *kyrkklocka* «часы на церковной башне» (1530); *kyrkbänk* «скамья в церкви» (1538); *kyrkbåt* «лодка, на которой прихожане ездили в церковь» (1555); *kyrkfönster* «окно в церкви» (1615).

³² Даты первой письменной фиксации слов здесь и ниже приводятся по данным словаря: *Nationalencyklopedins ordbok / Göteborgs universitet. Göteborg, 1995–1996. Bd. 1–3.*

Разумеется, отмеченные смысловые различия не всегда четко просматриваются, поскольку словообразование является лексическим процессом и не обладает признаком облигаторности. Так, среди композитов с компонентом *kyrk(o)*- имеются варианты, образованные как по одному, так и по другому типу, например: *kyrk(o)bibel* «церковная Библия»; *kyrk(o)bok* «церковная книга»; *kyrk(o)bokföring* «запись в церковной книге»; *kyrk(o>tagning* «введение женщины в храм после рождения ребенка»; *kyrk(o)besök* «посещение церкви». Имеются также структурно различающиеся композиты, у которых расхождения в смысловой структуре не столь заметны. Так, например, наряду с содержащими явную негативную оценку словами *gatflicka* и *gatpojke* имеется существительное *gatubarn* «ребенок, выросший на улице», в семантике которого негативно-оценочная коннотация отсутствует. Некоторые нюансы можно усмотреть и при сравнении таких пар композитов, как *kyrkoherde* «пастор» и *kyrkvård* «церковный староста», *kyrkorum* «церковное помещение» и *kyrksal* «зал для богослужений, находящийся не в церкви». В слове *gatufärsäljare* содержится обозначение свойства (какой торговец), в то время как в композитах *bil-*, *glass-*, *tavelförsäljare* имеет место объектная связь между компонентами (продавец чего-л.). Нельзя полностью исключить и влияние фонотактики на морфологическую структуру композитов; ср.: *gatubelysning* «уличное освещение» и *gatlykta* «уличный фонарь»; *gatubeläggning* «уличное покрытие» и *gatläggning* «мощение улиц». Однако этот фактор, как представляется, является вторичным.

В шведском языке наблюдается и такой тип варьирования, который на первый взгляд представляет собой свободный выбор в индивидуальном употреблении. Речь идет об ограниченной зоне, в которой норма допускает использование как возвратного местоимения *sin*, так и притяжательного местоимения третьего лица. Э. Велландер пишет по этому поводу следующее: «Ofta ger den enes språkkänsla bestämt utslag i en riktning, den andres i en annan, beroende på någon olikhet i tankegång, i medvetna eller omedvetna analogier, i språklig skolning, i tycke och smak»³³. По сути дела, здесь уже содержится в свернутом виде указание на прагматические факторы, определяющие выбор того или иного варианта. Более конкретная интерпретация прагматического компонента представлена в недавно увидевшей свет книге «*Språkriktighetsboken*» (букв. «Книга о правильности

³³ Wellander E. Op. cit. S. 233.

языка»), подготовленной и изданной Шведской языковой комиссией. В ней приведены примеры высказываний, в которых допускается варьирование возвратного и притяжательного местоимений: *Boken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade stuga; Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus?*³⁴ Второй из приведенных примеров является одним из лозунгов предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии Швеции, критикующей политику социал-демократов; в лозунге употреблено возвратное местоимение *sin*. Анализируя тонкие различия в прагматике таких высказываний в зависимости от выбора местоимения, авторы книги отмечают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий как бы принимает точку зрения того лица, о котором сообщается в высказывании: «*Det är Britta det handlar om, det är henne vi ska sympatisera med, och det är henne vi ser framför oss packande sina pinaler. På samma sätt intar exempel med Anna hennes perspektiv snarare än bokens... Tvärtom kan motsvarande meningar, skrivna i enlighet med den gamla tumregeln, uppfattas som mer distanserade. Principen här är alltså att sin markerar närhet och hans / hennes markerar distans i perspektivet, vilket kunde väntas ge utslag åt båda håll, men det yttrar sig framför allt i en ökad användning av sin*»³⁵.

Указание на возможность представить одну и ту же ситуацию говорящим в ближней или дальней перспективе (*närhet / distans i perspektivet*) при использовании вариативных средств в передаче одного и того же содержания представляется особенно интересным. Сделанные авторами книги наблюдения вписываются в более общую картину, отражающую смысловую корреляцию между возможностью представить одну и ту же ситуацию как актуальную, концептуально близкую (ближняя перспектива) или, напротив, отчуждаемую, дистанцируемую (дальняя перспектива)³⁶. Так, в высказывании *Per åkte till Tyskland med Ingrid, sin / hans sekreterare*³⁷ выбор притяжательного местоимения третьего лица может быть обусловлен тем, что говорящий выражает свое неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения о поездке, исключая описываемую ситуацию из сферы своего личностного «я».

³⁴ Språkriktighetsboken. S. 222.

³⁵ Ibid.

³⁶ См. об этом: *Tchekalina E. Temporalt och modalt perspektiv i svenskan // Rask. 1997. 5/6. S. 139–155; Чекалина Е. М. Смысловая корреляция субъективного и объективного в шведском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 77–92.*

В разговорной речи до сих пор встречается издавна отмечавшаяся в диалектах конструкция с двойным супином (*dubbelt supinum*) в составе сложного глагольного сказуемого с формой плюсквамперфекта, обозначающей нереальность, чаще от модальных глаголов *kunna* и *böra*, реже — от таких, как *behöva*, *hinna*, *bruka*, *orka*, *råka*, *tänka*, *vilja*, *våga*: *Det hade du kunnat sagt förut*³⁸; *Hade det inte varit för ett olyckligt bensinstopp i ledningen på väg till depån hade sjätteplatsen kunnat varit något betydligt bättre*³⁹. Несмотря на то что такое употребление допускается только в обиходно-разговорной речи, в последнее время авторитетные шведские языковеды обратили внимание на то, что устойчивость конструкции с двойным супином может быть связана с ее семантизацией в качестве средства передачи видового значения завершенности. Впервые на это обратила внимание в одной из своих статей Маргарета Вестман; она связала различия в употреблении конструкций с двойным супином и с инфинитивом после плюсквамперфекта с возможностью постановки различных обстоятельств: *Jag hade kunnat göra det i åtminstone två timmar* «Я бы мог делать это по крайней мере в течение двух часов», но *Jag hade kunnat gjort det på två timmar*⁴⁰ «Я бы смог сделать это за два часа». Аналогичные наблюдения содержатся и в книге «*Språkriktighetsboken*»: *Jag hade kunnat cykla vid det här laget, om jag bara kunde tränat ordentligt* «Я бы к этому времени умел (научился) кататься на велосипеде, если бы тренировался как следует», но *Jag hade kunnat cyklat till jobbet i morse, om jag bara hade startat tidigare*⁴¹ «Я бы смог доехать до работы на велосипеде сегодня утром, если бы выехал пораньше».

Синтаксическим фоном для аспектуального значения конструкции с двойным супином служит результативная конструкция со спрягаемым глаголом *få* и супином переходных глаголов: *Han har fått utträttat mycket på kort tid*; *Han får nog utträttat sina ärenden på kort tid*; *Han fick utträttat sina ärenden på kort tid*⁴². Кроме того, в синтаксисе разговорной речи двойной супин проявляет сходство с сочинительными конструкциями, в которых также возможен двойной супин: *Han hade inte börjat och målat huset ännu*⁴³.

³⁷ Svenska akademiens grammatik. Bd. 2. S. 338.

³⁸ *Wellander E.* Op. cit. S. 277.

³⁹ *Språkriktighetsboken.* S. 321.

⁴⁰ *Westman M.* Op. cit. S. 16.

⁴¹ *Språkriktighetsboken.* S. 323.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*

Ни одна работа по нормативной грамматике и стилистике шведского языка не обходит стороной наблюдающееся в течение длительного времени вариативное употребление предлога *före* и темпорального союза *innan* в той же функции. Обращается внимание на то, что последний чаще встречается со словами, в собственном лексическом значении которых уже содержится указание на определенный момент или период времени: *innan klockan åtta*, *innan kvällen*, *innan den första maj*, *innan sommaren*. Вместе с тем в речи возможно употребление и других слов, не содержащих такого указания: *Innan resan till Göteborg arbetade 24-åringen som väktare i Stockholm; Vi tänkte måla om garageporten innan middagen*⁴⁴. В цитированной выше книге М. Вестман содержится интересное наблюдение о тонких различиях в семантике обстоятельств с *före* и *innan*. В то время как предлог *före* обозначает непосредственно предшествование и является в этом плане антонимом предлога *efter*, *innan* в предложной функции акцентирует внимание на последовательности событий: «*Innan huvudsakligen gäller tidsordning, medan före är mer neutralt med avseende på i vilken dimension ordningen föreligger*»⁴⁵. В известном смысле семантическое различие между *före* и *innan* проявляет сходство с русскими предлогами *перед* и *до*. Показательно, что *före*, как и русский предлог *перед*, не сочетается с некоторыми существительными в обстоятельственных функциях. Так, по-шведски вряд ли можно сказать *före kvällen*, так же как по-русски **перед вечером*. Разумеется, отношение между ними не является однозначным, поскольку русский предлог *перед* имеет и пространственное употребление, что не характерно для *före*.

Рассмотренные на материале различных частей речи функциональные аспекты варьирования в шведском языке наглядно демонстрируют, что использование вариативных языковых средств чаще всего сопровождается семантической дифференциацией, напоминая нам о том, что «язык не живет своей особой жизнью или помимо жизни говорящих»⁴⁶.

⁴⁴ Språkriktighetsboken. S. 184.

⁴⁵ Westman M. Op. cit. S. 17.

⁴⁶ Косевиц Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 149.

FUNKTIONELLA ASPEKTER AV VARIATION I NUSVENSKAN

I artikeln analyseras semantiska aspekter av variation inom olika ordklasser i svenskan: ändelserna *-a/-e* hos svaga adjektivformer som syftar på person; starka respektive svaga böjningsformer hos enstaka verb; ordsammansättning med eller utan bindevokal hos komposita med de identiska första komponenterna *gat(u)-*, *kyrk(o)-*; växlande användning av pronomina *sin* och possessiva i tredje person med samma syntaktiska funktioner; verbfraser med pluskvamperfekt plus supinum (så kallat dubbelt supinum) respektive infinitiv; *före* och *innan* som temporala prepositioner. Valet av de varierande språkenheterna uppvisar mer eller mindre påtaglig semantisk nyansering, dels fixerad av normativ grammatik både i skrift- och talspråket, dels tillhörande en något subtilare «naturlig» grammatik som förekommer endast i tal och icke normerad skrift.



А. А. Яковлева

ОСОБЕННОСТИ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ

В современной лингвистике традиционно проводятся исследования, посвященные анализу значений, добавляемых приставками, тем не менее интерес к проблеме не ослабевает. Способы воздействия приставки на бесприставочный глагол изучали с разных точек зрения и с различными результатами такие авторы, как И. С. Улуканов, И. Г. Милославский, Д. Н. Шмелёв, О. И. Дмитриева, М. А. Кронгауз, Э. Керо-Хервилья. Некоторые лингвисты в большей или меньшей степени касались приставочного словообразования непосредственно с глаголами говорения, например, И. И. Макеева и С. М. Толстая — изучая славянские глаголы говорения в исторической перспективе, А. А. Зализняк — описывая глагол *говорить* в системе языка, М. А. Кронгауз — решая проблему семантической классификации глаголов речи. Идеи всех этих исследователей послужили необходимым подспорьем в создании данной статьи.

Под термином «глаголы говорения» мы понимаем глаголы, обозначающие говорение в самом общем смысле, нейтральные по значению и свободные от дополнительных коннотаций. Например, в русском языке глаголы говорения — это видовая пара *говорить* / *сказать*, в немецком языке — *sprechen* / *sagen*, а в нидерландском языке глагола говорения три — *praten*, *spreken* и *zeggen*. По сравнению с другими глаголами лексико-семантической группы речи глаголы говорения обнаруживают универсальный характер и обозначают говорение, никак не раскрывая ни особенности произношения, ни смысл высказывания, ни коммуникативную цель автора высказывания.

Семантический анализ глаголов говорения наталкивается на весьма серьезные трудности по следующим причинам:

- само понятие «говорить» многоаспектно; очевидно, что действие, которое может выражаться данным глаголом, является комплексным и предполагает ряд взаимосвязанных элементов «говорения» («пользоваться устной речью», «произносить», «словесно выражать что-л.», «общаться с кем-л.», «сообщать кому-л. что-л.»);
- глаголы говорения полисемантчны, т. е. обладают широким набором значений;
- ситуация коммуникации подразумевает пропозицию на большое число актантов: подавляющее большинство предложений, в состав которых входят глаголы говорения, как минимум трехвалентны, т. е. они содержат информацию о субъекте речи, адресате речи и самом высказывании (о сообщаемых фактах).

В данной статье мы попытаемся выявить особенности внутренней семантики глаголов говорения нидерландского языка *praten*, *spreken* и *zeggen* (*говорить / сказать*) путем сравнения префиксального словообразования с этими глаголами, ведь способность глагола сочетаться с определенным префиксом определяется значением не только самого префикса, но и семантикой мотивирующего глагола. «Его [глагола. — А. Я.] семантика в модифицированном виде, с определенными приращениями и видоизменениями, передается далее по словообразовательным цепям; таким образом, различия в семантике исходных слов влекут за собой и различия в составе производных»¹. Наиболее показательными для решения поставленной задачи нам кажется анализ двух вариантов:

- с определенной приставкой сочетается каждый из трех нидерландских глаголов говорения;
- с определенной приставкой сочетается только один из нидерландских глаголов говорения.

В первом случае нам предстоит сравнить три приставочных глагола, где приставка одна и та же, а мотивирующие глаголы разные, так мы можем увидеть, каким образом трансформируется значение

¹ Фатхутдинова В. Г. Словообразовательное гнездо как лексическая микросистема в русском и татарском языках // Словообразование современного русского языка. М., 1991. С. 199.

у синонимичных мотивирующих глаголов под влиянием одной и той же приставки. Во втором случае мы имеем дело с одним приставочным глаголом и невозможностью двух других мотивирующих глаголов образовывать приставочный глагол с данной приставкой. Выявление причины, по которой два глагола по этому признаку оказываются противопоставлены третьему, также проливает свет на характер внутренних семантических различий между рассматриваемыми мотивирующими глаголами.

Исследуя факторы словообразовательной активности разных частей речи, О. И. Лыткина замечает: «Как правило, слова, означающие важные для жизнедеятельности и безопасности человека и коллектива предметы и явления, характеризуются высокой частотой словоупотребления, большим количеством лексико-семантических вариантов, более объемной словообразовательной парадигмой»². Глагольная лексика, связанная с коммуникативной деятельностью — одним из важнейших видов человеческой деятельности, — также обнаруживает богатые словообразовательные связи. Количество же словообразовательных связей напрямую зависит от «широты» обозначаемого глаголом действия: чем универсальнее глагол, тем выше его словообразовательный потенциал. А. А. Зализняк пишет: «По-видимому, не будет преувеличением сказать, что производными от глаголов со значением “говорить” обслуживаются практически все сферы интеллектуальной деятельности человека, а также в значительной степени — сферы межличностных, в том числе социальных, отношений»³.

От нидерландских глаголов говорения *praten*, *spreken* и *zeggen* могут быть образованы префиксальные глаголы с 29 из 51 приставки, что составляет 57%. Из них от *praten* — 19, от *spreken* — 18 и от *zeggen* — 18 приставочных глаголов (всего 55 глаголов). Все возможные варианты и сочетания суммируются в таблице (соответствующий нидерландский глагол говорения сокращен в таблице до первой буквы): с. 83

Как уже указывалось выше, в рамках данной статьи мы ограничимся анализом лишь 4 вариантов из возможных 8: 1) P / S / Z; 2) P / - / -; 3) - / S / -; 4) - / - / Z.

² Лыткина О. И. О взаимосвязи факторов словообразовательной активности // Там же. С. 193.

³ Зализняк А. А. Глагол *говорить*: Три этюда к словесному портрету // Язык о языке. М., 2000. С. 399.

Глагол говорения	P/S/Z	P/S/-	P/-/-	P/-/Z	-/S/Z	-/S/-	-/-/Z	-/-/-
Приставки	8 (aan-, af-, na-, over-, tegen-, uit-, ver-, voor-)	4 (be-, door-, in-, mee-)	4 (bij-, binnen-, voorbij-, weg-)	3 (om-, ont-, rond-)	3 (mis-, op-, toe-)	3 (onder-, samen-, weer-)	4 (achter-, her-, terug-, voort-)	22

P / S / Z (aan-, af-, na-, over-, tegen-, uit-, ver-, voor-)

Aan- — «близость», «поверхностный контакт», «направление», «направленность», «начало действия мотивирующего глагола», «(длительное) непоследовательное выполнение действия мотивирующего глагола».

Aanpraten «навязать, внушить, всучить» — приставка добавляет к значению мотивирующего глагола семы «близость» + «направленность», схема действия следующая: говорящий устанавливает контакт с адресатом, обращая к нему некое высказывание, с целью склонить адресата выполнить свою волю; валентность на адресата обязательна для реализации значения глагола.

Aanspreken «обратиться к кому-л., заговорить с кем-л.» — приставка обозначает «начало действия базового глагола» + «направленность», т. е. переход от отсутствия говорения к его началу с целью установить устный контакт с конкретным собеседником; валентность на адресата обязательна. Семиотическое значение глагола сохраняет сему начала действия (*kapitaal aanspreken* «начать тратить капитал», *een fles aanspreken* «приложиться к бутылке»).

Aanzeggen «довести до сведения что-л.» — как и в случае с *aanpraten*, приставка добавляет значение «близость» + «направленность», однако в отличие от *aanpraten* контакт устанавливается с целью проинформировать адресата сообщения о чем-л., т. е. первоочередную роль играет смысл высказывания, так что обязательна валентность не на адресата, а на текст.

Af- — «раз-/отделение», «удаление», «завершенность действия мотивирующего глагола», «кратность действия мотивирующего глагола».

Afpraten «отговорить, разубедить» — приставка добавляет значение «отделение» («удаление») + «завершенность»: говорящий ока-

зал давление на адресата, так что тот отказался от своего мнения (отделил мнение от себя); валентность на адресата обязательна; процессуальное значение приставочного *praten* трансформируется в кратное значение приставочного *afpraten*.

Afspreken «договориться, условиться» — приставка добавляет значение «завершенность»; выраженное действие — кратное действие конечной фазы — обозначает установление контакта с целью в итоге дискуссии выработать конкретную информацию, важную для обоих обладателей-собеседников.

Afzeggen «отменить, отказаться, аннулировать» — в данном случае приставка добавляет к глаголу те же семы, что и в *afpraten*, т. е. «удаление» + «завершенность»; говорящий «удаляет» текстовое сообщение, сделанное им ранее, меняет свою волю (*ontslag afzeggen* «отменить увольнение»).

Na- — «следование», «движение», «контролирующая деятельность», «имитация».

Napraten «вторить кому-л., попугайничать, говорить с чужих слов» — приставка добавляет значение «следование» + «имитация», когда говорящий бездумно копирует высказывание другого лица из-за отсутствия по какой-то причине (нежелания или неумения) собственного мнения, т. е. в семантике глагола присутствует отрицательная оценка. Одно высказывание следует за другим; валентность на автора копируемого высказывания обязательна.

Naspreken «повторять за кем-л.» — приставка реализует значение «следование» + «имитация», однако в отличие от *parpraten*, *naspreken* означает просто процесс повторения за кем-либо без отрицательного отношения к «имитатору». Вероятно, подобная разница в трансформации значения под влиянием одной и той же приставки зависит от стилистики мотивирующих глаголов. Отрицательная оценка является следствием того, что *praten* был характерен только для разговорного языка, т. е. он сохраняет элементы «неформальности», «несерьезности» обозначаемого им действия по сравнению со *spreken*, пришедшим из формального литературного языка и обозначающим «осмысленное» говорение. Стилистическая разница, практически исчезнувшая на современном этапе развития нидерландского языка, закрепилась в семантике соответствующих приставочных глаголов.

Nazeggen «повторить за кем-л.» отличается от *naspreken* только тем, что обозначает не процесс, а кратное завершенное действие, т. к. мотивирующий глагол *zeggen* не имеет значения процессуальности.

Over- — «перемещение на определенное расстояние», «повторное совершение действия, выраженного мотивирующим глаголом», «имитация (дублирование)» неотдел. «действие, выраженное мотивирующим глаголом, производится слишком интенсивно».

Overpraten (приставка отделяемая) «пересказать, разболтать» — приставка добавляет значение «имитация (дублирование)», когда говорящий передает информацию, полученную от кого-либо, адресату или нескольким (многим) адресатам. Так же как и в *paraten*, подразумевается отрицательная оценка факта копирования высказывания другого лица, однако если в *paraten* повторяются слова, то в *overpraten* повторяется информация, которая может передаваться совершенно другими словами и конструкциями. Отрицательная оценка связана не с «бездумностью» повторения, а с фактом «сплетничества», распространения текста высказывания вопреки желаниям или ожиданиям.

Overpraten (приставка неотделяемая) «переговорить кого-л., заставить замолчать» — приставка добавляет значение «действие, выраженное мотивирующим глаголом, производится слишком интенсивно», т. е. в значении приставки уже заложена отрицательная оценка. Механизм действия следующий: как минимум два лица одновременно осуществляют процесс говорения, причем один из них говорит «интенсивнее» (громче, быстрее, эмоциональнее), так что говорение другого лица «перебивается», теряет коммуникативный смысл (не может быть услышано, воспринято), валентность на адресата обязательна. Под влиянием приставки со значением отрицательной оценки значение мотивирующего глагола разговорного стиля трансформировалось в приставочном глаголе в действие, которое традиционно считается невежливым.

Overspreken «говорить по телефону, параллельно слыша телефонный разговор других собеседников при “неправильном” соединении» — глагол обозначает очень узкое, специфическое действие, связанное с вынужденным «перекрикиванием» из-за неправильного соединения на телефонной станции. Только в этом случае действие, имевшее отрицательную оценку в *overpraten*, не считается невежливым. Любопытно, что именно это значение реализуется отдельным, стилистически нейтральным мотивирующим глаголом *spreken*.

Overzeggen «повторить еще раз» — в данном случае приставка добавляет значение «повторное совершение действия, выраженно мотивирующим глаголом». Повторение действия предполагает его

завершенность в определенный момент времени, а затем повторение всех его фаз (начало — продолжение — конец) в более поздний момент времени. Поскольку *praten* и *spreken* обозначают процесс, то данное значение приставки может реализоваться только в сочетании с кратным *zeggen*.

Tegen- — «направленность действия», «в ответ на», «противодействие».

Tegenpraten «возражать, опровергать, перечить» — значение «противодействия», выражаемого приставкой, в сочетании с глаголом говорения обозначает действие, чрезвычайно важное для акта коммуникации: говорящий делает высказывания, противоположные высказываниям (мнению) адресата. Данное действие выражает суть диалога как обмена мнениями, представлениями.

Tegenspreken «возражать, опровергать, перечить» обозначает то же, что *tegenpraten*. Возможно, ввиду разной стилистической окраски мотивирующих глаголов ранее между *tegenpraten* и *tegenspreken* существовала стилистическая разница, которая сейчас нейтрализована. Однако с уверенностью можно предположить, что *tegenpraten* имеет большую валентность на собеседника (возражать кому-л.), а *tegenspreken* — на содержание (возражать на что-л.).

Tegenzeggen «возразить» отличается от *tegenpraten* и *tegenspreken* только тем, что обозначает единичное, кратное «возражение».

Uit- — «движение наружу», «удаление», «завершение действия, выраженного мотивирующим глаголом», «громко выражать свои эмоции при совершении действия, выраженного мотивирующим глаголом».

Uitpraten «договорить, объяснить, выяснить отношения» — реализуется значение приставки «завершение действия, выраженного мотивирующим глаголом», в данном случае «закончить говорить, выговориться». Значения — «выяснить отношения» и «объясниться», производные от «договорить», демонстрирующие «контактную» ориентированность мотивирующего глагола *praten*, ориентированность на адресата в отличие от *spreken*, ориентированного на текст.

Uitspreken «произнести, выговорить, выразить, высказать, изъяснить» — реализуется значение приставки «движение наружу», поскольку произнесение звуков, слов можно рассматривать как порождение, извлечение из себя, изнутри. С ориентированным на текст мотивирующим глаголом *spreken* получается «движение наружу звуковых волн»; валентность на высказывания обязательна. Посколь-

ку, издав хоть один звук, мы уже начали выражаться, значение процессуального мотивирующего глагола под влиянием приставки трансформируется в кратное.

Uitzeggen «досказать, выразиться» — приставка добавляет значение «завершение действия, выраженного мотивирующим глаголом». Если учесть, что мотивирующий *zeggen* сам по себе уже подразумевает законченность высказывания, не совсем очевидно, для чего нужна вторая (приставочная) сема завершенности. Вероятно, такое наложение подчеркивает не только чисто фазовую завершенность, но и смысловую (закончить выражать свою мысль).

Ver- — «действие, выраженное мотивирующим глаголом, оказывает негативное воздействие на объект», «действие, выраженное мотивирующим глаголом, имеет нежелательный или случайный результат», «удаление», «изменение».

Verpraten (проболтать) — приставка реализует значение «действие, выраженное мотивирующим глаголом, оказывает негативное воздействие на объект», т. к. лаконичная речь традиционно получает положительную характеристику, «проболтать» подразумевает «растратить, разбазарить время и силы попусту», т. е. навредить себе. Указание на смысл речи, на текст отсутствует; обязательна валентность на обстоятельство времени.

Verspreken zich «оговориться, проговориться, сболтнуть» — приставка реализует значение «действие, выраженное мотивирующим глаголом, имеет нежелательный или случайный результат». Разного рода осечки, оговорки, дефекты речи считаются отклонениями от нормы, т. е. имеют негативный, а значит, и нежелательный характер, человек сознательно не говорит не то, что он хотел сказать или не так, как он хотел это сказать, или больше, чем собирался сказать (сболтнул лишнего).

Verzeggen «связать себя обязательствами» — мотивировка данного глагола не очевидна, возможно, как и в *verpraten*, реализуется значение приставки «действие, выраженное мотивирующим глаголом, оказывает негативное воздействие на объект», ведь «связать себя обязательствами» — значит, ограничить свою свободу, право выбора, что можно считать негативным воздействием на объект.

Voor- — «продемонстрировать, как что-л. делать», «заранее».

Voorpraten «подсказать» — значение «продемонстрировать, как что-л. делать», создание «образца» в данном случае подразумевает произнесение текста для того, чтобы адресат не только повторил его, но и «принял» смысл высказывания.

Voorspreken «показать, как надо; произнести речь в защиту кого-л.» — приставка также реализует значение «продемонстрировать, как что-л. делать», высказывание делается с целью помочь адресату, а не навязать ему свою волю. Значение «произнести речь в защиту» сочетается именно со *spreken*, а не с *praten* в качестве мотивирующего глагола, т. к. понятие относится к практике судопроизводства, соответствует высокому стилю, что не противоречит стилистике *spreken*, но противоречит стилистике *praten*.

Voorzeggen (приставка отделяемая) «подсказать; показать, как надо» от *voorpraten* и *voorspreken* отличается лишь кратностью высказывания.

Voorzeggen (приставка неотделяемая) «предсказать» — приставка добавляет мотивирующему глаголу значение «заранее», таким образом семное сочетание «сказать что-л. заранее» превращается в «предсказать».

Р / — / — (*bij-, binnen-, voorbij-, weg-*)

Bij- — «близость», «пополнение».

Bijpraten «поговорить поподробнее, обсудить детали» — реализуется значение приставки «пополнение» — дополнительное, подробное, детальное обсуждение. Причина, по которой невозможно сочетание данного префикса со *spreken*, не очевидна, ведь сема «пополнение» не противоречит процессуальному *spreken*, т. е. глагол *bijspreken*, если бы он существовал, имел бы значение «поговорить дополнительно». Невозможность сочетания *bijzeggen* можно объяснить кратностью, завершенностью, заложенной в семантике мотивирующего глагола, ведь к тому, что уже завершено, добавить, «прикрепить» ничего нельзя.

Binnen- — «продвижение внутрь», «направленность», «нацеленность».

Binnenpraten «при помощи радиосвязи обеспечить приземление летательного аппарата» — приставка добавляет мотивирующему глаголу сему «нацеленность» (нацелить самолет на приземление, подсказать координаты). Данный приставочный глагол возможен благодаря нацеленности действия мотивирующего глагола на адресата, т. е. сам процесс речи не имеет значения, важно наличие контакта, исполнение воли говорящего адресатом — пилотом самолета. Говорение является исключительно инструментом воздействия. Процесс речи

подразумевает движение наружу, а не внутрь, поэтому ориентированные на текст *spreken* и *zeggen* не могут сочетаться в префиксом *binnen*.

Voorbij — «вдоль», «мимо».

Voorbijpraten «проболтаться» обычно употребляется в составе устойчивого сочетания *zijn mond voorbijpraten* («переговорить собственный рот»), что значит «сказать больше, чем хотелось». Приставка имеет пространственно-направленное значение, сочетание с которым мотивирующего значения «говорить» не актуально, поскольку говорение изначально локализовано, оно образуется всегда «где-то», его не требуется локализовывать (с 18 остальными префиксами подобного типа ни один из глаголов говорения не сочетается). По этой причине ни *spreken*, ни *zeggen* не образуют сочетания с данной приставкой, а *praten* — только в составе устойчивого сочетания.

Weg- — «исчезновение», «удаление», «результативность».

Wegpraten «говорением отправить куда-л.; свести на нет высказыванием; продолжать говорить» — приставка добавляет значение «удаление». Как и в случае с *binnenpraten*, говорение используется как инструмент, т. е. мы «применяем» говорение для того, чтобы воздействовать на адресата и заставить его выполнить нашу волю — пойти куда-либо. Значение «свести на нет высказыванием» представляется любопытной трансформацией, т. к. подавление человека своим мнением воспринимается как уничтожение самого человека (есть человек — есть мнение, нет человека — нет мнения). Значение «продолжать говорить» возможно, т. к. речевой поток, волновой поток всегда направлен, а значит, всякое говорение — это движение волны, которое воспринимается как удаление.

Как и в случае с *binnen*, ориентированные на высказывание *spreken* и *zeggen* не могут сочетаться с *weg-*, т. к. высказывание нельзя «удалить», поменять направление — движение волны необратимо.

— / S / — (*onder-*, *samen-*, *weer-*)

Onder- — «снизу», «под», «недостаточно».

Onderspreken «договариваться; обговаривать; заказывать» — мотивировку в данном случае установить чрезвычайно трудно. Возможно значение можно сравнить с русским «подводить под что-л.», «сводить к чему-л.». Глагол имеет ярко выраженный фламандский, т. е. диалектный, характер, что также затрудняет поиск мотивировки. Тем более трудно предположить, как могло бы трансформироваться значение *spreken*

или *zeggen* под влиянием данной приставки, которая, как и *voorbij-*, имеет характер локализации, не свойственный глаголам говорения.

Samen- — «объединение».

Samenspreken «вести переговоры» — в данном случае мотивировка очевидна, т. к. имеется в виду «совместное говорение», что и стилистически не противоречит значению мотивирующего глагола. Труднее выявить причину, по которой невозможны сочетания приставки с *praten* и *zeggen*. Можно предположить, что *samenpraten* могло бы значить «помирить», «примирить», однако такого сочетания в нидерландском языке нет.

Weer — «снова», «противодействие».

Weerspreken «возражать» — в данном случае приставка реализует то же значение, что и приставка *tegen* — «противодействие», но сочетание с *weer-* употребляется значительно реже, чем с *tegen-*. Это может объясняться тем, что для ситуации диалога важно противостояние мнений, а не просто механическое отвечание, повторение действия («снова»), заложенное в *weer-*.

– / – / Z (*achter-*, *her-*, *terug-*, *voort-*)

Achter — «расположение за», «следование».

Achterzeggen «повторять» представляет собой фламандский (диалектный) синоним *nazeggen*. Префикс имеет значение «пространственная локализованность», не свойственное приставочным глаголам с глаголами говорения в качестве мотивирующих.

Her- — «повторное осуществление действия, выраженного мотивирующим глаголом», «изменение», «исправление».

Herzeggen «повторить» — приставка в данном сочетании реализует значение «повторное осуществление действия, выраженного мотивирующим глаголом», повторение всех фаз (начало — продолжение — конец) кратного действия. Не может сочетаться с процессуальными нефазовыми *praten* и *spreken*.

Terug- — «движение в направлении к исходной точке», «назад», «ответить там же действием».

Terugzeggen «ответить» — приставка реализует значение «ответить тем же действием», т. е. описывается суть ведения диалога как «обмена законченными высказываниями». Отсутствие сочетания с *praten* и *spreken* объясняется, вероятно, их процессуальным, длительным характером.

Voort- — «продолжительность», «прогрессивная направленность».

Voortzeggen «продолжать говорить» — реализуется значение «продолжительность». Сочетание с *praten* и *spreken* невозможно, т. к. данные мотивирующие глаголы уже имеют в значении «продолжительности», что в сочетании в приставкой такой же семантики представляется избыточным.

Анализ префиксального словообразования позволяет сделать следующее описание семантики трех нидерландских глаголов говорения:

- *praten* обозначает процесс говорения, направленность на установление коммуникативного контакта с собеседником больше, чем на сам текст высказывания (пропозиция на адресата), всегда непереходный, из разговорного стиля перешел в литературный, однако сохраняет черты «неформальности»;
- *spreken* обозначает процесс говорения, всегда подразумевая некую содержательность акта коммуникации, т. е. в отличие от *praten* ориентирован на текст, а не на контакт; может быть как переходным, так и непереходным, однако переходными бывают не все формы данного глагола и только в книжном стиле; пришел из литературного языка, поэтому сохраняет черты «основательности»;
- *zeggen* обозначает кратное высказывание безотносительно к продолжительности действия, валентность на само высказывание обязательна — глагол всегда переходный.

A. A. Yakovleva

MOGELIJKHEDEN VAN DE COMMUNICATIEWERKWOORDEN OP HET GEBIED VAN PREFIXALE WOORDVORMING

In het artikel worden mogelijkheden van de communicatiewerkwoorden op het gebied van woordvorming beschreven. In de Nederlandse taal zijn drie communicatiewerkwoorden — *praten*, *spreken*, *zeggen*. Alle drie genoemde werkwoorden duiden communicatie aan in de meest algemene betekenis. Het semantisch verschil tussen de drie Nederlandse werkwoorden wordt duidelijk als we naar de woordvorming kijken. We gaan ervan uit dat grondwoorden die anders op synoniemen lijken ieder zijn bijzonderheden vertoont in de prefixwoordvorming. Zo wordt er aan de ene kant een analyse gemaakt van prefixen en afgeleide woorden die alle drie Nederlandse communicatiewerkwoorden als grondwoord kunnen hebben en aan de andere kant van alle prefixen die maar met een communicatiewerkwoord een prefixwoord vormen.



Б. С. Жаров

ДИНАМИКА В ВОСПРИЯТИИ Х. К. АНДЕРСЕНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, ОДНОМ ИЗ САМЫХ АНДЕРСЕНОВСКИХ ГОРОДОВ МИРА

Постоянно меняющийся мир высвечивают то одну, то другую сторону творчества Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875). Это верно и для восприятия Андерсена в России, стране, которая уже в 1830-е гг. проявила интерес к произведениям писателя. Первое место среди городов России сразу занял Санкт-Петербург. В начальный период, который можно назвать периодом первого знакомства с писателем, читающая публика России знакомилась с его произведениями на иностранных языках. Позднее появились переводы, но не с датского языка, а с других, большей частью с немецкого.

Первым замеченным русскими читателями произведением Андерсена стал роман «Импровизатор», переведенный с немецкого языка. Главным действующим лицом в этом знакомстве оказался историк и филолог академик Я. К. Грот, в 1840–1852 гг. — профессор истории Гельсингфорского университета. Именно он порекомендовал прочитанный им роман петербургскому журналу «Современник». Его сестра, Р. К. Грот, перевела или, точнее сказать, пересказала этот роман, который был опубликован в журнале в 1844 г., а затем отдельным изданием. Известно, что значительного успеха роман не имел, это отметил П. А. Плетнев, который писал, что роман «создан не для толпы, а для художников». Русская читающая публика восприняла этот роман как сочинение «запоздало» романтическое. Рецензенты писали: «...мы хотели видеть современного человека, ка-

ков бы он ни был»¹. Это замечание показывает, что в тот момент роман воспринимался читателями не как произведение какой-то отдаленной во времени и в пространстве литературы, а как часть общего с Россией современного литературного процесса.

Позже наибольший интерес вызывали сказки писателя. Первые сказки читающая публика узнала также на иностранных языках или в переводах через другие языки. И практически сразу они вызвали большой интерес. Н. А. Добролюбов, познакомившись в 1850-е гг. со сказками, назвал их «премилыми, забавными, трогательными» и рекомендовал для детского чтения. А наиболее удачными сказками считал сатирические, такие как «Принцесса на горошине», «Новый наряд короля». Н. Г. Чернышевский поставил имя Андерсена в ряд имен лучших писателей Дании².

В 1863 г., т. е. при жизни писателя, в Санкт-Петербурге вышел первый большой сборник сказок Андерсена в переводе с немецкого языка. Он включал только 14 сказок, но назывался «Полное собрание сказок Андерсена». В предисловии говорилось: «Ни в одной литературе нет лучшего в этом роде по чрезвычайной силе воображения, свежести образов, прелести рассказа»³.

Этот сборник сказок имел значительный успех и вызвал отклики в журнале «Современник»: «Русская публика впервые настоящим образом познакомится с произведениями замечательного, можно сказать, единственного в своем роде сказочника, познакомится с этой оригинальной литературной формой, еще невиданной в русской литературе... Сказки свежи и поэтичны»⁴. В. В. Стасов отметил одну неточность этого отзыва: рецензенты «не были, по-видимому, способны оценить всего значения Х. К. Андерсена. Они чувствовали только его поэтичность и художественность и успели заметить, что «почти всегда» серьезная мысль царит у него в этих его сказках. Они не знали, что, напротив, «мысль» всегда и во всем стояла у Андерсена на самом первом месте»⁵.

В связи с большим успехом у читателя было выпущено новое издание сборника, что привело к интересной переписке. Переводчица М. Трубникова обратилась к Андерсену с письмом, на которое

¹ Шарыпкин Д. И. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 243–245.

² Брауде Л. Андерсен в России // Андерсен Х. К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М., 1980. С. 323.

³ Полное собрание сказок Андерсена. СПб., 1863. С. 4.

⁴ Современник. 1864. Т. 9. С. 96–101.

⁵ Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. СПб., 1899. С. 132.

он ответил. Вышло так, что письмо Андерсена, известное в России, долго оставалось неизвестным в Дании, а ответное письмо, опубликованное в Дании, не сразу нашло дорогу к русскому читателю⁶.

При жизни Андерсена его произведения были переведены на 23 языка — совершенно фантастическое для датского автора и для того времени число языков. Да и сегодня это число является недостижимым для большинства писателей, даже считающихся известными. Между тем 23 языка меркнут по сравнению с данными о переводах на 145 языков, которые названы официально в юбилейном 2005 г. И шкафы в музее «Дом Андерсена» в Оденсе постоянно принимают на хранение переводы на новые языки. К тому же один язык зачастую используется более чем в одной стране, значит, можно говорить о подавляющем большинстве стран мира.

Приходится иметь в виду, что Андерсен, известный в Дании и занимающий место в истории датской литературы, и Андерсен, пользующийся популярностью в остальном мире, — два разных писателя. В истории датской литературы Андерсен является одним из важнейших представителей романтизма, автором шести романов: он был одним из первых активных романистов Дании, именно романы создали ему славу сначала в Германии, а затем в других странах. Он написал также много стихотворений, драматических произведений, путевых очерков и т. д. Об этом литературоведы говорят много. Но чем дальше мы удаляемся от Дании, тем менее он известен в других жанрах литературы, и для подавляющего числа читателей земного шара Андерсен является только автором сказок, и даже не всех написанных, а только части. Считается, что Андерсен написал примерно 190 сказок. Не более половины их них регулярно печатаются в полных изданиях. Но если говорить о настоящей всемирной славе, то, по сути дела, она включает не более двух-трех десятков самых лучших, может быть, чуть больше, но ненамного.

Но разве трех десятков мало? В чем-то есть их притягательная сила для населения Земли. Если бы Андерсен писал только для детей, его произведения были бы давно забыты или уж, во всяком случае, не были бы столь известны. Если бы его сказки предназначались только для взрослых, что в принципе тоже возможно, их знал бы только узкий круг любителей такого жанра. А сказки Андерсена

⁶ Ханс Кристиан Андерсен. Письмо М. В. Трубниковой (Публикация И. П. Курьяновой) // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX вв. Л., 1960. С. 321–327; *Брауде Л.* Указ. соч. С. 327–328.

представляют собой и не то, и не другое, они всегда многослойный датский бутерброд, где есть что-то для детей, притом любого возраста, и что-то для взрослых, притом разных. Распространяются эти произведения во всем мире как сказки для детей, но взрослый читатель что-то передает детям, а что-то берет себе. Это отметил в одном из своих писем А. П. Чехов: «Детям надо давать только то, что годится и для взрослых. Андерсен, “Фрегат Паллада”, Гоголь читаются охотно детьми, взрослыми также. Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящей литературы»⁷.

Диапазон юмора, пронизывающего сказки, необычайно широк. Маленькие дети не только напряженно следят за увлекательными событиями, но и радостно смеются, когда читают, например, «Дюймовочку». Ребята постарше читают сказку «Огниво». Вот солдату «пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под крышей <...> теперь никто из друзей его не навещал, — уж очень высоко было к нему подниматься!» Маленькому ребенку, действительно, подниматься по лестнице трудно, и он может подумать, что это препятствие, но ведь уже и подростку ясно, что дело не в этом, а в том, что с солдатом перестали дружить. Кто? Да любители погулять за чужой счет, которые крутились вокруг солдата в дни его богатства.

Взрослые перечитывают сказки, как правило, тогда, когда читают их вслух своим детям или внукам, они во многом заново открывают этого автора и обнаруживают в его сказках и философскую глубину, и юмор — удивительно нежный, мягкий, ненавязчивый, в словах, сказанных как бы вскользь. Несколько примеров из сказки «Калоши счастья»: «Впрочем, о душе заботиться нечего — когда она действует самостоятельно, все идет прекрасно, и лишь тело мешает ей и заставляет делать глупости»; «Труднее всего им просунуть голову, так что и в этом случае, как, впрочем, нередко бывает в жизни, большеголовым приходится труднее всего»; «“Мои, должно, вот эти мокрые”, — подумал он [полицейский писарь. — Б. Ж.] и ошибся: это были как раз калоши счастья. Что же, полиция тоже иногда ошибается». Встречаются в сказках и отчетливые сатирические нотки: «По дороге он встретил двух школьников; оба они были в высшем классе — по своему положению в обществе, и в низшем — по умственному развитию и успехам в науке».

⁷ Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т. 12. С. 353.

Названный сборник помог русским читателям узнать о существовании некоторых сказок. Позже появились несколько переводов, сделанных с датского языка. Однако настоящий переворот в деле знакомства с Андерсеном, который привел к его широчайшей славе среди российских читателей, произошел лишь тогда, когда к этой работе подключились два переводчика — Петер Эмануэль Хансен (в России — Петр Готфридович Ганзен, 1846–1930) и Анна Васильевна Ганзен (урожд. Васильева, 1869–1942)⁸. Они переводили непосредственно с датского языка и публиковали сначала отдельные произведения, а затем выпустили собрание сочинений Андерсена на русском языке в 4 томах.

Эти переводы — не только часть зарубежной литературы, с которой российский читатель может ознакомиться, если захочет, но и реально существующий элемент русской языковой культуры. Двум переводчикам удалось сделать для своей страны не меньше, чем это выпадает на долю большинства тех писателей, которые пишут на родном языке для своей страны.

Родившийся в Копенгагене Петер Эмануэль Хансен строил свои жизненные планы в расчете на большую актерскую славу. В этом он следовал за Андерсеном, который мальчиком приехал в Копенгаген, чтобы прославиться на сцене. Он поступил в Королевский театр и играл в нем шесть лет⁹. Но ожидавшийся громкий успех не пришел.

⁸ О переводчиках Ганзенах см.: Литературный архив. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 37–40; *Жаров Б. С.* 1) Главное дело жизни: К 85-летию Марианны Петровны Ганзен // Ленинградский университет. 1974. 12 июня. С. 3; 2) Династия переводчиков // Вечерний Ленинград. 1974. 18 июня. С. 3; 3) Переводческий подвиг А. и П. Ганзенов // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 545–551; *Брайде Л. Ю.* Ханс Кристиан Андерсен в России // Андерсен Х. К. Сказки, рассказанные детям; Новые сказки. М., 1983. С. 328–332. (Литературные памятники); *Стреблова И. П.* Ганзен // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 2: Г–И. С. 26–28; *Ober K. H.* 1) Peter Emanuel Hansen and the Popularization of the Scandinavian Literatur in Russia 1888–1917. University of Illinois, 1974; 2) P. Em. Hansen and P. Ganzen: A Danish Literary Missionary in Russia // Svantevit. 1977. Bd. 2. N 2. P. 5–17; 3) A Hansen (Ganzen) Bibliography of Translations, Books and Articles in Russian 1885–1917 // Svantevit. 1977. Bd. 3. N 2. P. 89–100; *Møller P. U.* Peter Emanuel Hansen // Dansk biografisk leksikon. 3. udg. 1980. Bd. 5. S. 672; *Johansen D. S., Møller P. U.* Tolstoj, Bjørnson, Hansen: Træk af det russisk-skandinaviske litterære samkvem // Fund og Forskning i Det Kongelige Boblioteks Samlinger. 1977–78. Bd. 23. S. 151–168; *Jørgensen Å.* Dansk i Skt. Petersborg // Synsvinkler. 1996. Bd. 15. S. 115.

⁹ Так, Ф. Л. Хёдт считал, что П. Э. Хансен будет преемником знаменитого актера Микаэля Виэ. См.: *Jørgensen Å.* Dansk i Skt. Petersborg // H. C. Andersen i Rusland: Bidrag til symposium på Skt. Petersborgs Universitet 17. maj 1996. Århus, 1997. S. 70.

И это было также повторением судьбы Андерсена. Оба не знали, что их главные успехи в жизни будут связаны с литературой. С Андерсеном Петер Э. Хансен в годы жизни в Копенгагене был знаком. Они переписывались, имя Петера Э. Хансена упоминается в дневниках Андерсена. Позже датские газеты писали о нем как о друге Андерсена¹⁰.

В 1871 г. Петер Э. Хансен разуверился в своих успехах в актерской профессии и решил изменить свою жизнь. Он приобрел специальность, которая была в тот момент очень модной и очень востребованной, — специальность телеграфиста. Большая скандинавская телеграфная компания («Сторно») объявила набор телеграфистов в Китай и на телеграфную линию вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Петер Э. Хансен выбрал Китай, но, пока ехал по Сибири, поменялся с коллегой (так утверждают семейные предания в семье его потомков, живущих в С.-Петербурге) и остался в Омске.

Хансен прожил в Сибири 10 лет, стал именоваться Петром Готфридовичем Ганзеном. В долгие холодные вечера он старательно учил русский язык, делал записи, переводил разные тексты, отрывки из литературных произведений. Однажды он прочитал роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история». Роман ему очень понравился, и он стал переводить роман на датский язык для себя. Окончив перевод, он решил познакомиться с романом датских издателей. Роман был немедленно напечатан и, мало того, имел бешеный успех в Дании.

Первый успех в переводах вдохновил П. Г. Ганзена: появились многочисленные новые переводы русских авторов на датский язык. Затем дело дошло и до переводов датчан на русский язык. В 1881 г. в Петербурге открылась школа телеграфистов, П. Г. Ганзен переехал в столицу России и возглавил ее. Затем в 1886 г. он перешел преподавателем во вновь открывшийся Электротехнический институт. В 1888 г. он женился на Анне Васильевне Васильевой¹¹, которая была человеком литературно одаренным, владевшим стихом, и с 1890 г. подключилась к переводческой деятельности мужа¹². Именно этому дуэту русская культура обязана столь многим.

¹⁰ В интервью в газете «Политикен» в 1930 г. П. Г. Ганзен был назван «многолетним другом Андерсена» (*Jørgensen Å.* Op. cit. S. 75).

¹¹ Первой женой П. Г. Ганзена была Мария Александровна Энгельфельд, скончавшаяся в 1885 г. от туберкулеза. Осталось двое детей, к которым на роль гувернантки была приглашена девятнадцатилетняя А. В. Васильева.

¹² 40-летие ее литературной деятельности Союз писателей в Ленинграде торжественно отметил в декабре 1930 г. Следует, однако, отметить, что свое имя А. В. Ганзен стала ставить рядом с именем мужа только в 1894 г.

Во время революционных событий начала 1917 г. П. Г. Ганзен уехал в Данию и больше в Россию не возвращался. Это привело, в частности, к тому, что, хотя сказки ранее переводились обоими, в советское время они стали выходить без его упоминания как переводчика. Впрочем, пьесы Х. Ибсена ставились в это время во многих театрах страны, и в программах всегда указывались имена двух переводчиков.

А. В. Ганзен несколько раз ездила к мужу в Данию, но только на короткое время. Она получала от него новинки литературы и продолжала очень активную переводческую деятельность. В возникшем тогда Ленинградском отделении Союза советских писателей была избрана секретарем и пользовалась большим уважением коллег. После начала войны А. В. Ганзен осталась в Ленинграде. В самое тяжелое голодное и холодное время она думала о сохранности книг и позволяла своим родственникам жечь в печке-буржуйке только корешки книг, но не сами книги. Умерла она весной 1942 г.

Переводчиков русской литературы на датский язык было за два века немало, и П. Г. Ганзен был только одним из многих, хотя и очень активным. Иначе обстоит дело с переводами с датского и других скандинавских языков на русский. Вместе переводчики трудились с 1990 по 1917 г., т. е. 28 лет, — это уже много. Если же начать отсчет с 1877 г., когда приступил к переводам П. Г. Ганзен, и закончить осенью 1941 г., когда остановилась переводческая деятельность А. В. Ганзен, получается более 60 лет. Уже по продолжительности случай уникальный. К тому же они делали свои переводы всегда с языка оригинала, а в XIX в. не считалось зазорным переводить с языка-посредника, для скандинавских языков это был, как правило, немецкий¹³.

Переведено было около двадцати тысяч страниц множества разнообразных авторов, писавших на разных языках и живших на очень большой территории¹⁴. И в то же время эта территория была очень

¹³ О произволе переводчиков, работавших над произведениями Х. Ибсена до Ганзенов, см.: *Шарыткин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 276–278. Много позже, в середине XX в., перевод скандинавских авторов с языка-посредника использовался только «подпольно», но наблюдался. Так, один из рассказов М. Андерсена Нексе в книге на русском языке, выпущенной в 1949 г. к юбилею писателя, содержал название одной улицы в Копенгагене, и Store Kongensgade по-русски было обозначено не «Сторе Конгенсгаде» или «Большая Королевская улица», а совершенно неожиданно: Гроссе Кёнигштрассе (русскими буквами немецкое соответствие!).

¹⁴ А. Смирнов и М. Лозинский написали в 1930 г., что А. В. Ганзен перевела «около 300 произведений, принадлежащих перу приблизительно ста авторов и составляющих около тысячи печатных листов». Цит. по: Писатели Ленинграда: Библиографический справочник. 1934–1981. Л., 1982. С. 78. Рассказывали, что в одном из российских

близка к северо-западу России. Русскому читателю был не просто открыт один писатель или пусть даже несколько хороших писателей. Переводчиками была открыта — как когда-то Америка для Европы — Скандинавия для России.

Читающая Россия узнала и древнюю скандинавскую литературу, и писателей XIX в., но в особенности увлеклась духовным миром тех, кто жил совсем близко и кто был ей тогда в конце XIX — начале XX в. необычайно близок. Переводчики ввели в обиход русского читателя многочисленные произведения, которые были не просто прочитаны, а стали частью его культурного мира.

Людам, далеким от художественного перевода, этот труд представляется легким. Это, разумеется, не так. Поразительным было трудолюбие переводчиков. Когда муж уходил на работу, жена сидела за письменным столом и работала над новыми переводами. Когда муж приходил, наступал его черед занять стол, а жена переходила к домашним делам. А летом на даче они могли уделять своей переводческой работе еще больше времени. Колоссальная трудоспособность вошла в плоть и кровь их детей.

Сохранились воспоминания о том, как переводчики работали над переводом сказок Андерсена. Сделав первый вариант перевода какой-нибудь сказки, переводчики собирали детей и медленно читали сказку, причем обращали внимание на реакцию маленьких слушателей. Если что-то было непонятно или реакция не соответствовала ожидаемой, вносились поправки, и шла новая проверка. Все должно было звучать совершенно естественно¹⁵.

Так ли уже удивителен тот факт, что сказки Андерсена в переводах П. и А. Ганzenов сейчас публикуются миллионными тиражами практически без изменений, в отличие от очень многих других, которые, конечно, были уместны когда-то, но не выдержали проверку временем.

Наряду с выпуском отдельных произведений переводчики предприняли работу, не имевшую аналогов. Они опубликовали собрание сочинений Андерсена в 4 томах (а также дважды полное собрание сочинений Х. Ибсена). Эти издания впоследствии заслужили

городов распространяли анкету среди читателей городской библиотеки и на вопрос: «Какие книги вы больше всего любите читать?» поступил замечательный ответ: «Перев. А. и П. Ганзен».

¹⁵ Из устных рассказов дочери переводчиков Марианны Петровны Ганзен-Кожениковой студентам датского отделения университета, среди которых был автор этих строк.

самую высокую оценку в мире. Они издавали также нечто вроде собственного журнала — сборники под названием «Фиорды. Датские, норвежские и шведские писатели в переводах А. и П. Ганзен». Вышло 13 томов.

В 1920–1930-е гг. А. В. Ганзен переводила новинки скандинавской литературы со всех скандинавских языков. Она делала переводы только что опубликованных в Дании книг М. Андерсена Нексе, с которым неоднократно встречалась во время его приездов. Помимо переводов П. Г. Ганзен создавал авторские работы, которые знакомили читателей России с различными сторонами жизни Скандинавских стран. Он переписывался с русскими писателями и провел несколько дней в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, о чем оставил интересные воспоминания¹⁶.

И все же, если оценивать деятельность этих замечательных людей, следует говорить прежде всего об уникальном вкладе А. и П. Ганзенов в дело перевода скандинавской литературы на русский язык.

Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова (1889–1974) — дочь переводчиков. Есть историческая справедливость в том, что именно на ее долю выпало продолжить дело знаменитых родителей. Она принимала участие в их переводах (сначала без указания ее имени), затем стала переводить сама. Но главное заключается в том, что она стала первым в истории университетского образования России преподавателем датского языка на первом отделении датского языка и литературы. В 1947 г., уже в возрасте 58 лет М. П. Ганзен-Кожевникова начала работать на филологическом факультете Ленинградского государственного университета и проработала там 16 лет.

Династия переводчиков была продолжена. Хорошо известна читателям петербургская переводчица, внучка М. П. Ганзен-Кожевни-

¹⁶ [Ганзен П.] 1) Исландия как сокровищница древнескандинавской литературы // Правительственный вестник. СПб., 1896. 1 мая (№ 96). С. 2–3; 2) Мифология Севера и ее влияние на характер, нравы и обычаи древних северян // Русский вестник. СПб., 1896. Т. 245. № 7. С. 52–83. [То же под загл.: Нравы и обычаи древних северян // Нива. Ежемесячное приложение. СПб., 1896. № 10. С. 343–354.]; 3) Женский вопрос на Севере // Вестник иностранной литературы. СПб., 1901. № 3. С. 5–14. Переписку И. А. Гончарова и П. Г. Ганзена опубликовала М. П. Ганзен-Кожевникова, см.: Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 41–105. О посещении Л. Н. Толстого см.: Ганзен П. Г. Пять дней в Ясной Поляне // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 1. С. 451–468.

ковой Инна Павловна Стреблова. Она закончила датское отделение университета и много переводит со всех скандинавских языков, в частности, существуют ее переводы замечательных скандинавских литературных сказок, но у нее есть и переводы со многих других языков. Другой ее внук, Петр Валерьевич Кожевников, стал известным писателем, режиссером, актером, художником.

Переводы произведений Андерсена, сделанные А. и П. Ганзенами, легли в основу последующих публикаций на русском языке, а также на многочисленных языках других народов России и некоторых других стран. Это дало многие миллионы экземпляров в последующие 150 лет.

1920–1930-е гг. были периодом очень широкого распространения сказок. Но при этом следует иметь в виду, что в советское время все литературные произведения подвергались серьезной цензуре, включая сказки, в том числе сказки Андерсена. Моменты, так или иначе связанные с религией, затушевывались, а иногда даже переписывались. Известно, что сказка об Оле Лукойе выходила в разных вариантах, в том числе таких, которые вряд ли узнал бы автор: в последние дни недели, где фигурируют печаль, смерть и Бог, авторский текст иногда просто заменялся¹⁷. Еще один пример. После создания Китайской Народной республики в 1949 г. практически перестала издаваться на русском языке сказка «Соловей» — это стало не политкорректно. И только в 1955 г. она стала опять появляться в книжках.

Но зато в юбилейном 1955 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения, Андерсен стал одним из главных писателей в нашей стране! Это был конец сталинской эпохи, начало «оттепели», начались первые реформы в общественной жизни. На первый план стали выходить общечеловеческие ценности. Его сказки публиковались огромными тиражами. Множество публикаций об Андерсене были практически во всех изданиях, не в последнюю очередь в нашем городе. Следующий такой всплеск колоссального интереса произошел уже во время кардинальных перемен на рубеже 1980–1990-х гг., когда полностью менялась идеология: старая уже была в прошлом, а новая еще не устоялась. И тематика творений Андерсена оказалась востребованной.

При издании детских книг важную роль всегда играют художники. Многие петербургские мастера работали над иллюстрированием

¹⁷ Сообщено художником В. Г. Трауготом.

ем сказок Андерсена, их настолько много, что здесь невозможно перечислить всех. Достаточно назвать целую семью — художников Трауготов. Первым стал иллюстрировать сказки Георгий Николаевич Траугот. Когда его сыновья Валерий и Александр подросли, они тоже подключились к этой работе. И тогда они стали ставить инициалы трех человек перед общей фамилией: Г. В. А. Траугот, что выглядит крайне экзотично для русского читателя. Позже отец умер, а сыновья сами стали известными художниками, каждый со своей особой манерой и своим кругом художественных интересов. Но когда они создают новые иллюстрации к сказкам Андерсена, то по-прежнему ставят инициалы троих.

Особого упоминания заслуживает О. Ю. Клевер (1887–1975), петербургский театральный художник, писавший маслом и создававший акварели. Больше всего в жизни он любил книги Андерсена и за 60 лет создал более 100 акварелей по мотивам сказок, которые были совершенно не похожи на те, что обычно публиковались. Если смотреть на его акварели, то приходишь к выводу, что Андерсен — несомненно, трагический и, конечно же, взрослый писатель. Видно также, что автор рисунков — театральный художник. Отчаявшись в возможности добиться публикации в своей стране, в 1969 г. автор подарил часть акварелей дому-музею Андерсена в Оденсе. Теперь они опубликованы и стали доступны широкому кругу читателей.

Книги с произведениями Андерсена в переводах Ганзенев издаются колоссальными тиражами. Сказки можно купить в любом магазине или взять в библиотеке. Но, кроме того, о сказках можно узнать и другим способом. Сказки Андерсена очень легко преобразуются в зрительный ряд.

Санкт-Петербург всегда был театральным городом. Спектакли по сказкам шли здесь на протяжении всего XX в. Наиболее показателен период середины 1990-х гг., который можно считать пиком театрального интереса к писателю. В это время в городе шли 32 спектакля: 28 — на профессиональной сцене, 4 — в театрах с постоянной группой школьников, профессиональной режиссурой и постановочной частью. Если говорить о жанрах, то распределение такое: 14 — драма (часто с использованием музыки и музыкальных вставок), 7 — опера, 4 — балет и 7 — кукольные спектакли. Стоит напомнить, что театр в Петербурге — репертуарный, т. е. в одном театре идет несколько разных спектаклей.

Обилие спектаклей по Андерсену дает возможность сделать два важных вывода. Во-первых, ни один детский или взрослый пи-

сатель, умерший или живой, не может сравниться с Андерсеном по количеству постановок его произведений на петербургской сцене. Андерсен — самый театральный автор! Во-вторых, ни в одном российском городе или в каком-то другом городе мира нет столь большого интереса к Андерсену в театральном мире. С этой точки зрения Санкт-Петербург — самый андерсеновский город мира.

Естественно, что сказки здесь, как и в других местах, не исполняются в точности так, как их написал Андерсен, так же как нигде в мире сказки не играют в точности так, как они написаны. Но ведь даже великого драматурга Шекспира играют с купюрами и перестановками. Что же говорить о прозе, попадающей на сцену. К тому же режиссер каждого спектакля имеет не только право, но и обязанность ставить спектакль для данной публики в данный период, в конечном счете, для данного зала в конкретный день.

Из драматических спектаклей нужно назвать спектакль, поставленный одним из самых ярких русских режиссеров — Н. П. Акимовым в Театре Комедии по пьесе Е. Шварца «Тень». Сценография спектакля вошла в «золотой фонд» российского театра. Герои спектакля живут в абсурдном мире, среди прочего — столь известная в истории театра конная статуя, едва балансирующая на тонком постаменте. Очень часто в городе и всей стране ставится пьеса Е. Шварца «Снежная королева». В Санкт-Петербурге она была поставлена Н. Райхштейн — большим любителем сказочного жанра. Третья и самая ранняя из пьес Е. Шварца по мотивам Андерсена — «Голый король» — шла в Молодежном театре в тот период, когда этот театр становился на ноги. Удивительно, что старый писатель, который жил в совершенно другое время и ставил другие художественные задачи, до сих пор помогает театрам найти свой путь. Мысли и герои его настолько неординарны, что помогают художественному коллективу найти оригинальные решения.

Если же посмотреть, какие сказки играют на сценах театров города, то обнаруживается интересная вещь. В общей сложности заинтересовали театры 14 сказок.

Самая популярная из них — «Свинопас». Эта короткая, но очень содержательная сказка рассказывает не только о любви и страданиях любящего сердца, но и об искусстве, о способности отделять истинное искусство от подделки. Далее следуют по убывающей: «Снежная королева», «Новое платье короля», «Огниво», «Дюймо-

вочка», «Тень» и, наконец, «Маленькая русалка». Этот список очень четко отражает самое главное в наследии Андерсена, известное практически во всех странах Земли. Если говорить о кино, то надо назвать фильмы, в частности, снятые на студии «Ленфильм» замечательные киносказки «Снежная королева» и «Старая-старая сказка» режиссера Н. Кашеверовой.

Научное изучение российскими учеными сказок Андерсена началось только в XX в. В первую очередь надо назвать петербургского ученого Л. Ю. Брауде, которая внесла самый весомый вклад в российскую андерсениану. Ее первые опубликованные работы относятся к 1955 г., когда отмечалось 150-летие Андерсена. За минувшие полвека опубликовано множество ее исследовательских работ и переводов. В Санкт-Петербурге прошло несколько научных конференций в 1996, 2000, 2005 гг., где рассматривалось творчество Андерсена и как «взрослого», и как детского писателя.

Сейчас в любом книжном магазине Санкт-Петербурга можно видеть изданные в разных форматах, с разными иллюстрациями многочисленные сказки Андерсена. О колоссальной популярности произведений этого писателя у читателей говорят и библиотечные работники. В каждом доме, где читают сказки, в каждом театре, где играют его сказки, благодарные сердца детей и взрослых бьются в унисон с сердцем великого датчанина.

B. S. Zharov

DYNAMISM IN PERCEPTION OF HANS CHRISTIAN ANDERSEN
IN SAINT PETERSBURG, ONE OF THE MOST ANDERSENOUS CITIES
OF THE WORLD

Russia showed an interest to Hans Christian Andersen as early as the 1830-s. The priority among the Russian cities belongs to Saint Petersburg. One of the first works appreciated by Russian readers was the novel «The Improvisator» translated from German. Russian readers perceived «The Improvisator» as a romantic novel, which appeared «too late».

Later H. C. Andersen's fairy tales attracted the greatest interest. Readers got acquainted with the fairy tales either in foreign languages or in Russian translations. And they became popular pretty soon. The first collection of fairy tales came out in St. Petersburg in 1869. It included 14 fairy tales translated from German.

But a real revolution which led to the crowning glory of him took place only at the time when two translators Peter Hansen (in Russia Pjotr Gotfridovič Ganzen,

1846–1930) and Anna Hansen (Anna Vasil'jevna Ganzen, 1869–1942) started translating directly from Danish and published separate fairy tales and a collection of works by H. C. Andersen. These translations are not only a part of foreign literature which a Russian reader can get acquainted with if he wants. It is a really existing element of the Russian language culture.

St. Petersburg was always the city of theatres. During the XX-th century one could see many performances based on H. C. Andersen's fairy tales. The pique of theatrical interest to H. C. Andersen's work falls on the middle of the 1990-s. At this time there were shown 32 performances in the city.



И. П. Купрянова

**РОМАН ФРЕДЕРИКА ПАЛУДАН-МЮЛЛЕРА
«АДАМ ХОМО»**

Творчество Фредерика Палудан-Мюллера (1809–1870) относится к позднему периоду истории датского романтизма. Начавшийся в 1830-х гг. экономический подъем наряду с влиянием европейских политических событий резко изменил общественные настроения. Увлечение героическим прошлым, характерное для литературы первых десятилетий XIX в., сменилось интересом к современности, причем интерес этот часто обретал ярко выраженный критический характер. Это находит свое выражение как в усилении роли либеральной прессы, так и в произведениях писателей, занимающих центральное место в картине литературной жизни 1840-х гг.

Тенденции развития общества, погоня за материальным и социальным успехом внушают этим писателям острую тревогу за судьбы человеческой личности, которая, как им представляется, морально деградирует. Одним из первых выразил эту тревогу Йохан Лудвиг Хайберг (1791–1860), изобразив в сатирической пьесе «Душа после смерти» (1840) типичного обывателя-буржуа, полностью лишенного духовных интересов.

Проблеме моральной деградации личности, сопутствующей социальному возвышению, посвящено и самое значительное произведение Палудан-Мюллера — монументальный роман в стихах «Адам Хомо». Однако появлению этого романа предшествовал определенный путь становления писателя.

Фредерик Палудан-Мюллер родился в городке Кертеминне на острове Фюн. Его отец был сначала приходским священником, но в

дальнейшем занял пост епископа в Орхусе. По окончании гимназии Фредерик поступил в Копенгагенский университет и в 1835 г. окончил его, получив звание кандидата юриспруденции. Однако вопреки воле отца он отказался от карьеры юриста, решив посвятить себя литературе. К этому времени он уже добился известности как поэт: в 1833 г. вышла его повесть в стихах «Танцовщица» — романтическая история трагической любви балерины и молодого аристократа, а через год — поэма «Амур и Психея» на сюжет, заимствованный у Апулея. В 1834 г. с успехом ставится пьеса «Любовь при дворе». Эти произведения сделали Палудан-Мюллера модным поэтом. Он наслаждался успехом и с удовольствием предавался утехам светской жизни.

Однако в 1838 г. произошли события, резко изменившие его жизнь и характер творчества. Вышедший в этом году поэтический сборник разочаровал читателей и критику. В то же время Палудан-Мюллер тяжело заболел. Его выходила дальняя родственница, дочь профессора академии Сорё, Карита Борк, на которой он позже женился. Все исследователи подчеркивают, что жена (она была на восемь лет старше) оказала огромное влияние на Палудан-Мюллера своей искренней и глубокой религиозностью. Кроме того, они признают и благотворность ее влияния на творчество мужа. Так, Поуль Рубов констатирует: «Этого поэта, которому, казалось, было предназначено воспевать юношеские радости и меланхолию, она сделала зрелым писателем. Ей принадлежит честь в том, что в возрасте от 30 до 40 лет <...> он создал все свои главные произведения»¹. Это подтверждает и Олуф Фриис: «Без нее он никогда не создал бы главные произведения своего зрелого творчества»².

Во всяком случае, уже во время свадебного путешествия по Европе, продлившегося два года, Палудан-Мюллер начинает работать над первой частью романа «Адам Хомо», которая была опубликована в 1842 г.; вторая и третья части появились в печати в 1848-м.

В окончательном виде роман состоит из 12 песен и строится как биография героя. Сын провинциального священника, Адам в детстве испытывает влияние родителей, людей очень разного склада. Отец — человек практический, с самого начала настраивающий сына на достижение успеха в обществе. Мать — поэтическая натура, окружающая сына любовью и глубоко чувствующая природу. Симво-

¹ Litteraturen i Danmark. København, 1954. S. 267.

² Dansk Litteratur Historie. København, 1965. Bd. 2. S. 531.

лическое значение имеет эпизод, когда отец требует от Адама логически объяснить значение глагола *at være* «быть». Мать приходит на помощь сыну, показывая ему, что каждое существо воспринимает бытие в соответствии с тем, что предназначено ему Творцом: для птицы это значит летать, петь и заботиться о птенцах; для улитки — греться на солнце; для нее самой — любить Адама. В описании детства героя несомненно присутствует автобиографический момент, отчасти он есть и в изображении его юности — обучения в гимназии, а затем в университете.

Став студентом, Адам сочетает занятия наукой (теологией) с беззаботными развлечениями, посещает школу танцев и вечера в буржуазных семьях, где неизменно пользуется успехом. На одном из вечеров он знакомится с элегантным рантье ван Паленом, исповедующим эпикурейство, и развлекается вместе с ним. Однако эта «дружба» резко обрывается при малейшей попытке Адама проявить своеволие. Герой переживает первое серьезное разочарование.

Попав в качестве домашнего учителя в дом графа, Адам влюбляется в его дочь Клару. Избалованная барышня кокетничает с юношей, и ему кажется, что она отвечает на его чувство. Однако скоро наступает новое разочарование: Клара дает Адаму понять, что он ей не ровня. Оскорбленный и униженный молодой человек находит выход своему раздражению в том, что совращает молоденькую служанку Лотте.

Наступает трудный период в жизни Адама. Отец перестает посылать ему деньги, знакомые, к которым он обращается за помощью, отказывают под разными предлогами. Попытка найти поддержку в религии и философии не приносит удовлетворения. Случайно познакомившись с двумя проститутками, Адам забрасывает занятия и проводит несколько месяцев в их обществе. Сознывая глубину своего падения, герой решает утопиться в канале, но его спасает случайный прохожий. В результате пережитого Адам тяжело заболевает. Приезд матери, инстинктивно почувствовавшей состояние сына, возвращает Адама к жизни. Он энергично берется за учебу и через три года близок к завершению образования.

На клубном балу Адам знакомится с очаровательной дочерью садовника Альмой Стьерне (*stjerne* по датски «звезда»). В идиллическом мире ее семьи, в скромном домике, окруженном благоухающим садом, в любви Альмы он обретает счастье. Адам сдает экзамены, и молодые люди мечтают о тихой жизни в деревенском приходе.

Однако в идиллию вкрадывается тревожная нота. Адам произносит свою первую проповедь, восхваляя добрые деяния как основу веры, и сразу после этого встречает Лотте, ставшую по его вине проституткой. Письмо отца с сообщением о тяжелой болезни матери заставляет Адама поспешить домой. После трогательного прощания с невестой он по дороге читает ее исполненные любви сонеты, которые она ему дала с собой.

На этом заканчивается первая часть романа. Ее публикация вызвала немало нареканий. Естественно, читателей шокировало описание отношений героя с двумя проститутками. Но были высказаны и иные претензии. Так, Й. Л. Хайберг был разочарован тем, что автор уготовил своему герою идиллическую судьбу приходского священника. Тот же упрек предъявляла Палудан-Мюллеру и часть публики. Это говорит о том, что незамеченным остался намек, заключенный в последней строчке: герой полон добрых намерений, но: «Что есть намерения? Об этом мы узнаем»³.

И действительно, благие намерения Адама оказываются недолговечными. Во время переправы на Фюн он встречается с Кларой и после некоторых колебаний принимает приглашение посетить поместье ее мужа. (Правда, он уже получил известие о смерти матери, но намеревался отправиться на ее могилу.) Богатый дом (на фронтоне — герб семьи Гальтов, свинья в короне), роскошный парк и обширные владения мужа Клары производят на Адама неизгладимое впечатление. Не остается он равнодушен и к чарам хозяйки, которая недвусмысленно заигрывает с ним. Ему кажется, что «осуществились его былые желания», в мечтах он видит себя владельцем поместья. Визит затягивается на много месяцев отчасти потому, что во время верховой прогулки Адам ломает руку. Большое впечатление производит на героя знакомство с родственником хозяев, Серым Гальтом, исповедующим эпикурейство и скептический взгляд на жизнь. Этот человек убеждает Адама, что все зависит не от судьбы или Провидения, как тот считал, а от случайности. Из этого Адам делает вывод, что если Провидение не препятствует случайности, то ответственность человека за происходящее минимальна. Все эти долгие месяцы Адам пытается написать Альме, но не может. В то же время отец настоятельно рекомендует ему как можно лучше использовать сложившуюся ситуацию. После роскошного празднества

³ *Paludan-Müller Fr. Adam Homo. København, 1962. S. 200.* Далее роман цитируется по этому изданию, в скобках указаны страницы.

в связи с приездом принца, которое буквально ослепляет Адама своим блеском, он предпринимает попытку объясниться с Кларой, но терпит неудачу. Ему не остается ничего другого, как уехать к отцу.

Убогость родного дома удручает Адама, он понимает, что карьера священника не сулит ни богатства, ни высокого положения — того, к чему он прикоснулся в поместье Гальтов. Знакомство с Милле, эксцентричной дочерью местного барона, открывает перед героем неожиданные перспективы, о которых ему упорно твердит отец. В сознании героя возникает новое понятие — необходимость.

Адам пишет Альме, разрывая помолвку (мотивирует это решение запретом отца), и женится на баронессе Милле. Перед венчанием он в последний раз чувствует угрызения совести, даже хочет бежать, но отец вовремя его вразумляет. Когда Адам с молодой женой въезжает в столицу, их видит Альма.

Вновь мы встречаемся с героем через двенадцать лет. Милле унаследовала баронские владения, супруги богаты и занимают место в высшем обществе. Адам — камерюнкер, потом — камергер, награжден орденом. Он мечтает стать оратором, организует ораторский клуб, намереваясь распространять среди земляков духовное «совершенство», но при первом же выступлении позорно проваливается. Пробует заняться благотворительностью, но и здесь его ждет разочарование. Милле, всегда увлекавшаяся идеей эмансипации женщин, пишет романы на эту тему. Ее попытка заручиться поддержкой критиков оборачивается разгромными рецензиями.

Адам возвращается мыслями к прошлому, вспоминает Альму. В один и тот же день он узнает о смерти Клары, разбившейся на лошади, и видит в трактире ван Палена, превратившегося в биллиардного маркера, который за выпивку рассказывает сальные анекдоты.

К началу третьей части романа проходит еще двадцать лет. Адам окончательно разочаровался во всех идеалах, принимает реальность такой, какова она есть. Теперь он уже тайный советник, кавалер нескольких орденов, член множества комитетов и неперменный участник светских событий. Милле, неизменно растолстевшая, по-прежнему увлеченная своими литературными занятиями и борьбой за эмансипацию, умирает от удара. Дочери успешно выданы замуж, одна — за шведского, другая — за норвежского «столпов общества», чем Адам «сделал все, что мог, для укрепления единства Скандинавии» (421).

Наконец, в возрасте 62 лет Адам получает долгожданное назначение — директором театра. В этот день приходит письмо от Лотте,

в котором она рассказывает о своей горькой судьбе и просит помощи. Адам посылает ей 5 риксдаллеров, с тем чтобы она больше его не беспокоила. Однако его мучают угрызения совести, он рассказывает о Лотте священнику, который предлагает ему в качестве искупления давнего греха стать попечителем и одним из директоров заведения для падших женщин. Вступив в должность директора, Адам досконально обследует театр и приказывает шить для певиц и балерин более скромные наряды. Затем он собирает всю труппу и произносит «тронную» речь. Эта речь — высшая точка сатиры в романе. Герой говорит о том, что всю жизнь искал идеалы, но понял, что «идеал не годится для жизни», он возможен лишь в театре, «где жизнь и жизненная борьба — всего лишь игра» (445). Ошибки, которые он совершал в поисках идеала, помогут ему правильно руководить театром, призвание которого — служить высоким идеям. В подкрепление своих намерений Адам устраивает банкет для артистов.

Из театра герой отправляется на верховую прогулку, попадает под ливень и заболевает. От действий вечно спорящих между собой врачей ему делается все хуже, и его кладут в больницу. Здесь за ним ухаживает сиделка Альма, впавшая после смерти отца в бедность и зарабатывающая на жизнь стиркой, шитьем и уходом за больными. Положение Адама безнадежно. Он составляет завещание: стипендии десяти нуждающимся студентам, сто даллеров — Лотте, его бюст — театру. Кольцо Альмы, которое Адам носил все годы, он просит положить с ним в могилу. Перед смертью главный герой узнает Альму, говорит о своей вине перед ней и слышит в ответ: «В чем я могу тебя обвинить? Ты был так много лет моей радостью» (474). Держа в своей руке руку Альмы, Адам умирает.

В день торжественных похорон Адама умирает и Альма, изнуренная работой, которая накопилась за то время, что она ухаживала за любимым. Ее хоронят в том наряде, в котором она была на балу, когда встретила Адама.

Соседка умершей, убирая ее комнату, находит пачку рукописей — это стихи Альмы. В качестве своего рода интермедии их текст вставлен перед заключительной песней романа. В «Лирических стихах» поэтесса дает волю своим чувствам — любви к Адаму, сердечным страданиям, спасение от которых она находит в смирении перед судьбой. В «Религиозных раздумьях» речь идет о величии христианской веры, о безграничной доброте триединого Бога (даже дьявол должен когда-нибудь обрести прощение). Святой Дух видится автору

воплощением вечной женственности, дарующей и охраняющей жизнь. Именно в «Религиозных раздумьях» большинство исследователей усматривают влияние жены Палудан-Мюллера, хотя нельзя забывать и о том, что их авторство приписано героине и вполне соответствует созданному писателем образу.

Завершается роман сценой суда над героем в потустороннем мире. Обвинитель, «адвокат дьявола», требует ввергнуть душу Адама в ад, обличая его как эгоиста и плохого христианина: «Его вера, его любовь были всего лишь игрой» (534). Защитник, «адвокат человека», оправдывает поведение героя бременем первородного греха, воспитанием и дурными примерами, а главное — духом времени. Настало время посредственности, и хотя Адам и «продукт своего времени», он еще не из худших. Стрелка весов, на которых взвешивают душу Адама, колеблется то в одну, то в другую сторону, ни добро, ни зло не перевешивают определенно. В этот момент с небес спускается душа Альмы, которой уготовано вечное блаженство. Она бросает на чашу весов свое право на избранность: «В жизни и в смерти эта душа была мне радостью! // Он навсегда безраздельно избран мною, // Его жребий — мой, я разделю его судьбу!» (536). Чаша весов опускается, и вслед за Альмой Адам направляется в чистилище, где их встречает хор духов, предвкушающих грядущее спасение.

«Адам Хомо» — уникальное явление в истории скандинавской литературы. Это одновременно и роман воспитания, и быто-, и нравоописательный роман, и роман философский. И при этом — роман в стихотворной форме. Произведение Палудан-Мюллера, достаточно характерное для позднего датского романтизма, вместе с тем предваряет собой появление реалистической литературы, связанное с именем Георга Брандеса. Не случайно П. М. Митчел предполагает, что Палудан-Мюллер, в последние годы жизни много общавшийся с Брандесом, «живи он тремя десятилетиями позднее <...> вероятно прислушался бы к требованиям последнего делать социальные проблемы предметом литературных дебатов»⁴.

Описание жизненного пути героя романа по праву занимает место в ряду историй молодых людей XIX в. Могенс Брэнстед характеризует ситуацию Адама Хомо так: «Он стоит перед дилеммой — противоречие между той моралью, которую проповедуют школа и церковь, и совершенно иной моралью, которой следует общество»⁵.

⁴ Mitchell P. M. A history of Danish Literature. Copenhagen, 1957. P. 164.

⁵ Brønsted M. Indledning // Palludan-Müller Fr. Adam Homo. København, 1962. S. 5.

Сделав свой выбор, герой добивается высокого положения, всевозможных почестей и богатства, но при этом деградирует нравственно.

Уже в прологе Палудан-Мюллер заявляет о том, что время героических личностей прошло, что он выбирает своим героем человека «прозаического» — именно такой герой должен понравиться современникам. Ведь речь в романе пойдет о том времени, когда все прежние заповеди заменены одной — «at behage» (угождать). Адам Хомо — человек слабый, он легко поддается влиянию обстоятельств. При этом он всегда ищет оправдания своим действиям. Сначала герой во всем видит перст судьбы, потом — волю Провидения, власть случайности и, наконец, необоримость необходимости. Адам Хомо — лицемер особого свойства, т. к. больше всего он лицемерит перед самим собой, стремясь снять с себя ответственность за собственные неблагоприятные поступки.

В краткие минуты прозрения он вспоминает об Альме, которая должна была стать для него путеводной звездой. Он не снимает ее кольца и хочет унести его с собой в могилу. Это свидетельствует о том, что в герое не до конца умерли лучшие чувства. Именно поэтому в сцене суда стрелка весов не склоняется окончательно ни в одну, ни в другую сторону: он полностью не принадлежит ни раю, ни аду. Альма может спасти Адама, потому что знает, каким он *мог бы быть*. «С прозорливостью любви <...> она увидела в нем идеальную сущность», — пишет М. Брэнстед⁶.

Этот эпизод, как и слова, сказанные Альмой умирающему Адаму, логично вызывают в памяти финал ибсеновского «Пер Гюнта». По сути дела, как и там, герой — «ни то, ни сё» и оказывается «самим собой» лишь «в надежде, вере и любви» героини. На близость между романом Палудан-Мюллера и драмой Ибсена указывает, в частности, М. Брэнстед⁷.

История Адама Хомо разворачивается на фоне красочной картины жизни датского общества в 1830–1840-х гг. И картина эта отнюдь не отличается идилличностью. Уже в 1867 г. Георг Брандес отмечал: «В “Адаме Хомо” мы стоим посреди нашего времени и посреди нашей собственной страны»⁸. Попутно он говорит и об остроте критической направленности романа; по словам Брандеса, Па-

⁶ Brunsted M. Op. cit. S. 12.

⁷ Ibid. S. 10.

⁸ Брандес Г. Собр. соч. СПб., [б./г.]. Т. 4. С. 249.

лудан-Мюллер «ставит перед временем свой щит, чтобы оно окаменело, увидев в зеркале свою собственную голову Медузы»⁹.

Писатель проводит своего героя через все «круги» социальной структуры общества: перед нами последовательно предстают скромное существование провинциального духовенства, нищенский быт студенчества, малопривлекательная жизнь копенгагенского «дна», патриархальный уклад жизни мелкой буржуазии, роскошь дворянского дома и богатой усадьбы, мишурный блеск «высшего общества». Как справедливо замечает Олуф Фриис, «“Адам Хомо” делает нас свидетелями жизни Дании того времени и рисует реалистическую картину датского общества в разрезе, от вершины до дна»¹⁰.

Духовное состояние общества получает в романе нескрываемо ироническое освещение. Так, увлечение Адама ораторским искусством и его энтузиазм в деле создания ораторского клуба, как и его провал, явно выражают оценку автором бурных дискуссий либералов. Брандес, характеризуя духовный климат изображенной в романе эпохи, пишет, что это было «...время, когда собирались, чтобы произнести что-либо великое, и расставались с громкими криками «ура!» и с шумом, ничего не свершивши»¹¹.

Карикатурный образ жены Адама, баронессы Милле, очевидно, связан с отрицательным отношением писателя к дебатам по женскому вопросу, происходившим в 1840-х гг. Ярая защитница идей эмансипации, сделавшая своими кумирами Жорж Санд и Беттину Арним, Милле на деле лишь пишет бездарные романы, а созданный ею женский союз автор уподобляет мельнице, перемалывающей воду.

Философские размышления автора заключены в многочисленных — более сорока — лирических отступлениях. Их темы бесконечно разнообразны: детство и юность, любовь и дружба, мечты и иллюзии, жизненные потери, скорбь и страдание — все то, что так или иначе формирует личность и определяет ее жизнь. К лирическим отступлениям примыкают «Религиозные раздумья» Альмы.

Голос автора звучит не только в лирических отступлениях. Постоянно обращаясь к читателю, Палудан-Мюллер разъясняет суть происходящего, комментирует поступки и мысли героя, нередко иронизирует по его адресу.

⁹ Брандес Г. Указ. соч. С. 252.

¹⁰ Dansk Litteratur Historie. Bd. 2. S. 640.

¹¹ Брандес Г. Указ. соч. С. 296.

Содержание романа и его форма совершенно закономерно вызывают ассоциации с романом Байрона «Дон Жуан». На родственную близость двух произведений Брандес указывал, в частности, в своей работе «Натурализм в Англии», опубликованной в 1875 г.

Известно, что Палудан-Мюллер еще в начале творческого пути был увлечен английским поэтом: 1830-е гг. отмечены огромной популярностью Байрона в Дании. Принесшая своему автору первый успех повесть «Танцовщица» была написана байроновскими октавами, в истории несчастных влюбленных критики увидели отклик на историю любви Дон Жуана и Гайде.

Байроновские октавы преобладают и в тексте «Адама Хомо»; другие стихотворные размеры автор использует там, где это оправдано ситуацией: в любовных стихах юного Адама, в песнях, которые он поет вместе с матерью, в романсе, исполняемом одной из барышень в школе танцев, а главное — в сонетах и «Религиозных раздумьях» Альмы. По широте охвата тем и глубине их философского осмысления роман Палудан-Мюллера, естественно, значительно уступает «Дон Жуану». Но датский писатель и не ставил перед собой глобальных задач: уже в прологе он заявляет, что его герой — истинный датчанин, а целью автора является изображение повседневной жизни «в ее национальных красках». И, говоря о близости романа Палудан-Мюллера к «Дон Жуану», Брандес ставил в заслугу автору именно национальную специфику его произведения. В своем известном труде «Главные течения в европейской литературе XIX века» он писал: «Но хотя “Адама Хомо” нельзя себе представить таким, каким он есть, без предшествовавшего ему произведения Байрона, все же датская поэма получила такой своеобразный отпечаток от почвы, породившей ее, что уже в силу одной своей оригинальности могла бы занять выдающееся место среди немногих перворазрядных эпических произведений Европы XIX века»¹².

Однако судьба романа сложилась иначе. Даже в Дании он не вызвал большого интереса: в 1848 г., когда он был опубликован полностью, умы датчан были заняты военными событиями. За пределами Скандинавии роман Палудан-Мюллера остался практически неизвестен. Существует лишь один его перевод — на немецкий язык (1883). На русский язык переведены только отдельные сонеты Альмы¹³.

¹² Брандес Г. Указ. соч. С. 307.

¹³ Европейская поэзия XIX века. М., 1977.

Вместе с тем для истории датской литературы значение «Адама Хомо» несомненно. По справедливому замечанию Брандеса, этот роман представляет собой и высокохудожественное произведение, и исторический документ эпохи¹⁴. Не случайно датские исследователи, характеризуя состояние литературы своей страны в середине XIX в., ставят имя Палудан-Мюллера в один ряд с именами Х. К. Андерсена и Сёрена Киркегора. Правомерность этого признает и американский скандинавист П. М. Митчел. Сетуя на то, что произведение датского писателя не получило известности за пределами Скандинавии, он в своей монографии «Датская литература» (1957) заключает: «“Адам Хомо” — классическое произведение, заслуживающее того, чтобы занять место среди вершин не только датской литературы, но и литературы мировой»¹⁵.

I. P. Kuprijanova

FR. PALUDAN-MÜLLER
«ADAM HOMO»

Versromanen «Adam Homo», skrevet af Frederik Paludan-Müller, indtager en enestående plads i den danske litteraturs historie. Det er et stort ironisk helteepos med et gennemsnitsmenneske af samtidens borgerskab som hovedperson. Romanen viser Adam Homos vej til en position som samfundsstøtte mens han samtidig moralsk går til grunde. Men det er ikke blot kritik af heltens slingrekurs gennem livet, men også en kritik af det samfund, som opdrager ham og lader ham få succes.

¹⁴ Брандес Г. Указ. соч. С. 304.

¹⁵ Mitchell P. M. Op. cit. P. 161.



П. А. Лисовская

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗМА, ХРИСТИАНСТВА И ИДЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕРА УЛОВА ЭНКВИСТА

В творчестве крупнейшего современного шведского писателя Пера Улова Энквиста (р. 1934) особое место занимает жанр исторического романа. Энквист — признанный во всем мире мастер так называемой псевдо-документальной прозы, жанра, ставшего невероятно популярным у читателей последних десятилетий и, судя по всему, не собирающегося сдавать позиции в будущем.

Свой первый исторический роман — «Пятая зима магнетизера» Энквист написал в 1964 г., и этот роман принес ему и успех, и признание. В этом первом крупном произведении тридцатилетний писатель обратился к событиям конца XVIII в., когда эпоха Просвещения находилась уже на излете. Он поведал в нем историю немецкого врача Фридриха Мейснера, жизнь и приключения которого списаны с реального исторического лица — Франца Антона Месмера (1734–1815), с именем которого связывают феномен «животного магнетизма», как в те времена называли гипноз. Через 35 лет, в 1999 г., вышел роман Энквиста «Визит лейб-медика», за который автор получил несколько почетных литературных премий. И в этом, предпоследнем, произведении речь вновь идет о второй половине XVIII в., а именно о Дании в так называемую эпоху Струэнсе, когда никому не известный немецкий врач на короткое время становится фактическим правителем самого старого в Европе королевства.

Нужно сказать, что в промежутке между этими двумя книгами Энквист пишет и драмы, и киносценарии, и другие исторические

романы, однако в последних он обращается к другим историческим эпохам: концу Второй мировой войны — в романе «Гесс» (1966), послевоенному десятилетию — в «Легионерах» (1968), Швеции начала прошлого века — в романе «Выход музыкантов» (1978). Повторное обращение к теме XVIII в. в Европе представляется нам знаменательным и интересным в контексте всего творчества этого живого классика шведской литературы.

XVIII столетие привлекает и завораживает европейских писателей второй половины XX в. Один из ярких примеров — это португальский писатель Жозе Сарамаго, написавший роман «Сказание о монастыре» (1998), где действие разворачивается в португальском королевстве во второй половине XVIII в., — произведение, которое сделало его лауреатом Нобелевской премии. Стоит вспомнить также ставший невероятно популярным роман Патрика Зюскинда «Парфюмер» (1985), повествующий как о блеске, так и нищете Нового времени, колыбелью которого был Париж второй половины XVIII в. Парадоксально, что в одной из российских рецензий роман Энквиста «Пятая зима магнетизера» был назван репликой вышедшего на двадцать лет позже упомянутого выше роман Зюскинда! Это можно объяснить только тем, что рецензент не удосужился сравнить дату публикации «Магнетизера» в Швеции с датой выхода его перевода на русский язык.

Начиная с 1960-х гг., когда, кстати, шведский роман находился в поисках новых форм, изобилуя экспериментами, увлечение XVIII в. проявляется в шведской литературе особенно ярко. Другой современный шведский классик — Пер Кристиан Ершилд (р. в 1935 г.) обращается к XVIII в. в романе «Путешествие Кальвиноля по свету» (1965), который один критик охарактеризовал как «акробатический этюд в стиле пастиш» («*det akrobatiska pastischnumret*»). Это и своеобразная робинзонада, и аллюзия к плутовскому роману, где герой напоминает одновременно гротескных великанов Рабле и сервантесовского благородного рыцаря.

Современные шведские писатели уже другого поколения, родившиеся не в тридцатые, а в шестидесятые годы прошлого века, которых уже с полным правом можно причислить к направлению постмодернизма, также очень активно обращаются к теме XVIII столетия в своих романах 1990-х гг. Здесь в качестве примера хотелось бы упомянуть, во-первых, Карину Бурман (р. 1960) и два ее романа «Мой блаженной памяти брат Жан-Хенрик» («*Min salig bror Jean Hendrik*») (1993) и переведенный на русский язык роман «Десятая муза» (1995).

Действие первого романа, принесшего большой успех молодой писательнице, разворачивается в Швеции в густавианскую эпоху, действие же второго, не менее удачного, перемещается из одной эпохи в другую, однако постоянно «всплывают» события и идеи, относящиеся к рубежу XVII и XVIII столетий. Во-вторых, нельзя не упомянуть получивший в 2004 г. престижную премию «Augustpriset» Шведского союза книгоиздателей имени Августа Стриндберга (кстати, ею был награжден и «Визит лейб-медика») роман «Ясновидец» («Den vidunderliga kärleken») Карла-Юхана Вальгрена (р. 1964). В романе Вальгрена действие разворачивается в Германии, Италии и даже в Америке все в том же XVIII в., и представляется, что между этим романом, хотя он, безусловно, гораздо ближе к постмодернизму по стилю, и романами Энквиста можно провести ряд параллелей. В частности, это — общий пафос гуманизма и неприятия жестокости, идея освобождения женщины, вера в человечество и его будущее. С романом «Пятая зима магнетизера» книгу Вальгрена объединяет общий сюжетный ход: герой обладает сверхчеловеческим даром — читает мысли на расстоянии. Однако Эркюль Барфусс, в отличие от мужественных и почти совершенных героев Энквиста, Мейснера и Струэнсе, инвалид, его уродство пугает и отталкивает. Он — герой постмодернистского романа, поэтому по определению не мог быть традиционным героем-любовником, хотя его любит прекрасная девушка, и вот перед нами уже прямая аллюзия к одному из самых распространенных сказочных сюжетов — красавица и чудовище.

Итак, почему же XVIII в., эта «колыбель» Нового времени, так привлекателен для современных писателей? Если обратиться к философскому аспекту этого вопроса, то, прежде всего, следует указать, что в традиции современной философской теории, в частности в доминирующей постмодернистской парадигме, эпоха Просвещения является так называемым *favourite other*, т. е. излюбленной эпохой для сравнения с нынешней. По словам одной американской исследовательницы, «...восемнадцатый век был и является главной точкой отсчета, в которой сходятся критическое осмысление, аналогии и анализ в недавних дискуссиях о современности и эпохе постмодернизма»¹. С другой стороны, отношения между постмодернизмом и идеями Просвещения, во всяком случае в их самой распространенной трактовке (постулатах о прерогативе разума и неминуемом

¹ Kelly V. Von Mücke, Dorothea. Introduction // *Body & Text in the Eighteenth Century*. Stanford, 1994. P. 2.

прогрессе и возможности выразить все посредством слова), далеки от идиллических. По словам Дэниэла Гордона, «это предубеждение [постмодернистов против идей Просвещения. — П. Л.] является острым, потому что эпоха Просвещения для постмодернизма это то же самое, чем Старый Режим был для Французской революции»². Следовательно, особенно интригующим представляется увлечение современных писателей, относящихся к разным поколениям, в том числе и таких бесспорных детей эры постмодерна, как Карл-Юхан Вальгрэн и Карина Бурман, именно этой эпохой. Что касается родившегося в 1934 г. Пера Улова Энквиста, то причины его увлечения эпохой Просвещения не очевидны и нуждаются в объяснении. Он формировался как мыслитель и художник как раз в то время, когда европейские общечеловеческие ценности подвергались ревизии. В частности, в 1949 г. вышел эпохальный труд двух крупнейших философов Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера «Диалектика Просвещения», в котором высказывалось мнение, что просветительские идеи могут привести к варварству (эта книга была написана под впечатлением массовой гибели людей в двух мировых войнах), процветанию массовой культуры в ущерб культуре элитарной и бюрократическому диктату государства.

Два романа Энквиста о XVIII в. объединяет не только выбранная эпоха, но также, несомненно, и образы главных героев. И в романе 1960-х, и в романе 1990-х гг., это — целитель. В первом случае, как это следует уже из заглавия, главный герой — «магнетизер», т. е. человек, считающий себя способным врачевать, а во втором центральный персонаж Фридрих Струэнсе — дипломированный врач. Из текста романа мы узнаем очень многое о его врачебной практике еще до приезда к датскому королевскому двору, о том, как он учился и как воспринимал свое призвание, что думал о человеческом организме и его анатомии и физиологии. В эпоху Просвещения, когда религия подвергалась ревизии и жесткой критике, именно врач, а не священник, становится носителем знания и истины. И для атеиста Энквиста врач — это фигура, априори интересная своим потенциалом познания человека. К слову, одним из главных героев последнего романа писателя стал знаменитый парижский врач-психиатр Шарко. Но, конечно, сами врачи в романах Энквиста подвергаются суровым жизненным испытаниям, а их духовный мир скрупулезно анализируется.

² Gordon D. Introduction // Postmodernism and the Enlightenment / Ed. D. Gordon. Routledge; New York; London, 2001. P. 1.

При всем своем атеизме Энквист в обоих романах об эпохе Просвещения обращается к «самой известной истории на свете», а именно к Новому Завету, и образ врача — это аллюзия к образу Христа. Это особенно очевидно в романе «Пятая зима магнетизера». Роман открывается сценами, подготавливающими въезд Мейснера в городок Зеэфонде, в котором, как в Иерусалиме, развернутся основные события романа. Мейснер изображен человеком, считающим себя носителем миссии. Он сам говорит о том, что «ему нужен город», и когда такой город найден, он, хотя может воспользоваться удобством — каретой, въезжает в него, как подчеркивает автор, сидя на козлах, чтобы все его видели. Другой деталью, несомненно свидетельствующей о разрабатываемой автором новозаветной теме, является на первый взгляд малозначительный эпизод из детства Мейснера, представляющий собой аллюзию к эпизоду изгнания торговцев из храма. Двенадцатилетним мальчиком Мейснер заблудился на ярмарке и, зайдя в палатку, где шло представление, увидел, что публика смеется над происходящим и мешает двум певицам, и тогда он подошел к одному из зрителей и дал ему сильную пощечину. В размышлениях о природе своего дара Мейснер постоянно обращается к фигуре Парацельса, как бы соотнося свои мысли и поступки с тем, как бы тот их оценил. Парацельс, врач эпохи Ренессанса, в сознании Мейснера живет как реальный человек, учитель и даже некая высшая сила, с которой он постоянно беседует. Это также, на наш взгляд, аллюзия к обращениям Христа к Богу-Отцу. Фигуру Мейснера можно соотнести с фигурой Христа и по ряду других деталей: это многочисленные ученики и последователи, которые по-разному относятся к наставнику и в разной степени верят ему. Это, конечно, и «чудесное исцеление» Мейснером дочери доктора Зелингера, которой он возвращает зрение, и, несомненно, финал романа, в котором Мейснера избивают, издеваются над ним и сажают его в тюрьму. Причем в романе есть даже персонаж, которого можно соотнести с образом Пилата: начальник полиции пытается вести себя справедливо и беспристрастно по отношению к заключенному и спрашивает Мейснера, за что его ненавидит толпа.

Фигура Иоганна Фридриха Струэнсе в романе «Визит лейб-медика» также, на наш взгляд, напоминает образ Христа. Уже само слово «визит» в названии романа может намекать на миссию, только здесь не Сын Божий посещает Землю, а немецкий врач из Альтоны на короткое время приходит в датское королевство и принимает мученическую смерть за свои идеалы и поступки. Мучительные

сомнения Струэнсе перед тем, как он решился стать лейб-медиком короля Кристиана: становится ли ему тем, кто сможет, по переданным ему Дидро словам Вольтера, «пролезть в образовавшуюся в истории щель», сравнимы по силе напряжения и драматизму с молением о чаше. Уже в самом начале романа говорится о том, что Струэнсе понимает: все закончится трагично, он обречен «на заклание». В описании казни автор говорит, что осужденный «покорно, как жертвенная овца [курсив мой. — П. Л.], поместил свою шею на колоду»³. Это ставит роман «Визит лейб-медика», как и «Пятую зиму магнетизера», с одной стороны, в ряд произведений на тему «гений и толпа», а с другой — в ряд произведений о неузнанном мессии, к которым, в частности, можно отнести и русский роман «Мастер и Маргарита». Отношения же героев двух романов шведского писателя с толпой различаются. В «Магнетизере» Мейснер постоянно, непосредственно и тесно контактирует с толпой, этот герой — «вариация на тему сверхчеловека»: он хочет обладать властью над ней, но то боится ее, то презирает. С этой точки зрения интересны его отношения с двумя женщинами, прибившимися к нему во время его путешествия в Зеефонде. Герой в буквальном смысле слова использует их, в частности, насилует старшую, потом оставляет их, как бы не видя в них последовательниц, достойных быть его, «мессии», ученицами. Однако именно две эти женщины приходят к нему, когда его, избитого и униженного толпой, судят. Они — те «малые сии», без сомнения, реплика Богородицы и Магдалины, и на них он смотрел с презрением, что и было его главной ошибкой. Струэнсе же не соприкасается с толпой, т. е. с датским народом, он боится и не знает тех, кого собирается «спасти». Но показательны то, что каким-то образом ему все же удается заронить зерно гуманизма в души этих незнакомых ему людей, но уже только после смерти: к ярости его «черного человека» Гульберга тридцать тысяч человек молчаливо расходятся во время казни Струэнсе и не хотят глумиться над его смертью, т. е., по сути, не кричат долгожданное «Распни!».

«Проблема личности в истории несомненно занимает в нем не последнее место»⁴, — отмечает в послесловии к роману «Визит лейб-медика» И. П. Куприянова. Действительно, из всего сказанного выше

³ Энkvист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 391.

⁴ Куприянова И. П. П. У. Энkvист и его роман «Визит лейб-медика» // Энkvист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 408.

можно сделать вывод, что проблеме личности в истории Энквист видит как проблему возможности бескровных перемен в жизни народа или народов, если их ведет за собой моральный и гуманный лидер, т. е. человек, по сути являющийся «новым воплощением Христа». В романе «Пятая зима магнетизера» Энквист показывает, что жизнь людей может изменить только человек, всегда следующий высоким моральным принципам, а не тот, кто заботится о собственном величии, пусть он даже и обладает некой сверхсилой убеждения, как Мейснер. Здесь важную роль играет и вера в свою нравственную правоту. Именно из-за недостатка веры терпит неудачи Мейснер. В романе же о Струэнсе автор не подвергает сомнению высокие моральные принципы протагониста: он — настоящий герой, в отличие от очень противоречивого образа Мейснера, но и враги у Струэнсе гораздо более умные и жестокие. Чтобы подчеркнуть несомненное нравственное преимущество Струэнсе над окружающими современниками, автор изображает его на фоне трех других персонажей, которые также считают себя просветителями: это псевдопросветитель Рантцау, «очень осторожный просветитель»⁵, Ревердиль и «легкомысленный просветитель», в итоге ставший случайной жертвой революции, — Эневолд Бранд.

Техника повествования Энквиста кинематографична. Мы как бы видим различные повторяющиеся кадры и планы, иногда даже возникает ощущение медленного скольжения камеры по какой-либо детали. При этом в своих романах об эпохе Просвещения Энквист очень искусно использует образы и тропы, которые были актуальны в ту эпоху. Нет сомнения, что наряду с интересом к природе и закономерностям исторического процесса одна из главных задач писателя — изображение и анализ действий человека, его природы, его духовности и поступков. В этом его близость к просветителям, ибо он применяет их методы изучения человека и его природы. Европейские просветители были едины в том, что центром сосредоточения практик и идей Просвещения было человеческое тело. Несомненным для них также являлся примат телесного опыта при познании мира и необходимости сомнения. По словам Ребекки Хайдт, посредством изображения тела, этого базового тропа в европейской культуре, можно «артикулировать все этические, политические и социальные концепты власти»⁶. Важно подчеркнуть, что в обоих романах Эн-

⁵ Энквист. Указ. соч. С. 308.

⁶ Haidt R. *Embodying Enlightenment*. N. Y., 1989. P. 5.

квиста речь идет именно о феномене власти: в «Пятой зиме магнетизера» — в первую очередь о власти над ближним и в меньшей степени о политической власти, в «Визите лейб-медика» — напротив, прежде всего, о власти политической. Во втором романе политический конфликт между Струэнсе и его «черным человеком» Гульбергом показан сквозь призму телесного. Автор неоднократно уделяет внимание описанию внешности Струэнсе, показывает его как типичного в понимании той эпохи *homme de bien*, джентльмена, т. е. индивида, в котором телесная привлекательность и здоровая мужественность являются прямым отражением духовной и интеллектуальной красоты. Мужественным и физически сильным человеком изображен, кстати, и Мейснер в более раннем романе. Физическая привлекательность и, что немаловажно, агрессивная сексуальность служат Мейснеру важным инструментом в борьбе за человеческие души. Мы уже упоминали о разных типах просветителей в романе «Визит лейб-медика», так вот здесь автор разворачивает и спектр разных конфигураций мужественности как ключевого тропа власти. На вершине пирамиды находится идеал *homme de bien* Струэнсе, и рядом с ним трое разных мужчин, которых можно было бы, согласно принятой в ту эпоху классификации, поместить в одну категорию так называемых *petits maîtres* — персонажей, не достигших развитой мужественности. Главный враг лейб-медика Гульберг мал ростом, страдает комплексом кастрации, к тому же — и это немаловажная деталь — его называют «ящерицей» из-за того, что у него не закрываются веки. Король Кристиан — мальчишка, который никогда не вырастет, несмотря на то что его заставляют «покрывать» королеву Каролину Матильду. Наконец, тот же Бранд — классический щеголь и хлыщ, за его внешней привлекательностью скрываются духовная пустота и легкомыслие. У Гульберга целая теория малых и больших деревьев, которую он с маниакальной настойчивостью реализует на практике: ему удается-таки повалить «большое дерево» — погубить Струэнсе. Таким образом, суммируя сказанное выше, глубинной основой смертельной ненависти Гульберга к Струэнсе являются причины телесного и сексуального характера: Гульберг никогда не сможет сделать то, что удалось Струэнсе, — овладеть самой запретной из женщин — датской королевой. Здесь небезынтересно провести сравнение с изображением сексуальности главных героев в романе постмодерниста Карла Юхана Вальгрена «Ясновидец» (2003). Протагонист Эркюль (!) Барфусс любим прекраснейшей девушкой, родившей от него ребенка, у него возвышенная душа

и высокий интеллект, но его тело — апофеоз уродства и несовершенства. Более того, Эркюль Барфусс глух и нем, у него даже нет рук, и, следовательно, согласно просветительским идеям, ему недоступен его величество опыт! И все же именно к нему уходит от своего такого привлекательного и физически, и духовно, благородного и не чуждого просветительских идей мужа обворожительная Генриетта. Но Энkvист не постмодернист, скорее реалист: сексуальность в его романах не может принимать такой нетрадиционный, антисказочный характер, когда «чудовище» не превращается в сказочного принца, а красавица продолжает его любить.

Сексуальность для просветителей — один из важнейших инструментов познания другого и самого себя. Вслед за Ренессансом век Просвещения сыграл важную роль в освобождении прежде всего женской сексуальности. Центральной женской фигурой в романе «Визит лейб-медика» является показанный в развитии, поистине в духе великих реалистов, персонаж, изображенный к тому же с большой нежностью, — это юная королева Каролина Матильда. Она и ее тело — центр конфликта. Очень часто в тексте проводятся аналогии между ее телом и Данией, над которой, как Струэнсе над священным телом, якобы надругались просветители. В статье, посвященной феминизации идеологии в литературе XVIII в., Лора Браун отмечает: «Одним из иронических последствий идеологической живучести женских персонажей является их потенциал всегда становиться центром дискурса. Чем более незаменимым женский образ становится в самовосприятии данной культуры, тем больше его культурная энергия стремится к эксцессам, тем в большей степени женщина становится эпицентром различных противоречий»⁷. В середине романа «Визит лейб-медика» есть такая фраза: «Она начала понимать, что у нее есть тело»⁸. Речь идет о «маленькой англичанке» Каролине Матильде. Мы можем проследить в романе все стадии развития ее личности. Интересно, что духовное и интеллектуальное развитие этого персонажа очень часто передается в терминологии тела. Ведь, как уже отмечалось, только через телесное и физически осязаемое можно познать истину. Из девочки-подростка, в общем-

⁷ *Brown L.* The Feminization of Ideology: Form and the female in the Long Eighteenth Century // *Ideology and Form in Eighteenth-Century Literature* / Ed. D. H. Richter. Austin, 1999. P. 233.

⁸ *Энквист П. У.* Указ. соч. С. 156.

то ребенка, она сначала превращается в чувственную женщину, затем в зрелую, осознающую свои интересы и потребности личность, и, наконец, в полном трагизма конце романа мы видим, как она достигает своей высшей ипостаси — начинает осознавать свою роль матери. К моменту развязки трагедии у королевы уже двое детей, но материнство словно существует отдельно от нее, и только в заключении, в тюрьме, когда ей грозит вечная разлука с грудной дочерью, у Каролины Матильды просыпаются глубокие материнские чувства. Так показывает ее нам автор в финале, так ее воспринимает и Струэнсе на всем протяжении романа, но для других персонажей, населяющих этот роман, она — только плоть. Можно сказать, что Струэнсе выступает в роли Пигмалиона или даже творца, т. к. только благодаря своему любовнику Каролина Матильда превращается из тела, самки, которую должен «покрывать» король, в человека. То, как воспринимают молодую королеву Гульберг и вдовствующая королева, полностью соответствует взгляду на женщину, который так яростно отвергала эпоха Просвещения. Подобное уничижительное восприятие женщины можно обнаружить в произведениях прогрессивных авторов еще в XVIII в., таких как, например, известные своими мизогинными взглядами Свифт и Дефо. В этой мизогинной традиции женское тело представляется как источник грязи, тления и разврата. Недаром вдовствующая королева называет молодую королеву исключительно «маленькой английской шлюхой». А для вожделеющего ее Гульберга именно в сексуальности этой молодой женщины, к тому моменту еще даже не осознающей своей власти, таится самая страшная опасность. Ее белая грудь, которую он увидел, когда Каролина Матильда задавала ему невинные вопросы о его аскетической жизни, против воли Гульберга заставила его обнаружить, что у него тоже есть тело, которое он не смог контролировать «по ее вине». Белая женская грудь, к слову, является важным тропом в культуре XVII–XVIII столетий. Она, как и женские волосы, является метонимией женской идентичности, подчас символом женского страдания и подчинения. В романе именно эта белая грудь, красота ее тела «подписали» смертный приговор Каролине Матильде.

То, чего на короткое время удастся добиться королеве с помощью Струэнсе для себя при диком и патриархальном датском дворе, — это сексуальная, а следовательно, и личная независимость. Этого не могут ей простить ненавистники. Как пишет Лора Браун, в восприятии мизогинной традиции «тело женщины само по себе содержит стремление к сексуальному равенству и социальной незави-

симости, утверждение женской силы и смены половых ролей...»⁹. Что же касается того, что находится за пределами телесного, то в части литературной традиции конца XVII — начала XVIII в. женщине приписывалось отсутствие как ума, так воли и характера. Та же Лора Браун цитирует классициста-просветителя Александра Попа (1688–1744), который пишет о том, что у большинства женщин вообще нет характера: «Nothing so true as once you let fall, / Most women have no Characters at all»¹⁰. И действительно, Энkvист упоминает об этой мнимой бесхарактерности Каролины Матильды: «Она родилась 22 июня 1751 года во дворце Лестер-Хаус в Лондоне и была бесхарактерной... Задним числом все сошлись во мнении, что беда заключалась именно в наличии у нее характера»¹¹. При этом, конечно, оба утверждения, и со знаком плюс, и со знаком минус, — это преподнесенные с иронией цитаты, которыми так любит оперировать автор. Хочется отметить, что в романе «Пятая зима магнетизера» женские образы строятся по сходному принципу. Главная героиня, дочь врача, как бы тоже поначалу не обладает сформировавшимся характером: точнее, она — чистый лист, *tabula rasa*, на котором творец, здесь — Мейснер, может написать все что угодно. Он делает из нее полноценного человека, дарит ей зрение и ощущение жизни. Другой вопрос: удалось ли ему сделать ее счастливой? Две другие героини изображены в романе поистине бесхарактерными, безвольными: Мейснер обращается с ними почти как с ходячими кусками мяса, но никакие унижения и лишения не могут заставить этих двух женщин отвернуться от пророка, каковым они считают Мейснера, т. к. у них есть то, чего ему не хватает, — вера.

Здесь также стоит отметить подход автора к изображению внешности персонажей и ее соотношения с их внутренними качествами. В культуре XVIII столетия огромное значение и вес приобрела портретная живопись. В соответствии с новой философией искусство должно уметь через видимое, т. е. телесное, передать скрытое, внутреннее. Описывая внешность королевы, Энkvист не говорит ничего прямо: он ссылается на ее портрет кисти Джошуа Рейнолдса и воспоминания художника о том, как трудно ему было над ним работать, т. к. модель все время плакала. Почти единственное, что мы узнаем, — это то, что у нее была потрясающая кожа. Передача цве-

⁹ *Brown L.* Op. cit. P. 226.

¹⁰ *Pope A.* Epistle to a Lady. Цит. по: *ibid.* P. 227.

¹¹ *Энkvист П. У.* Указ. соч. С. 62.

та кожи, его оттенков на портрете играла важнейшую роль в живописи того периода. Именно кожа является как бы барьером, границей скрытого, т. е. тела, изображенного на портрете. Портрет должен был вызывать эмоции, а женский портрет — также и чувственное наслаждение у зрителя. Именно на красоту кожи и рук королевы обращает внимание Струэнсе. Он, по его собственным словам, видит в королеве «живого человека» в отличие от всех окружающих. Именно кожа, ее тепло, пульсирующая под ней кровь — воплощение этой жизни. Недаром на вопрос королевы о том, какая она, Струэнсе произнес фразу, ставшую прелюдией к их будущей близости: «Живая... Живой человек»¹².

Сам Струэнсе в романе неоднократно говорит, что не верит в бога, следовательно, не верит и в бессмертие души. Его вера — отражение его профессии врача, которая приближает врача к тайнам человеческого тела ближе, чем кого-либо другого. Струэнсе обвиняли в том, что он воспринимал человека всего лишь как механизм, но представляется, что Энkvист опровергает эти обвинения в адрес своего героя. Автор понимает кредо своего героя так: «Лишь организм способен создать душу, чувства, добро и зло»¹³. Несмотря на то что автор романа, как и его герой, атеист, он постоянно включает в ткань романа обсуждение веры и неверия и оставляет открытым вопрос о необходимости веры. На вопрос вдовствующей королевы о том, какова же конечная цель просветителей, Струэнсе ответил: «Сделать на земле небо»¹⁴. Автор также сравнивает деятельность Струэнсе в Альтоне с деятельностью святого Франциска. Но тело, телесная жизнь в конечном счете стали тем, что погубило врача из Альтоны, который накануне казни пишет, что «считал проявления сладострастия в высшей степени простительными слабостями, если они не имели пагубных последствий для самого человека или же для других»¹⁵. Свое неверие Струэнсе выразил, заявив, что он не боится смерти, но боится боли. Наверное, поэтому усиливается трагическое впечатление от того, как надругались над его телом те, кто его казнил. Струэнсе верил в бессмертие в детях, поэтому в эпилоге так подробно рассказывается о многих поколениях потомков врача, вошедших в королевские дома по всей Европе.

¹² Энkvист П. У. Указ. соч. С. 184–185.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 125–126.

Продолжая сравнивать два романа Энkvиста о XVIII в., нельзя пройти мимо того, что и Мейснера, и его дело, и Струэнсе губят женщины, которым они доверились. При этом совершенно нет оснований обвинять писателя в какой-то женоненавистнической концепции. Скорее наоборот, протагонист сам виноват в том, что выбирает не ту женщину, не может совладать со своей телесной слабостью. Рассказ о «врачебной» практике Мейснера выстроен так, что если сначала есть сомнения в том, истинный ли он целитель или шарлатан, то в конце, когда его власть над женщинами-«пациентами» становится безграничной, сомнений уже нет: женщины его используют, и — хочет он этого или нет — Мейснер становится шарлатаном. Таким образом он сам себя губит, видимо, с каждой новой пациенткой все меньше веря в добро и все больше стремясь к власти над людьми. В итоге Мейснер попадает в тюрьму из-за одной своей пациентки, которая была уличена в симуляции при самых абсурдных и нелепых обстоятельствах: она выдавала куриные кости за кости плода, которые якобы помогал ей выводить при помощи гипноза Мейснер. В романе так и остается непонятым, понимал ли сам Мейснер, что он участвует в обмене или нет.

Минуты поражения и унижения Мейснера по своему идейному наполнению во многом «параллельны» последним дням лейб-медика. В романе 1964 г. все выглядит очень похоже на то, что было описано в романе, написанном в 1999 г.: «Его вывели на лестницу ратуши. Двое стражников стояли у него по бокам. Третий сзади. Видимо, они боятся, что он убежит, — просто смешно. Ведь даже если он убежит, *если убежит его тело* — это не имеет никакого значения. *Главное — та власть, какую он имел над ними. Память о ней стереть не удастся*»¹⁶ [курсив мой. — П. Л.].

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что на протяжении своей долгой и успешной писательской карьеры Пер Улов Энkvист находится в поисках если не идеального, то во всех отношениях достойного протагониста в обстоятельствах, которые позволят проиллюстрировать волнующие писателя вопросы человеческой природы, проблемы власти, строения мироздания. Такими идеально подходящими обстоятельствами и временем, как мы увидели, для него и ряда его талантливых коллег стала Европа во второй половине XVIII в. Что касается самого героя, то Энkvисту явно инте-

¹⁶ Энkvист П. У. Пятая зима магнетизера. М., 2001. С. 239.

ресны люди, владеющие врачебной профессией. Однако для этого писателя, как и для эпохи Просвещения, о которой шла речь, врач — гораздо больше, чем просто лекарь. Врач может взять на себя роль политика или ловца человеческих душ, он проникает в тайны мироздания. Можно вспомнить образы врачей в психологических драмах Ибсена, где они всегда носители рационального начала. Недаром Энквист, продолжая исследовать истоки цивилизации XX столетия, переломную эпоху рубежа веков, обращается, как уже упоминалось, к фигуре доктора Шарко. Образ врача важен для западной культуры и западного мировоззрения в целом. Но врач у Энквиста интересен тем, что он всегда персонаж сложный, развивающийся, терпящий неудачи. Как обладатель знаний о тайне жизни и смерти, или любви и смерти, тайны «границы, на которой находится наивысшее наслаждение»¹⁷, по словам королевы Каролины Матильды, он сам обречен на испытания. К слову, Шарко в романе «Бланш и Мари» (2003) Энквиста умирает сразу же после долгожданного и единственного акта физической любви с Бланш: Эрос и Танатос соединяются.

Можно сделать вывод, что Энквист является тем писателем, который в эпоху постмодернизма, не вступая с этим направлением в открытое противостояние, реабилитирует гуманистические идеи и ценности эпохи Просвещения. Он апеллирует к ее деятелям и демонстрирует пиетет к ним: на страницах романов «Пятая зима магнетизера» и «Визит лейб-медика» мы встречаем имена Вольтера, Дидро, Руссо, Гете. Он также использует тропы и коды этого судьбоносного периода европейской истории и культуры. С другой стороны, Энквист — экспериментатор, ему еще с 1960-х гг. интересны новые приемы в романе. Поэтому у него много постмодернистской иронии, он играет со стилями, повествование часто построено фрагментарно, в его ткань включены как подлинные фрагменты переписки и документы, так и фиктивные. Писателю интересны детали и «маленькая частная правда»: он часто показывает, как на ход важных событий влияют самые незначительные и абсурдные мелочи, — это также характерный постмодернистский взгляд на историю. Однако общий взгляд на природу человека и исторический процесс у Энквиста исполнен незыблемого гуманизма и веры в прогресс и человека. И в этом отношении он, конечно, разговаривает с постмодернистами на разных языках.

¹⁷ Энквист П. У. Визит лейб-медика. СПб., 2004. С. 213.

P. A. Lisovskaya

ON RELATION OF POSTMODERNISM, CHRISTIANITY
AND ENLIGHTENMENT IDEAS IN THE WORKS OF PER OLAV ENQUIST

This article deals with two historical novels by prominent contemporary Swedish author Per Olov Enquist written with thirty years interval. «The Magnetist's Fifth Winter» (1964) and «The Royal Physician's Visit» (1999) are both staged in late XVIIIth century Europe and are saturated with Enlightenment ideas and tropes. The main theme in both novels can be described as «the genius and the crowd», as both protagonists are outstanding personalities and exercise big influence on the surrounding people one being so called magnetist and the other being Danish king Christian the VII's physician.

The main objective of this article is to compare and analyze stylistic and ideological modes of Enquist's pseudo-historical fiction staged in the XVIIIth century Germany and Denmark. The article's point is that Enquist manages to combine and harmonize Enlightenment's humane pathos and values with post-modern modes of depiction as well as with cinematographic technique. Major consideration is given to depiction and role of the human body and to the problem of faith and atheism as they are presented in both novels.



Н. В. Мариева

ТЕМА СЧАСТЬЯ В НОВЕЛЛАХ Й. П. ЯКОБСЕНА

Новеллы датского писателя Йенса Петера Якобсена (1847–1885) представляют особый интерес при рассмотрении творчества этого автора. Публикация первой новеллы — «Могенс» (1872) принесла Якобсену успех и признание, и на протяжении всей жизни он оставался верен этому жанру. Новелла давала возможность кратко выразить мысли, чувства, идеи и образы и быстро находила путь к читателю. Очевидное предпочтение этому жанру объясняется характерной для Якобсена лаконичностью выражения, что также заметно в его романах. Новеллы были опубликованы по отдельности в периодических изданиях в год написания, а затем собраны в сборнике «“Могенс” и другие новеллы» (1882), за исключением фрагмента «Фауст», который был издан уже после смерти автора.

Новеллы «Могенс» (1872) и «Фру Фенс» (1882) представляют собой реалистические произведения с правдоподобным изображением мира, узнаваемым местом и временем действия, психологически мотивированными характерами. В обоих новеллах в центре повествования — главный герой, по имени которого названо произведение, и показан путь героя к самому себе, к утверждению своего права на счастье. В новелле «Могенс» главный герой — наивный молодой человек, который через испытания и страдания приходит к более глубокому пониманию и восприятию жизни. Сюжет представляет собой историю его взаимоотношений с тремя женщинами, и новелла делится, соответственно, на три части. Вначале Могенс знакомится с дочерью юстицсоветника Камиллой, влюбляется в нее, она отвечает ему взаимностью и становится его невестой. Но вско-

ре Камилла гибнет во время пожара: Могенс тщетно пытается помочь ей, но возлюбленная умирает у него на глазах. В изображении реакции героя на это трагическое событие возникает тема, которая будет развита в дальнейшем творчестве Якобсена, — обращение человека к Богу в моменты кризиса и понимание того, что небеса пусты, а человек одинок в своем страдании. Хотя в данной новелле Бог упоминается, но сама проблема отношения к Богу не заостряется; важнее, что герой утрачивает веру в те ценности, которые он ставил превыше всего, — чистоту, любовь, счастье. Он разочаровывается не в Боге (герой отнюдь не религиозный человек), а в законах жизни, которая так несправедливо устроена. Следующая часть новеллы показывает отчаявшегося Могенса, который бесцельно растрачивает свою жизнь в кутежах и общении с продажными женщинами. Читатель узнает о событиях из разговора посторонних лиц о судьбе Могенса. Иронично звучит диалог праздно болтающих сплетников, людей состоятельных и приличных, которые смакуют подробности чужой неудачи и падения. Отказавшись от возможности достойного и разумного существования, герой опускается на самое дно общества и находит удовольствие в таком самоуничижении. Представлен лишь один эпизод этого периода жизни героя — сцена прощания Могенса с содержанкой Лаурой и со всей своей прежней жизнью. Третий этап жизни Могенса связан с молодой девушкой Торой, которая возвращает герою способность любить, надеяться на лучшее, быть счастливым. Заканчивается новелла картиной счастливой семейной жизни.

Важнейшей составляющей в понятии счастья для героя является жизнь в гармонии с природой, таким образом тема счастья здесь оказывается связанной с темой «человек и природа». С самого начала новеллы Могенс изображается как «естественный человек». В первой сцене описан уголок рощи: деревья, трава, насекомые — все изнемогает от жары. Герой (имя не называется до момента знакомства с Камиллой) поставлен в растительный ряд, он лежит под елью и смотрит на небо. Состояние окружающего мира передается человеку — это одновременно расслабленность от летней жары и напряженное ожидание каких-то изменений; беспокойное ощущение показано через внешние действия: «...напевал и прекращал, насвистывал и опять прекращал, поворачивался туда и поворачивался обратно»¹. Не случайно человек здесь поставлен наравне с миром рас-

¹ *Jacobsen J. P. Mogens og andre noveller. København, 1968. S. 10.*

тений — в этот период жизни герой не наделен сложными чувствами, мыслями, его сознание инстинктивно реагирует на происходящие в природе изменения: он не неподвижен, но и не стремится к какой-либо осознанной целенаправленной деятельности. Герой просто находится в данном месте и в данное время. Далее следует описание летнего дождя — фрагмент, который справедливо можно назвать стихотворением в прозе. Возникает образ потока, образованного множеством дождевых капель, и всю эту сверкающую влагу впитывают земля и растения. И опять человек помещен в растительный ряд: он также принимает на себя дождевой поток, впитывает его, совершает неосознанные действия: поднимает ноги, трясет головой и поет во все горло. Песня складывается спонтанно, как импровизация на тему обладания всем, чего человек пожелает. Герой ведет себя странно с точки зрения цивилизованного человека, но его поведение оправдано ситуацией и характером: естественный человек в одиночестве в лесу, чутко реагирующий на состояние природы. Первый эпизод является ярким примером нового описания природы и человека как части этой природы. В городе Могенс уже не так счастлив, хотя Камилла еще с ним, но как естественный человек, вырванный из родной стихии, он недоволен людьми и всем окружающим миром. После пожара и гибели невесты герой утрачивает счастье, веру в добро, в чистоту, при этом он максимально далек от природы. Возвращение к гармонии происходит после знакомства с Торой. Героиня, которую автор сравнивает с певчей птичкой, не просто чувствует природу, но одухотворяет окружающий мир, ей удается вернуть Могенсу веру в себя, в счастье, в природу. Финальное «растворение» влюбленной пары в природе (ранним утром они спускаются с холма и исчезают из поля зрения в золотистой ржи, в окружении пробуждающихся цветов и пения жаворонков) — это и есть искомое счастье для Могенса.

Новелла «Могенс» была воспринята как первое произведение «литературы прорыва» — движения за обновление литературы, возглавленное Георгом Брандесом, который первым заговорил о необходимости «ставить проблемы на обсуждение» и изображать жизнь максимально правдоподобно. В рецензии Эдварда Брандеса на сборник 1882 г. новелла «Могенс» названа «поворотным пунктом в датской литературе»². Новизна новеллы заключается в описании душевного состояния героя: оно передается косвенно, через

² Brandes E. Litterære tendenser. Artikler og Tendenser. København, 1968. S. 58.

слова и поступки, а не через авторские описания. Уже в первом произведении интерес Якобсена к подсознательной душевной жизни проявился в изображении инстинктивных движений человека, неосознаваемых им самим (например, поведение Могенса во время дождя или после пожара в снежном поле). Особенно необычным для того времени было изображение женщины не как прекрасного чистого ангела (что было характерно для романтизма), а как живого человека, наделенного инстинктами и телесным проявлениями. Новое изображение природы, которая не персонифицируется, не наполняется символическим смыслом, но описана объективно и изображена как важнейшее звено в мировом порядке. В первой новелле Якобсена заложено то, что получит развитие в его последующих произведениях: в тематике (человек и природа, поиск смысла жизни, право человека на счастье, человек и бог), в сюжетном построении и стиле. Найденный способ построения повторяется и в романах: в центре — герой, который проходит ряд жизненных испытаний, периоды его духовного развития связаны с отношениями с противоположным полом.

В скандинавской литературе уже в середине XIX в. заговорили о правах женщины, о ее положении в семье и в обществе. Якобсен затрагивает эту проблему в новелле «Фру Фенс». Это история женщины, которая, подобно ибсеновской Норе, утверждает и словами, и поступками, что она не только мать, исполняющая семейный долг и обязанности, но и человек, имеющий право на свободный выбор и право на счастье. Фру Фенс — немолодая женщина, вдова; путешествуя по Италии, она встречает мужчину, которого любила в молодости, но не смогла выйти за него замуж, т. к. он был беден и родители вынудили ее выйти за другого. Теперь фру Фенс свободна, но ее решение соединиться с любимым человеком встречает сопротивление со стороны ее уже взрослых детей. Героиня — очень мудрая и сильная женщина, она утверждает свободу выбора жизненного пути и право на счастье для себя и для других, что проявляется в ее отношениях с детьми. В отличие от Могенса, характер которого показан в развитии, взгляды и представления фру Фенс не меняются на протяжении действия новеллы, она уже зрелый, сформировавшийся человек. Поэтому в новелле нет внутреннего конфликта: героиня полностью уверена в себе и в своей правоте. Основной конфликт можно назвать конфликтом отцов и детей — их различие в возрасте диктует различие во мнениях и жизненных представлениях. Важно заметить, что обычно «дети», т. е. представители молодого поколе-

ния, имеют более свободные взгляды на жизнь, а родители требуют следовать моральным принципам и общественным условностям. Здесь они меняются ролями: мать — за свободный выбор жизненного пути, а ее дети — за соблюдение условностей. Их эгоизм свидетельствует о том, что они не могут воспринимать свою мать как человека, живущего своей собственной жизнью, как женщину, способную любить мужчину. В новелле показана проблема столкновения свободного человека с общественными установлениями, условностями, приличиями, утверждение своей личности через борьбу за право на счастье; в психологическом плане — противопоставление эгоизма и терпимости, самопожертвования. В отличие от новеллы «Могенс», которая заканчивается идиллически, «Фру Фенс» имеет печальный конец. Финал новеллы — письмо матери к своим детям, в котором она просит их о прощении и любви. Ее счастье с любимым человеком — это и несчастье из-за разрыва с детьми, которые не отвечают на письма матери и практически вычеркнули ее из своей жизни. Судьба фру Фенс показывает, что полное счастья в действительности недостижимо.

Могенс и фру Фенс — герои, которые стремятся к счастью при активном утверждении своей личности. Иная ситуация находит выражение в новеллах, изображающих несчастье, неблагополучие. Поведение человека чревато разрушением его личности, это показано на примере судьбы отдельного индивида в новелле «Выстрел в тумане» и человеческого общества в новелле «Чума в Бергамо».

Уже в новелле «Могенс» появляется психологическая ситуация, когда после гибели возлюбленной герой опускается на дно общества, разочаровываясь в идеалах чистоты и справедливости, почувствовав себя «лично обиженным судьбой». Поведение человека, психологически неуравновешенного и обиженного судьбой, в центре внимания и в новелле «Выстрел в тумане» (1875). Герой по имени Хеннинг влюбляется в девушку Агату, но она не отвечает ему взаимностью. Любовь Хеннинга доходит до поклонения, до самоуничтожения, а затем сменяется ненавистью, желанием унижить и отомстить. Хеннингу потребовались годы, чтобы осуществить свою месть: вначале он убивает на охоте жениха Агаты, затем доводит ее до смерти. В новелле создается мрачная атмосфера вырождения, смерти (шесть смертей описано или упоминается в произведении). В финале возникает мистический элемент — призрак умершей Агаты, который душит убийцу Хеннинга. Автор раздела, посвященного творчеству Якобсена, в «Истории датской литературы» Пер Даль пишет, что в финале новеллы «распад

реалистической действительности происходит из-за напряжения чувств героя, осуществляющего месть», и при этом агрессия поворачивается против него самого³. Но здесь возможна психологическая трактовка: все это только кажется безумному герою, который живет одним чувством — сначала любовью, потом желанием отомстить, а когда месть осуществилась, герой теряет смысл жизни и его смерть закономерна. Особое значение получает образ тумана в новелле: туман, как некие высшие темные силы, закрывающие человеку ясное видение вещей, руководит событиями. Образ тумана может воплощать судьбу, то, что находится вне человека, или темные инстинкты, которые таятся в душе человека и над которыми он не властен.

Изображение несчастья как фатальной катастрофы, обрушившейся на город, показано в новелле «Чума в Бергамо» (1882). Произведение представляет собой бессюжетное изображение «несчастного» чумного города. Старый Бергамо — город на вершине горы, окруженный стенами. Это замкнутое пространство, в котором люди оказались перед лицом смерти, при этом главным объектом рассмотрения становятся возможные варианты поведения людей. Действие новеллы показано как смена состояний человеческого общества: первое состояние в прошлом — это порядок, справедливое управление, вера в Бога, который придет на помощь, молитвы, ежедневное посещение церкви, объединение людей в единстве и согласии, взаимопомощь и сочувствие. Стабильное состояние сохраняется в замкнутом пространстве и нарушается вмешательством извне — чумной заразой из Нового города. Первое время люди по инерции поддерживают порядок, но затем, лишившись веры, не могут противостоять ситуации. Второе состояние — в настоящем: всевозможные непотребства, разврат, пьянство, обжорство, богохульство, некромантия, колдовство, вызывание дьявола, крайний эгоизм. Типичная ситуация пира во время чумы под девизом «Наслаждайся сегодня, ибо завтра ты умрешь!» Затем в городе появляется процессия флагеллантов, которые показывают еще один вариант возможного поведения в ситуации чумы: они наказывают себя за грехи еще при жизни, склоняясь перед жестоким ветхозаветным Богом. Таким образом, стабильность замкнутого в себе города вновь нарушена: жителям Старого Бергамо предлагается сделать выбор. В новелле открытый финал — читатель сам может предположить, как будут вести себя люди после посещения бичующихся.

³ Dansk litteratur historie. København, 1985. Bd. 6. S. 250.

Одна из основных проблем в данной новелле — религиозная. Проблема отношения человека к Богу возникает в произведениях Якобсена в ситуации несчастья, а именно в столкновении человека со смертью: происходит нечто, что нарушает спокойствие жизни, несет горе, разочарование, при этом человеку свойственно обращаться за помощью к Богу, и когда Бог не внемлет, человек в отчаянии отказывается от нравственных и религиозных принципов. Это показано на примере поведения отдельного человека (поведение Могенса после смерти Камиллы; в романе «Нильс Люне» смерть молодой родственницы, в которую влюблен главный герой, приводит его к утрате веры), в новелле «Чума в Бергамо» — та же ситуация и подобная реакция на нее, но показан не индивид, а человеческая общность. Кроме того, религиозный аспект в данном произведении связан с образом молодого монаха, стоящего во главе флагеллантов, который рассказывает свой вариант истории распятия Христа (Христос отказывается терпеть крестные мучения и искупать людские грехи, т. к. люди не стоят спасения). В реакции жителей Бергамо на этот рассказ обнаруживается, что они сохраняют веру в Бога, грешат, но не чувствуют своей ответственности, считая, что Христос — их спаситель. Флагелланты возвращаются к ветхозаветному Богу: вместо всепрощения и милосердия — ветхозаветная ситуация Содома (все обречены на погибель, т. к. нет ни одного добродетельного человека). Исходя из взглядов Якобсена, можно предположить, что третий вариант связан с атеизмом, т. е. полным осознанием отсутствия Бога, что означает ответственность каждого человека за свою жизнь, это и есть искомая гармония между двумя крайностями, представленными в новелле.

Новелла «Два мира» (1879) является кульминацией темы счастья-несчастья в творчестве Якобсена. Абсолютное счастье невозможно в действительности, — это показано на примере реалистического образа фру Фенс, но абсолютное счастье и абсолютное несчастье могут быть выделены как некие абстрактные категории, что и получает воплощение в данной новелле. Произведение целиком построено на контрасте, начиная с описания, предвещающего основное действие: на низком берегу реки стоят бедные дома, «как изувеченные нищие», «безнадежно подпертые гнилыми столбамикостылями», «с косым выражением ненавистного горя»⁴, а на противоположном берегу находятся богатые дома, в уютных группах

⁴ *Jacobsen J. P.* Op. cit. S. 73.

или по одиночке на зеленой равнине. Между двумя мирами протекает река, образ которой представляет большой интерес: это граница, не принадлежащая ни тому, ни другому миру, проходящая по ту сторону от каких-либо различий и противоположностей.

Контраст домов, стоящих на разных берегах, продолжается в противопоставлении двух женщин. Одна — слабая, истощенная, с бледным, как воск, лицом, усталым ртом и вертикальными морщинами на выступающем лбу. Женщина с другого берега плывет на лодке, у нее молодое, свежее девичье лицо со счастливой улыбкой и мечтательным выражением ясных глаз. Первую женщину слепит блеск заходящего солнца, вторая вглядывается в темнеющее небо. Мир светлый и мир темный смотрят друг на друга, но только темный мир видит свою противоположность, счастливые слепы по отношению к другим. Далее противопоставление продолжается в оппозиции «больной — здоровый», которая проявляется уже в описании домов. Женщина с низкого берега тяжело больна, она живет с чувством безнадежности, но в постоянном стремлении к выздоровлению (ходит к знахаркам, на святые источники). Наконец появляется возможность поправиться, но это можно сделать только за счет здоровья другого человека. Суеверие, страх, сомнения мучают больную. Ее выздоровление имеет помимо мистического объяснения, в которое верит женщина (бросить вслед здоровой женщине метелку из здельвейсов, кладбищенских папоротников, клока волос, щепки из гроба, чтобы болезнь перешла на нее), реалистическую мотивировку — сильное потрясение и, возможно, лечение нового врача, приехавшего в этот край. Но физическое здоровье не приносит покоя и счастья, что подтверждает вторичное значение оппозиции «больной — здоровый» по сравнению с первичной — «несчастье — счастье». Женщина с низкого берега находит покой только в глубине реки, в смерти, которая равняет счастливых и несчастных, больных и здоровых.

Социальный конфликт не имеет значения в новелле, противопоставления «бедность — богатство», «болезнь — здоровье» даны для усиления первичной оппозиции «счастье — несчастье». В представлении автора человеку дается судьба от рождения и, несмотря на все попытки изменить жизнь, все остается неизменным: счастливые становятся еще счастливее (девушка вышла замуж за любимого человека), несчастным суждены болезни, страдания, муки совести. Видения, преследующие несчастную женщину, можно объяснить реалистически (ее суеверием) и экзистенциально (как крест, пред-

назначенный ей судьбой). Тема счастья здесь воплощается в заостренно-аллегорической форме. О счастье говорят молодые люди в лодке, о нем же поет песню счастливая женщина в финале новеллы. Песня, как и образ реки, находится между двумя мирами, двумя состояниями, но река «отрицает» то и другое, а песня объединяет. Поэтическое произведение наполнено настроением светлой печали из-за невозможности счастья в действительности, но в призрачном замке, где собираются неясные тени, вечно живет мечта о счастье; таким образом, противопоставление «счастье — несчастье» усложняется противопоставлением «мечта — действительность». В этом аспекте тема счастья находит выражение во фрагменте «Из альбома».

«Из альбома» (1882) — импрессионистическая зарисовка, в которой образы и картины создаются на глазах у читателя, по жанру произведение приближается к стихотворению в прозе. Фрагмент написан в условном наклонении: что могло бы быть, когда воображение творит образы из пустоты. Каменная стена сада, с которой должны будут свисать гроздьи роз, разделяет дорогу, ведущую в Рим, и замкнутый мир прекрасного сада и дворца с мраморной лестницей, где беспокойные сердца томятся в условиях унылого повседневного существования. После этого описания говорится: «Можно представить здесь небольшую пьесу. Декорации хорошо подошли бы для нее»⁵. Появляются две актрисы, которые будут играть роль влюбленных пажей. Пажи говорят о силе красоты и любви, о счастье, которое разделяется на земное счастье, стареющее со временем, и счастье, которое дает вечно молодая мечта.

Датские критики и литературоведы уже обращали внимание на тему счастья у Й. П. Якобсена. Например, Эдвард Брандес выделяет в новеллистике писателя в качестве объединяющей тему счастья так, как она представлена в финале новеллы «Два мира». Он пишет, что это «немного грустное и немного надменное сострадание к поиску счастья человеком, ко всем мучениям и разочарованиям, которые он переживает, чтобы достичь той цели, которая кажется ему счастьем»⁶. Ханс Брикс рассматривает творчество писателя также через тему счастья, критик разделяет героев на избранных для счастья и избранных для несчастья⁷. Понятие счастья является ключевым для понимания творчества Якобсена, т. к. оно допускает разнообразные трактовки и

⁵ *Jacobsen J. P.* Op. cit. S. 83.

⁶ *Brandes E.* Op. cit. S. 62.

⁷ *Brix H.* Danmarks digtere. København, 1951. S. 425.

стягивает к себе всю совокупность основных тематических линий в произведениях писателя. Счастье связано с любовью, природой и мечтой, утверждением своей личности, отсутствие счастья — это несправедливость судьбы, смерть, разрушение личности.

Можно выделить два варианта поведения человека, стремящегося к счастью. Первый, когда герои прилагают усилия и достигают искомого счастья, как Могенс или фру Фенс. Второе решение проблемы — фаталистическое, когда никакие усилия не приводят к цели, как например, произошло с несчастной героиней в новелле «Два мира». С этой точки зрения счастье представляет собой частный вариант более широкого понятия, а именно судьбу, законы жизни, Бога, т. е. нечто высшее, не зависящее от воли и желания человека. Проблема отношения человека к своей судьбе и к Богу показана в ситуациях столкновения с несправедливостью или со смертью (например, Могенс, Хеннинг, жители Бергамо). Наблюдается однотипная схема поведения: обращение к Богу в ситуации неблагополучия; разочарование и отчаяние находят выход в отказе от доброго, нравственного, прекрасного. Все три темы (счастье, человек и Бог, человек и судьба) входят как составляющие в глобальную философскую проблему свободы и необходимости. На протяжении всей жизни Й. П. Якобсена волновал вопрос о том, определяют ли высшие силы жизненный путь человека или жизнь каждого находится в его собственном распоряжении и воле. Проблема показана во всей ее сложности и неоднозначности и воплощена в различных образах и ситуациях в новеллах писателя.

N. V. Marijeva

BEGREBET «LYKKE» I J. P. JACOBSENS NOVELLER

Lykke er utvivlsomt et af de centrale emner i Jens Peter Jacobsens (1847–1885) forfatterskab. Begrebet «lykke» undersøges i forskellige situationer og billeder i hans noveller. Lykken står i forbindelse med kærligheden, drømmen og naturen i novellen «Mogens». «Fru Føns» handler om menneskenes ret til lykke. Den anden version er ulykke, der viser sig gennem sygdom, lidelse, uretfædighed og død i novellerne «Skud i Tågen» og «Pesten i Bergamo». I novellen «To verdener» nås højdepunktet i undersøgelsen af emnet. Kontrasten mellem lykke og ulykke er her det vigtigste. Lykken som hovedemnet hører sammen med problemerne: mennesket og naturen, mennesket og Gud, mennesket og skæbnen, mennesket og livets love.

И. М. Михайлова

ОДА ВОНДЕЛА «РЕЙН» И ЕЕ РУССКИЙ ПЕРЕВОД

Русский перевод оды Йооста ван ден Вондела «Рейн» (1630) впервые увидел свет в 1974 г. в томе «Европейские поэты Возрождения» из серии «Библиотека всемирной литературы»¹. Позднее он был напечатан еще дважды: в 1983 г. в сборнике «Из поэзии Нидерландов XVII века»² и в 1988 г. в виде приложения в книге из академической серии «Литературные памятники» «Йост ван ден Вондел. Трагедии»³, — доказательство того, что редакторы и издатели высоко ценят этот перевод. Ода Вондела стала доступна русскому читателю благодаря таланту Е. В. Витковского, который на протяжении десятилетий был и остается крупнейшим популяризатором нидерландской поэзии в России. Им переведены тысячи и тысячи стихотворных строк не одного десятка нидерландских авторов, он — составитель и редактор важнейших сборников нидерландской поэзии, выходящих с 1970-х гг. Величайшим переводческим подвигом Е. Витковского является, несомненно, его перевод трех библейских драм Вондела («Люцифер», «Адам в изгнании» и «Ной»)⁴, вершины нидерландской поэзии XVII в. Нельзя не отметить и его полный перевод «Назидательных картинок» современника Вондела Константейна Хейгенса⁵. О значении деятельности Витковского как пропагандиста нидерландской

¹ Вондел Й. ван ден. Рейн // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 426–430.

² То же // Из поэзии Нидерландов XVII века. Л., 1983. С. 142–146.

³ Вондел Й. ван ден. Трагедии / Изд. подг. Е. Витковский, В. Ошис, Ю. Шичалин. М., 1988. С. 289–295.

⁴ Там же. Р. 5–256.

⁵ Хейгенс К. Назидательные картинки. Томск; М., 2002.

поэзии в России можно прочитать в послесловии Я. П. Хинрихса к этой книге⁶.

Изучение переводов, выполненных мастером, представляет как теоретический интерес для переводоведов, так и практический интерес для всех, кто сам занимается стихотворным переводом. Рассматривая русский вариант оды Вондела «Рейн», постараемся выявить переводческую стратегию Е. Витковского, определить, каким образом он решает следующие дилеммы, стоящие перед переводчиком поэзии:

- Форма и содержание: коль скоро является аксиомой, что в переводе невозможно сохранить размер и рифму оригинала, не произведя опущений и добавлений слов, то чему переводчик должен отдавать предпочтение: форме (в ущерб содержанию) или содержанию (в ущерб форме)?
- Архаичный или современный язык: текст XVII в. воспринимается современным носителем языка как нечто архаичное. Однако в XVII в., когда произведение создавалось, язык звучал современно. Цель переводчика — создать текст, который производил бы на русского читателя примерно то же впечатление, что оригинал на носителя языка. Следует ли ориентироваться на голландца XVII в. или на современного голландца?
- Что делать с непонятными русскому читателю с реалиями и аллюзиями? Имеет ли переводчик право адаптировать текст и приближать к новому читателю, или он может ожидать от читателя, что тот приложит усилия, чтобы мысленно перенестись в незнакомый мир оригинала? (Дилемма, впервые сформулированная Шлейермахером⁷.)
- Что делать переводчику в случае непереводимой игры слов?
- Как поступить переводчику, если он не сумел до конца разобраться в тексте? Следует ли отказаться от перевода, или можно пустить в ход фантазию?
- Чем должен руководствоваться переводчик при выборе текста: мыслью о том, придется ли перевод по душе его соотечественникам, или же слава поэта и авторитетность текста в «стране происхождения» — уже достаточный аргумент?

⁶ Hinrichs J. P. Nawoord // Хейгенс К. Указ. соч. С. 175–176.

⁷ Schleiermacher F. Over de verschillende methoden van het vertalen // Naaikens T. et al. Denken over vertalen. Uitgeverij Vantilt, 2004. P. 47.

Ода Вондела «Рейн» насчитывает 180 строк, или 18 строф по 10 строк. Десятистишная строфа — классическая форма, в которой писались и пишутся оды (одическая строфа)⁸.

Рассмотрим первую строфу оды Вондела (слева приводится оригинал, справа — дословный перевод, ниже — перевод Е. В. Витковского):

- | | | |
|----|--|--|
| 1 | Doorluchte Rijn, mijn soete droom,
Van waer sal ick u lof toesingen?
Mijn treckende geboortestroom,
Ghy koomt uit Zwitersche Alpes
springen, | Светлейший Рейн, мой сладкий
сон/мечта,
С чего начать твоё восхваление?
Моя текущая / привлекающая родная
река,
Ты берешь начало из Швейцарских
Альп, |
| 5 | Als hoofdaer der begaefde Euroop.
De Donau, uw afkeerigh broeder,
Nam Oostwaert op syn' snellen loop,
Ghy Noordwaert; doen een selve
moeder,
Begort van regen ys en sneeuw, | Как главная артерия богатой Европы.
Дунай, твой отвернувшийся от тебя брат,
Побежал быстро на восток,
А ты на север, когда одна и та же мать,
Оплодотворенная дождем, льдом и
снегом, |
| 10 | V baerde voor soo menige eeuw. | Родила вас на столь многие века. |

1 Светлейший Рейн, мечта моя,
Тебя хвалой восславлю новой.
С высоких Альп твоя струя
Артерией материковой

5 Прыжками пролагает путь.
Дунай, твой брат, с тобой простился,
Решил к востоку повернуть,
А ты — на север устремился.
Снега, туманы, облака

10 Вас сотворили за века.

Как мы видим, переводчик сохраняет размер подлинника (четырёхстопный ямб), что логично, т. к. русская ода также подразумевает этот размер. Переводчик сохранил и вонделевскую схему рифмовки (аВаВсDcDee), которая звучит как вариация канонической рифмовки русских од (чаще всего АbАbCCdEEd). Переводчик блестяще сумел найти рифмующиеся слова, прекрасно согласующиеся с содержанием строфы. В целом перевод первой строфы звучит как превосходное русское стихотворение.

⁸ Холишевников В. Е. Основы стиховедения. Л., 1972. С. 122–123.

Однако строгое сохранение формы оригинала не может не сопровождаться неточностями в переводе. Искусство стихотворного перевода в огромной мере определяется именно тем, насколько тонко переводчик способен определить, какие элементы оригинала можно опустить и какие слова в перевод можно добавить ради размера и рифмы, чтобы они соответствовали духу текста. Именно в тактичности, изяществе и внутренней логичности этих вынужденных опущений и добавлений проявляются талант и индивидуальность переводчика. При этом переводоведы различают сознательные и неосознанные отступления от оригинала⁹. Видимо, к последним относятся перевод глагола *springen*, имеющего в 4-й строке значение «бить ключом (о воде)», «брать начало» (откуда развилось сущ. *oorsprong* «происхождение»), словосочетание «прыжками пролагает путь», связанный с более частотным значением этого глагола — «прыгать». Вероятно, своеобразный англицизм кроется в 10-й строке: *voor eeuwen* означает «на века» (т. е. чтобы вы существовали еще много веков), а не «за века» (ср. англ. *for centuries* «на протяжении веков»).

Данная строфа — уникальный случай перевода с сохранением рифмы, практически не сопровождающегося какими-либо сознательными добавлениями, что говорит о высочайшей квалификации и редком даре переводчика. Пропусков же избежать невозможно уже только потому, что русские слова в среднем длиннее нидерландских: оригинал насчитывает 45 слов (не считая чисто служебных), а перевод — только 33. Что же именно выпущено в переводе данной строфы?

Если сравнить нидерландские и русские слова по частям речи, то мы увидим, что опущены в первую очередь прилагательные: *zoete* «сладкая», *begaafd* «богатая», *afkerig* «отвернувшийся», *snelle* «быстрое», а также *zwitserse* «швейцарские». Из существительных опущено лишь два: *geboortestroom* «река, на которой я родился» и *moeder* «мать» (Еуропа «Европа» переведено с использованием приема генерализации как «материк, материковый»). Поскольку данная ода является не объективным повествованием, а лирическим объяснением в любви родной реке, большую роль играют местоимения *ik* «я», (*mij, mijn* «мне, мой») и *gij* «ты» (*u, uw* «тебя, твой»). Частота этих местоимений в переводе данной строфы полностью сохранена. Какие же последствия для художественного целого влекут за собой перечисленные опущения?

⁹ Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004. С. 513–515.

Опущение слова *geboortestroom* «родная река» сразу лишает текст его тональности непринужденной беседы между старыми знакомыми. Исчезновение из текста ряда прилагательных, на наш взгляд, особого урона художественному целому не наносит.

Ода «Рейн», как настоящий барочный текст, написана чрезвычайно искусно и даже изощренно: филигранная игра слов, тонкая двусмысленность, изящные метафоры содержатся в каждой строфе. Важнейший из всех стилистических приемов Вондела в рассматриваемом тексте, имеющий также философскую подоплеку, — это прием *олицетворения* природных явлений (в данном случае Рейна и других элементов физической географии), в целом характерный для XVII в.¹⁰ В первой строфе такое олицетворение проявляется в следующих шести моментах: (1) «я» обращается к реке, используя местоимение второго лица («ты»); (2) «я» задает реке вопрос; (3) в 6-й строке эксплицитно говорится о брате Рейна, (4) в 8-й — о его матери, (5) в 9-й — имплицитно об отце («оплодотворенная»), (6) в 10-й в применении к братьям Рейну и Дунаю используется «человеческий» глагол (мать вас) «родила». В переводе исчезло более половины этих моментов, а именно: (2), (4), (5) и (6), в результате чего существенно снизился антропоморфизм центрального образа.

Второй стилистический прием, впервые используемый в первой строфе и неоднократно встречающийся в дальнейшем, заключается в использовании *риторических вопросов*, которых требовали в ораторских речах правила классической риторики. И третий прием — это *игра слов*. Риторический вопрос в данной строфе можно понять двояко: *vanwaer* «на каком основании (я буду петь тебе хвалы)» и «откуда». Читатель ждет, что поэт приступит к перечислению достоинств Рейна, но Вондел развивает другое значение слова *vanwaer*, тем самым уже со 2-й строки вступая в игру с читателем. Кроме того, причастие *trekkend* в 3-й строке можно понять и как *mij aantrekkend* «влекущий (меня)», и как (*vele landen*) *doortrekkende* «протекающий (через многие земли)». Ни риторический вопрос, ни игра слов в переводе не переданы.

Иными словами, почти вся фактическая информация, содержащаяся в первой строфе оригинала, в переводе сохранилась. Исчезли или оказались значительно ослаблены барочные художественные

¹⁰ *Нестеров А. В.* Символический язык алхимии и поэтика Джона Донна // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5). С. 60–69.

приемы Вондела, некоторые конкретные образы стали абстрактными и расплывчатыми.

Чтобы придать такому разделу переводоведения, как «критика перевода», более объективный характер, М. Л. Гаспаров предложил арифметический метод анализа перевода — метод, который, по мнению его создателя, «может быть шагом к превращению переводоведения из импрессионистического искусства в точную науку»¹¹. Суть его такова: это «простой и грубый, но, думается, для начала достаточно показательный способ измерения точности: подсчет количества знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), сохраненных, измененных и опущенных/добавленных в переводе по сравнению с подстрочником. <...> Эти цифры достаточно убедительно показывают, на чем основывается наше интуитивное ощущение, что <...> один перевод «точный», а другой «вольный». По этим примерам легко вывести два показателя, которые, как кажется, могут характеризовать перевод в целом: показатель точности — доля точно воспроизведенных слов от общего числа слов подстрочника, и показатель вольности — доля произвольно добавленных слов от общего числа слов перевода (и то и другое — в процентах). <...> Оба показателя дополняют друг друга, порознь они давали бы картину неполную: можно, например, представить себе перевод, старательно сохраняющий слова подстрочника, но еще старательнее заглушающий их множеством произвольных добавлений»¹².

Для перевода первой строфы оды Вондела «Рейн» коэффициент точности по существительным составляет 70%, а коэффициент вольности — лишь 20%; по всем частям речи усредненно — соответственно 50% и 30%. Это уникально благоприятные показатели, что становится ясно при сравнении их с коэффициентами, полученными М. Л. Гаспаровым при анализе множества переводов с самых разных языков.

Интересно сравнить достоинства перевода первой строфы с переводом других строф «Рейна» и попытаться ответить на вопрос, на каких конкретных деталях основывается интуитивное восприятие перевода как «удачного» или «менее удачного», и насколько такое восприятие имеет под собой объективные основания? Для сравне-

¹¹ Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 372.

¹² Там же. С. 364–365.

ния были выбраны 5-я и 6-я строфы, при чтении которых возникает ощущение какого-то нарушения логики.

- 41 Ghy schreide met een heesche keel Ты взывал хриплым горлом
Den hemel aen, om troost verlegen; К небесам, нуждаясь в утешении,
Die sond u Karel, 't Rijksjuweel: И они послали тебе Карла, жемчужину
Dees kon d'onveilige oevers veegen империи,
Который смог очистить небезопасные
берега
- 45 Van onduitsch en baldaedigh schuim, От негерманской и незаконной пены,
Gelijck uw Constantijn voorheenen. Как ранее это сделал Константин.
Doen kreeght ghy uwe randen ruim, Тогда ты получил (назад) свои
En saemelde uw verstroide steenen, широкие берега,
En saeght dien held vol godesvrucht И собрал свои разбросанные камни,
И увидел, как этот богобоязненный
герой
- 50 Syn' lusthof planten in uw lucht. Насадил свой дивный сад близ тебя.
O onvermoeide molenaar, О неутомимый мельник,
O stedebouwer, schepedrager, О градостроитель, о несущий суда,
O rijxgrens, schermheer in gevaar, О государственная граница,
Wijnschenker, veerman, oeverknaeger, защитник в опасности,
Виночерпий, паромщик, подрыватель
берегов,
- 55 Papiermaecker, schaf papier, Бумагоделатель, дай бумаги,
Daer ick uw glori op mag schrijven, На которой я мог бы написать тебе
Uw water dat ontvonckt mijn vier. славу,
Mijn sinnen in uw wedde dryven, Из воды, которая зажигает мой огонь.
En spelen als een dartle swaen, Мои мысли плавают по твоей
поверхности
И играют, словно резвый лебедь,
- 60 Verleckert op uw wijngerdblaen. Мечтающий поест твоих виноградных
листьев.

41 Мольбам о мщении Творец
Внимал и твой возвысил жребий —
Сам Карл Великий, наконец,
От злобных варварских отребий

45 Сумел очистить берег твой.
Преемник славы Константина,
Он рейнской овладел землей,
Слагая камни воедино, —
И создал сад среди теснин

- 50 Благочестивый властелин.
 О мукомол, о винодел,
 О землекоп, градостроитель,
 О мастер оружейных дел,
 О смелый лощман и воитель,
- 55 Бумагоделатель, молю,
 Бумагу дай для этой оды,
 Горжусь тобой и восхваляю
 Твои стремительные воды, —
 Так лебедь резвый хмелю рад,
- 60 Вкушая рейнский виноград.

В предшествующей 4-й строфе говорилось о жестоком гунне Атил-ле, царившем на берегах Рейна: поэтому в 41-й строке Рейн и вызывает к небесам. При чтении данного фрагмента возникает четыре вопроса, на которые русский текст не дает ответа. Во-первых, каким образом Карл Великий, знаменитый король *франков* VIII в., может быть «преемником славы Константина», который был *римским* императором IV в.? Во-вторых, строки «он рейнской овладел землей, слагая камни воедино», создают впечатление, что складывание камней — это способ отвоевания земли, что странно. В-третьих, в строках 51–55 непонятно, почему бумагу для оды приходится просить у такого множества ремесленников. В-четвертых, непонятно сравнение поэта с хмельным лебедем.

Оригинал дает ответы на эти загадки. Карл сравнивается с Константином потому, что оба они, каждый в свое время, очистили берега двух разных рек (Константин — Тибра, см. 2-ю строфу оды, Карл — Рейна) от нехристиан. Русскому читателю здесь несомненно требуется исторический комментарий, которого, к сожалению, не дается. Секрет «складываемых воедино» камней состоит в том, что в оригинале их собирает Рейн, а не Карл, и слова «собирать камни» использованы Вонделом, вероятно, ради переносного значения, отсылая к библейской цитате «Время разбрасывать камни, время собирать камни» (Еккл., 3,5): с приходом Карла Великого для Рейна начался конструктивный период истории. Что касается перечисления ремесленников, то по оригиналу уже скоро становится ясно, что все перечисляемые существительные являются обозначениями разных функций Рейна. Это следует, во-первых, из того, что из девяти существительных три (*schepedragger*, *rijksgrens*, *oeverknager*) не могут относиться к людям, зато все девять применимы к реке. Из перечислен-

ных русских существительных, наоборот, некоторые лишь с огромной натяжкой могут относиться к реке (землекоп, мастер оружейных дел, воитель), зато все они могут обозначать людей. Но не менее важен и другой фактор. В предшествующих этому перечислению пяти строках оригинала (46–50) подлежащим выступает только местоимение второго лица *gij* «ты», которое повторяется здесь в разных формах 5 раз. Это создает инерцию, и читатель чувствует, что и в следующей строфе поэт обращается к тому же лицу, т. е. к реке. В русском же переводе в этих же строках подлежащим оказывается Карл (3-е лицо), а местоимение 2-го лица не употреблено ни одного раза. Сравнение поэта, в тиши своего кабинета с пером в руке восхваляющего Рейн, с хмельным лебедем на водной глади также становится понятным, если обратиться к оригиналу. Здесь сравнение состоит из трех элементов: размышления о Рейне сравниваются с плаванием мыслей по рейнским волнам, и уже эти покачивающиеся на волнах мысли сравниваются с лебедем, мечтающим о виноградных листьях.

При переводе данных строф было утрачено еще несколько характерных для барочной поэтики Вондела элементов. Как уже указывалось, намного больше, чем в первой строфе, ослаблено олицетворение, одушевление реки, которая здесь перестает быть центральным действующим лицом. Пропала игра слов в 45-й строке: *schuim* в буквальном смысле означает «пена» («речное» слово), а в переносном — «отребье». И наконец, исчез изящный, имеющий философскую подоплеку¹³ оксюморон в 57-й строке: вода, вместо того чтобы гасить огонь, разжигает своей искрой поэтическое пламя.

Применив арифметический метод М. Л. Гаспарова, получаем коэффициент точности 35%, коэффициент вольности 50%. Хотя эти показатели, как и следовало ожидать, менее благоприятные, чем для первой строфы, они значительно превосходят средние показатели, полученные нами при анализе переводов других переводчиков XX в. с нидерландского языка, и полностью укладываются в рамки, вычисленные М. Л. Гаспаровым по переводам с английского, немецкого и французского языков¹⁴.

В заключение ответим на вопросы, заданные в начале статьи к русскому переводу оды «Рейн».

¹³ Есть все основания предположить, что этот оксюморон имеет ту же философскую основу, что и образ воспламеняющей воды и орошающего огня в стихах Джона Донна: *Нестеров А. В.* Указ. соч. С. 62.

¹⁴ *Гаспаров М. Л.* Указ. соч. С. 370–371.

- Форма и содержание. Перевод оды «Рейн» полностью сохраняет все особенности строгой формы оригинала и выполнен на высочайшем уровне с точки зрения стихотворной техники. Разумеется, в русском тексте переданы не все элементы смысла и стиля подлинника, однако по сравнению со «среднестатистическим» стихотворным переводом перевод Е. Витковского отличается высокой точностью. Интуитивное ощущение, что в 4-й и 5-й строфах русский текст отходит от оригинала несколько дальше, чем в первой, полностью подтверждается арифметическим методом. Потери, неизбежные при переводе стихов в рифму, относятся к сфере не фактического содержания текста, но к сфере стилистических приемов, которыми изобилует эта барочная ода.
- Архаичный или современный язык. Е. Витковский — сторонник архаизации текста перевода. В его переводе «Рейна» архаизмы встречаются почти в каждой строке («восславлю», «сотворил», «внимал», «жребий», «отребий», «слагая», «теснины», «вкушая» и т. п.). Известно, что, прежде чем приступить к переводу драм Вондела, Е. Витковский основательно изучил архаичный русский язык А. Сумарокова (1717–1777)¹⁵.
- Реалии и аллюзии. В большинстве случаев то и другое сохраняется в переводе и комментируется в примечаниях. Сравнение разных изданий оды «Рейн» показывает, что оптимальный случай — это составление примечаний самим переводчиком, т. к. только в этом случае примечания действительно помогают воспринимать текст. Переводя сложные тексты, обладающие большой культурно-исторической ценностью, переводчик имеет право ожидать от читателя, что тот в свою очередь приложит усилия для его понимания.
- Характерная для Вондела барочная игра слов в переводе полностью утрачивается.
- Если переводчик не до конца разобрался в тексте, это не значит, что от перевода надо отказаться. Впрочем, в наше время, когда переводчик может пользоваться Интернетом и консультироваться со специалистами по электронной почте, найти ответы на любые вопросы намного проще, чем 30 лет назад, когда переводилась ода «Рейн».

¹⁵ Балашов Н. И. Вондел в западноевропейской литературе XVII века // Вондел Й. ван ден. Трагедии. С. 429.

- На вопрос о том, должен ли переводчик при выборе текста ориентироваться на вкус читателя или на литературные достоинства оригинала, Е. Витковский дает недвусмысленный ответ всей своей деятельностью, переводя сложные для понимания классические тексты.

I. M. Mikhaylova

VOONDEL'S ODE «THE RHINE» AND ITS RUSSIAN TRANSLATION

The article deals upon the Russian translation of Vondel's ode «De Rijnstroom» by E. V. Vitkovsky. E. V. Vitkovsky is the most famous and brilliant translator of the Dutch poetry into Russian who started his activities in the 1970-ies. The article analyses the perfect translation of the first strophe of «De Rijnstroom» and the less perfect translation of the fourth + fifth strophe of the ode. The general impression of the translation is verified by the arithmetical analysis suggested by M. L. Gasparov which shows that the 1st strophe is really exactly translated, while the «precision index» of the 4th + 5th strophe is not so high. In general, the factual contents of the original is translated very well, but Vondel's typical baroque stylistics got lost. Vitkovsky's versification is ideal, the archaic Russian of his translation is rich and beautiful, but a rhymed and rhythmic translation can never be absolutely exact.



Н. А. Пресс

РОЛЬ СИМВОЛА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ СТИГА ДАГЕРМАНА

Ранний период творчества Стига Дагермана некоторые исследователи, такие как Кай Хенмарк и Жорж Перье, небезосновательно называют символистским, ограничивая при этом данный период хронологическими рамками с 1945 г. (момента выхода первого романа «Змея») до весны 1947 г. (включая в него, таким образом, роман «Остров осужденных» и пьесу «Осужденный на смерть»). Анализировать первые романы Дагермана, не обращая при этом к многозначному понятию символа, представляется практически невозможным, поэтому необходимо осветить данную проблематику в первую очередь в двух аспектах — символ как характеристика произведения в целом (идейный уровень) и символ как троп (стилистический уровень). В силу специфики текстов Дагермана эти два уровня порой отличаются столь высокой степенью интеграции, что четкое проведение границ между ними становится едва ли возможным. Но тем не менее некоторое разделение, пусть и формальное, необходимо.

Д. К. Купер в предисловии к монографии «Символы» пишет о символах как об одном из главнейших инструментов познания, отмечая также, что символы являются «древнейшей изначальной формой выражения, формой, которая открывает те стороны реальности, которые невозможно зафиксировать в каком-либо другом языке»¹. Поскольку литература, в свою очередь, также является одним из важ-

¹ Cooper D. C. *Symboler*. Göteborg, 1995. S. 5.

нейших способов познания себя и окружающего мира, значение символа для литературы переоценить невозможно. Как это часто происходит с казалось бы общепринятыми понятиями, само понятие «символ» вызывало и вызывает множество дискуссий. В рамках данной статьи не представляется возможным представить всю историю развития концепции символа в литературоведении (как это делает, например, Инге Юнссон в своем фундаментальном исследовании «В доме символа. Девять глав истории литературного понятия»), поэтому основное внимание будет уделено концепциям, наиболее релевантным непосредственно для изучения ранних романов Дагермана.

Называя раннее творчество Дагермана, в частности два его первых романа, символистским, необходимо уточнить, что под обозначением «символистский роман» будет пониматься такой тип романа, доминирующую роль в котором играет некий символ, приобретающий глобальный для произведения смысл. Значение такого символа может проявляться на нескольких уровнях — композиционном, стилистическом и идейном. Символ подобного глобального значения, как пишет Эрланд Лагеррот в книге «Роман в руках. Чтение, изучение и понимание эпических произведений», указывает на то, что автор не случайно избирает именно такой тип романа, т. к. значение символа тяжело поддается однозначному, четкому определению. Символ, как правило, указывает на ту часть человеческого существования и бытия вообще, которую нельзя целиком и полностью объяснить и зафиксировать в слове: «...автор избирает символическую форму именно потому, что он хочет поднять соответствующую тему или проблему»². Примером подобного типа романов Лагеррот считает, в частности, такие романы, как «Моби Дик» Мелвилла, «Степной волк» и «Игру в бисер» Гессе, «Сердце тьмы» Конрада, «Замок» Кафки. Лагеррот также отмечает сравнительную редкость подобного рода романов в шведской литературе, ограничиваясь лишь кратким упоминанием о работах двух фюртиоталистов — Вальтера Юнгквиста («Источник», «Азалия») и Стига Дагермана («Змея», «Остров осужденных»).

Для романов такого рода характерно наличие центрального символа, часто отраженного непосредственно в названии романа, который может быть в некотором роде важнее для повествования, чем

² Lagerroth E. Romanen i din hand. Att läsa, studera och förstå berättarkonst. Ystad, 1976. S. 125.

само действие и развитие характеров персонажей, что, однако, не исключает возможности его исследования именно с помощью анализа сюжета романа. Притягательность символистских романов заключается в высокой степени интегрированности центрального символа романа во все уровни текста романа, нередко именно символ становится также композиционной образующей романа, соединяющей его воедино и придающей ему истинную целостность. В монографии «Литературный символ», посвященной исследованию различных функций символа в романе XX в., Уильям Йорк Тиндалл отмечает взаимную важность символа и контекста, в который он помещен: «Ни один содержательный образ не может существовать без контекста, и каждый образ несет в себе часть контекста, в который он заключен»³.

Анализ различных проявлений символа на разных уровнях романа представляется значительно более важным, чем непосредственно трактовка символа как такового, что, впрочем, также необходимо. Тиндалл неоднократно подчеркивает значимость рассмотрения символа как самостоятельной реальности: «Символ в тексте не является знаком, указывающим на что-то иное, занимающим место этого иного или обозначающим его, а знаком, отражающим себя самого с помощью всего им созданного»⁴.

Рене Уэллек и Остин Уоррен также особо подчеркивают самоценность символа, не сводя его характеристики лишь к функции связующего звена между двумя реальностями, в которых существует текст: «В теории литературы представляется желательным использовать этот термин в следующем значении: объект, указывающий на другой объект, но при этом требующий внимания сам по себе, как самоценное представление»⁵.

Уэллек и Уоррен также задаются вопросом, в чем же состоит существенная разница между символом, метафорой и образом, и приходят к выводу, что основное отличие символа состоит в его «повторяемости и устойчивости»⁶. Авторы также выделяют три типа символизма: личный, традиционный и естественный. Эти три типа редко встречаются в чистом виде в силу вовлеченности любого человека в систему общечеловеческих символов, в силу принадлежно-

³ *Tindall W. Y. The literary symbol. Indiana, 1955. P. 9.*

⁴ *Ibid. P. 19.*

⁵ *Wellek R., Warren A. Theory of literature. N. Y., 1949. P. 193.*

⁶ *Ibid. P. 194.*

сти любого писателя (в большей или меньшей степени) к определенной литературной традиции. Символ в ранних романах Стига Дагермана, бесспорно, представляет собой сплав всех трех типов, но именно благодаря ярко выраженному доминированию личного типа над естественным и традиционным символы обретают особую, магическую силу, не отпуская внимание читателя на протяжении всего текста.

Несмотря на разнообразие символики на страницах романов «Змея» и «Остров Осужденных», представляется уместным остановиться прежде всего на доминирующих символах, отраженных непосредственно в названиях романов. В дебютном романе «Змея» образ змеи играет, несомненно, важнейшую роль на всех трех потенциально возможных уровнях проявления символа — композиционном, стилистическом и идейном.

Образ змеи может быть рассмотрен как пример и «естественного», и личного символизма. Дагерман использует образ змеи в традиционном, универсальном смысле, особо выделяя некоторые аспекты этого многообразного символа, в той или иной форме представленного во всех мировых культурах. Прежде всего, змея является символом страха, неосознанного и потому еще более опасного. Интересен тот факт, что в христианской символике змея имеет двойственное значение, символизируя «и Христа, как мудрость, и Дьявола в его подземном проявлении. Змея символизирует также силу зла, которую человек должен победить внутри самого себя»⁷. Таким образом, змея, с одной стороны, символизирует деструктивный аспект страха, а с другой — потенциально несет в себе и возможность развития, внутреннего роста. Однако этот созидательный аспект будет лишь обозначен во втором романе, «Остров осужденных», когда альтер эго автора, Лука Эгмон (неслучайно носящий библейское имя), сравнивая себя с Христом, который принимает на себя страдания и вину всего человечества, сначала предложит в качестве символа, который герои собираются вырезать в скале, именно змею. Но, поддавшись своему антагонисту, капитану Уилсону, затем все-таки оставляет эту идею.

В то же время образ змеи получает столь важное место в первом романе Дагермана в первую очередь благодаря личному опыту писателя, без которого подобная интенсивность и лихорадочная напряженность символа вряд ли была бы возможна. Два факта из био-

⁷ *Cooper D. C. Op. cit. S. 142.*

графии Дагермана, безусловно, сыграли важную роль для последующего возникновение в его текстах образа змеи. Первый факт, упоминаемый, в частности, Юханом Кульбергом в его психоаналитической трактовке творчества Стига Дагермана, — детское воспоминание об увиденной им змее, до смерти напугавшей ребенка. Тем не менее сводить последующее использование Дагерманом этого символа в своем творчестве исключительно к последствиям этого детского впечатления, пусть и сильно повлиявшего на писателя, представляется неуместным. Второй эпизод, имеющий непосредственную связь с написанием романа, произошел во время прохождения Дагерманом воинской повинности в Вэстерханинге в 1945 г. Один из солдат, с которым Дагерман жил в одной казарме, принес с полевых учений змею, которая затем неожиданно исчезла, вызвав панику среди солдат, боявшихся ночью обнаружить ее в своей постели. Как отмечает английский исследователь Лори Томпсон, «произошедшее произвело большое впечатление на Дагермана, и он положил этот эпизод в основу сюжета своего первого романа, “Змея” <...> однако, делая змею, стандартный символ страха, центральным символом книги, Дагерман не сводит ее значение лишь к иллюстративному образу подавленного страха, владеющего солдатами нейтральной в политическом отношении страны»⁸.

Таким образом, в текстах Дагермана змея как символ является как частью биографического контекста, так и частью универсального контекста общечеловеческой системы символов на идейном уровне. Кроме того, образ змеи также оказывается важной композиционной образующей романа, получившего критические отзывы во многом из-за своей на первый взгляд нестройной, несбалансированной двухчастной композиции романа. Первая часть романа, «Ирен», может рассматриваться как самостоятельное повествование, вторая же часть, «Мы не можем спать», представляет собой семь отдельных новелл, объединенных общей темой и общими героями. В немалой степени именно благодаря символу змеи, постоянно возникающему как в первой, так и во второй части, автору удается создать цельное произведение, которое держит читателя в постоянном эмоциональном напряжении с первой до последней страницы.

На стилистическом уровне образ змеи используется автором в многочисленных метафорах и сравнениях, которыми насыщен текст. Образ все время балансирует на тонкой грани между реальностью,

⁸ *Thompson L. Stig Dagerman. Boston, 1983. P. 15.*

появляясь в виде реальной змеи, и внутренним миром героев, в частности в их снах и галлюцинациях. В кошмарном сне Билла, одного из главных героев первой части романа, когда он видит, как целуются Ирен и сержант Буман, и хочет отомстить им, вновь неожиданно возникает образ змеи: «Но он не мог решить, с какого расстояния надо бросать, и пока он кружил вокруг них, граната стала обжигающе горячей, зашипела и в конце концов взорвалась у него в руке. Боли он не почувствовал, но, посмотрев на осколки гранаты, он к своему ужасу обнаружил, что его рука превратилась в клубок извивающихся змеек. Он мгновенно покрылся холодным потом, проснулся и выбрался из кровати»⁹.

В журнале «*Norstedts Nyheter*» от 10 октября 1946 г. была опубликована статья Дагермана, в которой сам автор анонсирует свой роман «Остров осужденных» за несколько дней до его выхода в свет. В этой статье он дает подробное обоснование того, почему местом действия романа был избран именно необитаемый остров. Хронотоп острова представляется автору наиболее интересным с точки зрения потенциальной возможности раскрытия избранной им темы: необитаемый остров, в отличие от обыденной действительности, выступает как «нейтральная сцена». В этом состоит его несомненное преимущество, т. к. символические действия и события, которыми изобилует пространство романа, показаны с повышенной контрастностью. «Остров — символ, конечно, если под символом понимать результат вынужденного уменьшения, которому приходится подвергнуть людские страдания, для того чтобы их вообще было возможно пронаблюдать, понять, сразиться с ними на уровне возможного»¹⁰.

Зачастую автор наделяет остров «собственным существованием», превращая его в живое существо: «...и песок круглой пленкой лежит, словно невидящий глаз, на безмятежной поверхности лагуны, и этот невидящий глаз — единственный счастливый глаз острова, он не видит тень останков корабля, просвечивающую со дна лагуны, не видит два могильных холма, воздвигнутых над двумя надеждами, от которых никто ничего не ожидал, и поэтому их оплакивают еще горестней, не видит огня, который медленно затухает, потому что слишком давно никому не было холодно, не видит ужасных видений, которые то и дело вспыхивают летучими мышами в поле зрения, призраков самых больших страхов каждого из них, которые

⁹ *Dagerman S. De dömdas ö. Stockholm, 1991. S. 25.*

¹⁰ *Ibid. S. 294.*

зловеще улыбаются им...»¹¹. Остров словно является увеличительным стеклом, в котором отражаются все страхи, все чувства, следующие героев.

Шесть из семи глав первой части романа (за исключением первой главы, посвященной Луке Эгмону) начинаются с экспозиции, описывающей, как выглядел остров в то или иное время суток, и вместе с тем сообщаящей читателю основные сведения о герое, которому посвящена глава. Так, например, глава «Вечернее желание», посвященная англичанке, начинается с описания вечера, а точнее — его отсутствия на острове, что сразу задает тон для дальнейшего описания внутреннего конфликта героини: «Нет, вечеров на острове, конечно, не бывало. После недолгих зеленоватых сумерек на остров, словно смертельно уставший орел, опускающийся на свою скалу, обрушивалась ночь, и вокруг воцарялась непроглядная чернота. Иногда, если необходимо было прогуляться, можно было попробовать сориентироваться по звездам, от которых сквозь космос падали тонкие, хрупкие да почти выдохшиеся полоски света; неуверенные и почти не желающие достичь своей цели, они лишь с упрямой горечью подчеркивали то, что темнота была ночной темнотой, безнадежной, вечной ночью»¹².

Остров, как символ одиночества и изоляции, оказывается тюремной камерой для шестерых героев, в то время как для главного персонажа, Луки Эгмона, остров становится единственным местом на земле, где он находит силы остаться верным самому себе, победив в борьбе с собственным эскейпизмом, в большой степени благодаря тому, что, оставшись наедине со своим страхом, он обретает более глубокое понимание смысла человеческого существования.

Символ, без сомнения, является одним из главных художественных средств, с помощью которых Дагерману удалось создать неповторимую, целиком поглощающую читателя атмосферу в романах «Змея» и «Остров осужденных». Символ — осознанно или нет — становится для писателя своеобразной стратегией текста, придавая ему многоуровневость и неоднозначность, давая повод для различных трактовок текста. Центральные символы обоих романов совмещают в себе два типа символов, которые выделяет Умберто Эко в сборнике эссе «Мысли о литературе»: «...символ может быть либо чем-то очень четким (однозначным выражением определенного со-

¹¹ *Dagerman S.* Op. cit. S. 203.

¹² *Ibid.* S. 132.

держания) или чем-то очень расплывчатым (многозначным выражением неясного содержания)»¹³. За кажущейся простотой и однозначностью символа у Дагермана скрывается иная реальность, целый мир, живущий по своим собственным внутренним законам, не поддающийся четкой расшифровке. Эта реальность является предметом, достойным как пристального внимания читателя, так и литературоведческого анализа, при котором, однако, сложно избежать полного погружения в нее. По словам самого писателя, внутри сознания каждого человека есть важная часть, которая не пользуется символами, а существует благодаря им, «которая руководствуется символами, которая живет в мире символов, которую мы презираем за то, что она не реальна, как будто есть что-то почетное в том, чтобы быть реальным, быть верным своей реальности, когда есть так много иных реальностей, которым гораздо важнее хранить верность»¹⁴.

N. A. Press

SYMBOLENS ROLL I STIG DAGERMANS TIDIGA FÖRFATTARSKAP

Symbolen är ett av de mest komplicerade och mångartade begreppen inom litteraturvetenskap. Stig Dagermans två första romaner «Ormen» och «De dömdas ö» visar en ovanlig symboltäthet på alla textens nivåer och kan betraktas som ett bra exempel på de få «symbolistiska romaner» som kom till i Sverige på 1940-talet. Att analysera symboliken på både metafysisk och stilistisk nivå är således oerhört viktigt för att få en djupare förståelse av dessa texter, speciellt med tanke på romanernas specifika metaforer och symboler som genomsyrar texterna såväl innehållsmässigt som rent språkligt.

¹³ *Eco U.* Tankar om litteratur. Falun, 2004. P. 126.

¹⁴ *Dagerman S.* Op. cit. S. 260.



А. А. Салтыков
РОМАН ЙОХАННЕСА В. ЙЕНСЕНА
«ХРИСТОФОР КОЛУМБ»

Роман «Христофор Колумб» принадлежит перу одного из самых оригинальных и талантливых представителей датской литературы XX в. — Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950). Произведение вышло в свет в 1921 г. и стало завершением эпического цикла «Долгий путь» (1908–1922), отмеченного в 1944 г. Нобелевской премией. Цикл «Долгий путь» — это шесть самостоятельных произведений, которые, согласно авторскому замыслу, объединены в единое целое и образуют художественное повествование об истории развития человеческого общества от доледникового периода до эпохи Великих географических открытий в свете эволюционной теории Ч. Дарвина.

Сразу после издания роман «Христофор Колумб» получил широкое признание как среди литературных критиков, так и рядовых читателей. Сбор от его продажи принес автору баснословный по тем временам гонорар — порядка 1 млн датских крон в пересчете на современные деньги. Любопытно, что произведение было написано в рекордно короткий срок — за полтора месяца. К моменту его создания автор уже выпустил в свет четыре романа, ставшие частями цикла: «Потерянная земля» (1919), «Ледник» (1908), «Норне-Гест» (1919), «Корабль» (1912); как роман «Поход кимвров» был написан годом позже — в 1922 г.

Роман «Христофор Колумб» состоит из трех частей: «Собор», «Каравелла», «Мертвый корабль». Он является итогом эпопеи, что отчасти обуславливает сложность его композиционного построения¹.

¹ Nedergaard L. Johannes V. Jensen: Liv og forfatterskab. København, 1993. S. 423.

В рамках произведения Йенсен анализирует не только конкретный исторический сюжет — плавание Христофора Колумба, но и дает подробный анализ событий всего цикла, обращается к другим частям эпопеи, рассматривая процесс развития человеческого общества, отображенный в произведении, на новом аналитическом уровне. Сюжетным ядром произведения является повествование об открытии Америки Христофором Колумбом. Параллельно автор обращается к рассмотрению исторического портрета Колумба, оценивает его вклад в развитие цивилизации. В рамках повествования Йенсен приводит рассказ о «первом пришествии» — жизни Норне-Геста, героя предыдущих романов цикла, среди американских племен.

Значительный фрагмент произведения посвящен документальному рассказу о трагических событиях, последовавших за открытием нового континента, когда молодые испанские искатели легкой наживы — конкистадоры — приплывали на вновь открытые земли с целью найти золото, уничтожали при этом целые народности северо- и южноамериканских аборигенов, вывозя их в Европу в качестве рабов.

Являясь итоговым произведением цикла, роман «Христофор Колумб» также изобилует философскими обобщениями автора. Йенсен окончательно формулирует свои воззрения относительно развития человеческого общества в соответствии с законами развития природы. Эволюционная теория Чарльза Дарвина, как отмечают многие исследователи, становится здесь универсальным средством познания и объяснения всех явлений действительности².

Одной из центральных сцен произведения является патетическое описание встречи двух цивилизаций (европейской и коренной американской), происходящих изначально от одного так называемого готического корня. Йенсен представляет здесь аллегорическую сцену встречи двух братьев, Лесовика и Ледовика.

...после многовекового перерыва Лесовику предстояло встретиться со своим братом Ледовиком... один нагой, в чем мать родила, с душой ребенка, еще погруженный в сладкий сон в опочивальне матери-природы, другой — облаченный в кольчугу, закутанный в одежды, как требовали условия его жизни³.

² *Stangerup H., Billeskov-Hansen F. J. Dansk litteraturhistorie. København, 1967. Bd. III. S. 482.*

³ *Йенсен Й. В. Избранные произведения. М., 2000. С. 354.*

Природное явление — ледник — много тысячелетий назад разделило некогда единое население северной Европы. Основным признаком разделения, согласно культурно-исторической концепции писателя, стало использование огня.

По мнению автора, роль биологического фактора в процессе развития человеческого общества является одной из основополагающих и характеризует специфику «готической расы». При этом Йенсен отмечает «готические» черты в образах практически всех героев романа. И Христофор Колумб, и экипаж «Санта-Марии», и жестокие конкистадоры принадлежат, с точки зрения писателя, к потомкам жителей севера, являются носителями их основных характерных черт, передававшихся из поколения в поколение.

Причисляя своих героев к потомкам «готической расы», Йенсен руководствуется как их психологическими, так и физическими характеристиками. Через все романы, составляющие цикл «Долгий путь», писатель проводит мысль об универсальности биологического развития в природе, сравнивает процесс развития цивилизации с поэтапностью становления человеческой личности. Эта идея также находит окончательное оформление в данном романе. Здесь писатель обращается к древнескандинавскому мифологическому образу дерева мира Игдрасиль, корни которого находятся в Скандинавии, а ветви простираются над всей Европой.

При работе над романом Йенсен использовал многочисленные исторические и археологические материалы, мемуары участников описываемых событий. Например, писатель приводит в рамках произведения цитаты из воспоминаний Берналя Диаса, одного из конкистадоров гидальго Кордовы, — «Истории завоевания Мексики», которые он сравнивает с «Илиадой» Гомера.

...время действия гораздо ближе к нам, а действие полно того же героизма, и сами герои почти знакомы нам⁴.

Опираясь на исторические источники, писатель приводит точное описание религиозного культа и различных традиционных обрядов племени ацтеков, рассказывает об их самобытной культуре. Представляя описания племен индейцев, он неоднократно подчеркивает мысль о том, что действительное понимание мировосприятия людей, принадлежащих к иной культуре, возможно только

⁴ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 375.

при отвлечении от собственных понятий о морали и жизненных ценностях, попытке погрузиться в чужое восприятие окружающего мира.

В жертву приносились даже дети... Кровавый ужас! Творились дела и еще более отвратительные, о чем сохранилось достаточно печатных сообщений; но все это выходит гораздо безобразнее в рассказах посторонних; те же, кто это проделывал, были движимы наивной верой, и, в сущности, было даже нечто прекрасное в их безграничной преданности высшим силам, для выражения которой они не перед чем не останавливались...⁵

Эту же мысль автор развивает, анализируя поведение испанских конкистадоров. Он акцентирует внимание на том, что их поступки следует рассматривать и истолковывать, принимая во внимание их мировосприятие и представление о моральных ценностях.

Роман «Христофор Колумб» по праву считается одним из самых сложных и противоречивых произведений писателя. С одной стороны, Йенсен признает особую роль северных народов как носителей духовного и эволюционного прогресса, с другой — цивилизация выступает в романе как сила, несущая разрушение самобытной культуре коренных американских племен. Автор утверждает, что вместе с развитием положительных черт у представителей «готической расы», в характере средневекового европейца развились такие отрицательные качества, как жадность и жестокость, которые писатель противопоставляет доверчивости и наивности американских туземцев.

Одной из центральных философских проблем романа является вопрос о религии как отображении культурного развития общества. Йенсен приводит сравнение языческого культа туземцев со средневековым христианством. Он представляет страшные описания массовых человеческих жертвоприношений ацтеков, отмечая при этом, что подобный религиозный культ обуславливался низким развитием цивилизации у туземцев. Религия же европейцев, основанная на возвышенных принципах христианства, не помешала, а, наоборот, послужила оправданием истребления целых народов.

Символичным является экспрессивный эпизод последнего жертвоприношения осажденных индейцев перед капитуляцией. Тузем-

⁵ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 354.

цы устраивают очную ставку божествам двух цивилизаций, устанавливая испанское распятие перед изображением своего верховного бога, с тем чтобы они примирили враждующие стороны.

Но боги были немые. Они словно молча указывали друг другу на видимые всем мертвые тела, устилавшие землю, на полуразрушенный город, над которым как будто прошел каменный дождь, на чадающие гарью черные головни — остатки благоуханных кедров, на храм, утопающий в крови, на ступени его, усеянные трупами от верхней до самой нижней...⁶

Таким образом, аллегорическая встреча двух братьев приводит, по мнению автора, не к культурному взаимообогащению и развитию, а к уничтожению и порабощению слабых и духовному разложению сильных. Писатель констатирует:

Оба Света, Старый и Новый, начали заражать друг друга своими недугами...⁷

Такая трактовка последствий открытия Америки может поставить читателя в тупик. Автор как будто опровергает собственную концепцию эволюции человечества, в которой открытия и достижения людей являются основными факторами общественного прогресса. Однако подобное впечатление рассеивается, когда в конце второй части романа Йенсен подводит окончательные итоги и представляет историческую перспективу открытия Америки. Здесь писатель утверждает, что новая свободная нация смогла сформироваться только благодаря плаванию Колумба, открывшего эти земли для последующей волны европейцев — северян, которые начали переселяться туда полтора века спустя. Йенсен акцентирует внимание на том, что именно эти люди основали «настоящую Америку — страну свободы». По мнению автора, эта свобода впоследствии вернулась обратно в Европу для того, чтобы просветить ее.

...введение во Франции республиканского строя, древнего народно-го строя Запада, означало, что зараза уже перекинулась из молодого американского союза республик⁸.

⁶ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 399.

⁷ Там же. С. 409.

⁸ Там же.

Таким образом, утверждает писатель, был сделан очередной «шаг» вперед в истории развития человеческого общества.

Заслуга Колумба, с точки зрения автора, заключается в том, что благодаря генетически заложенным в нем качествам он сумел стать первопроходцем. Йенсен называет мореплавателя «перевозчиком», которому удалось «пересадить насиженные двory Старого Света на свободные земли Нового». Здесь автор использует аллюзию на библейский образ Святого Христофора, перенесшего Иисуса Христа через реку⁹. Образ Христофора Колумба — один из самых сложных, как в романе, так и в эпосе в целом. Писатель с самого начала призывает читателя абстрагироваться от привычного положительного изображения Колумба. Рисуя психологический портрет героя, Йенсен подчеркивает сложное сочетание в нем положительных и отрицательных черт. Отмечая мужество, стойкость и непреклонность воли Колумба, Йенсен в то же время принижает его индивидуальные способности, самостоятельность, называет героя человеком ограниченным и недальновидным.

Говоря о Колумбе как о «человеке смешанных качеств», автор снова обращается к вопросу о роли биологического аспекта, который обуславливает положительные характеристики героя. Йенсен утверждает, что в натуре Колумба были заложены инстинкты северян, которые перекрещивались и передавались из поколения в поколение «поверхностными наслоениями, отложениями того [древнего. — А. С.] мира». Благодаря этим инстинктам великому мореплавателю удалось развить свои силы и способности.

Рассуждая о «подлинном портрете» Колумба, Йенсен замечает, что в характере первооткрывателя «страстная тоска, присущая языческой натуре, слилась с фата-морганой христианства, и вместе они потерпели крушение». По мнению автора, история скрывает индивидуальное лицо великого мореплавателя, оставляя лишь родовое. Поэтому правдивая история героя — это повествование о его роде и расе¹⁰. Писатель неоднократно подчеркивает, что Колумбу удалось

⁹ Columbus fra Himmerland: Bidrag til et Johannes V. Jensen-symposium. Farsø, 1994. S. 61.

¹⁰ В данном контексте слово «раса» используется автором как биологический термин. На момент создания романа это слово не имело той негативной исторической коннотации, которую оно получило в 30–40-е г. XX в. С этим, в частности, связаны обвинения Йенсена в пропаганде расовых теорий со стороны некоторых исследователей. Например, см.: *Неустроев В. П.* История скандинавских литератур (1870–1970). М., 1980. С. 124; *Краткая литературная энциклопедия.* М., 1964. Т. 2. С. 538.

соединить далекие миры и эпохи, но «сам он умер, не прозрев», не осознав действительного значения своего подвига.

Примечательно внешнее описание Колумба — «человек северного типа, рыжеватый и веснушчатый, с голубыми глазами — типа северных мореходов и бондов»¹¹. Оно, по мнению автора, является биологическим свидетельством принадлежности мореплавателя к «готической расе». Здесь писатель обращается к великому переселению народов, в результате которого прародители Колумба, пришедшие с берегов Балтийского моря, пройдя через всю Европу, поселились на побережье Средиземноморья.

Таким образом, термин «готическая раса» становится одной из центральных доминант заключительного звена йенсеновского «художественного мифа» о развитии человечества.

В статье «Роман и миф» из сборника «Эстетика и эволюция. Послесловие к циклу “Долгий путь” Йенсен приводит определение мифа в художественном произведении. Он характеризует свой художественный метод как мифологический, объясняя это тем, что в центральных образах эпопеи на первом плане представлены не индивидуальные или социальные характеристики, как в традиционном романе, а родовые или расовые. По мнению автора, подобный метод позволяет увеличить познавательные возможности литературы¹². Таким образом, в рамках эпического цикла роман «Христофор Колумб» с точки зрения художественной формы является частью единой многоплановой «мифологической системы». Характеризуя образы, выведенные в цикле, автор подчеркивает их абстрактность по сравнению с героями традиционного романа.

Давая описание экипажа корабля «Санта-Мария», автор использует собирательный образ некоего Диего — матроса каравеллы. Он становится своеобразным воплощением всех матросов корабля. В ходе повествования писатель часто говорит не о команде, а о Диего, используя при этом единственное число.

Раскрывая этот оригинальный художественный образ, автор вновь затрагивает проблему роли биологического фактора и наследственности. В образе Диего Йенсен находит черты всех племен, которые населяли Испанию. Писатель утверждает, что от каждого из этих племен «осталось хоть по капле крови в Диего, по черте в его харак-

¹¹ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 285.

¹² Jensen J. V. *Æstetik og Udvikling: Efterskrift til Den lange Rejse*. København, 1923. S. 75–93.

тере, унаследованном от предков, которые много перенимали у своих соседей»¹³. На первый план в образе героя вновь выдвигаются черты, свойственные представителям «готической расы». Вместе с тем автор также отмечает противоречивость его натуры: набожность в образе Диэго соседствует с бешенством.

Мифологическая линия романа реализуется в аллегорическом повествовании о жизни Норне-Геста, героя двух предыдущих частей эпопеи, среди индейских племен за несколько веков до плавания Колумба. Здесь автор приводит подробное описание быта, религиозного культа и мировосприятия этих племен. Само сюжетное ответвление, с одной стороны, является художественной интерпретацией первого плавания европейцев в Америку, которое викинги совершили в X в. н. э., а с другой — аллюзией на библейский сюжет о первом пришествии. Создавая «новую дарвинистскую библию», как нередко характеризуют критики цикл «Долгий путь», Йенсен постоянно обращается к мифологическому и библейскому материалу, приводит новые трактовки известных сюжетов. Весь цикл, таким образом, оказывается пронизанным прямыми и скрытыми аллюзиями на мифологические и библейские сюжеты.

Рассказывая историю Геста, Йенсен не воссоздает в произведении непосредственно сам поход викингов, сохраняя исторически достоверным лишь маршрут плавания; остальная сюжетная часть повествования — своеобразная авторская интерпретация Евангелия. На первом плане в этом фрагменте оказывается образ «вечного скальда» — олицетворение духа и традиций Севера. Образ Норне-Геста также становится символом вечности и безграничности бытия.

Норне-Гест в этом сюжетном вкраплении — не просто один из представителей «готической расы», он фактически является ее живым воплощением. В его образе сочетаются все качества, характеризующие человека созидателя, несущего прогресс человечеству. В отличие от Колумба, который неосознанно ищет рай на земле, Гест путешествует по планете, в полной мере осознавая свою конечную цель. Таким образом, натурфилософская идея о «зове предков», стремлении найти утраченную землю реализуется в этих двух образах по-разному. Объединяет образы Колумба и Геста заведомая невозможность достижения конечной цели¹⁴. Как Норне-Гесту никогда не суждено найти на земле царство мертвых, так и Колумбу

¹³ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 299.

¹⁴ Нюе P. Johannes V. Jensens lange rejse. København, 1996. S. 112.

никогда не обрести «рая небесного», «до страшного суда он обречен стоять у штурвала “Санта-Марии”»).

Скальд приплывает к берегам Америки, где встречается с туземцами, которые принимают его за бога солнца. Они начинают поклоняться ему, а впоследствии создают целый религиозный культ, посвященный Гесту. Скальд обогащает культуру и развивает быт американских племен — учит туземцев земледелию, обработке металлов, добыче огня, тем самым освобождая их от рабской зависимости от вулкана. Главное, что привносит Норне-Гест в жизнь дикарей, — это «умение давать ради того, чтобы получать»¹⁵. При этом герой отказывается от кровавых жертвоприношений. Описание жизни Геста среди туземцев автор противопоставляет повествованию о варварском уничтожении американских племен испанскими конкистадорами. Возвышенно-романтическая тональность мифологизированного вкрапления, повествующего о пребывании скальда у индейцев, резко контрастирует с хронико-документальной манерой описания набегов испанцев.

Мифологическая линия романа также оригинально представлена в эпизоде, рассказывающем о символичной встрече кораблей Колумба и Дарвина возле архипелага Огненная земля. Колумб, ставший воплощением духа эпохи морских открытий, встречает ученого, который несколько веков спустя сумел сделать из них научные выводы и создать, с точки зрения писателя, самую совершенную теорию развития человеческого общества.

Йенсен затрагивает в романе многие философские проблемы, представляя их в виде философских обобщений. Тема поиска утраченной земли предков, общая для всех романов эпопеи, тесно переплетается в произведении с философской проблемой вечного поиска счастья.

Повествуя о смерти Колумба в третьей части романа «Мертвый корабль», автор отмечает, что герой в последние дни жизни сожалеет о том, что напрасно искал счастье по всему свету, что по-настоящему счастлив он был только в молодости, с женой Филиппой и сыном.

На протяжении романа Йенсен неоднократно обращается к философскому вопросу величия человеческого духа. Фактор духовной силы, упорства при достижении поставленной цели является основополагающим при определении принадлежности героев романа к представителям «готической расы». Философские комментарии на эту тему сопровождают многие описания героев романа.

¹⁵ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 361.

Неоднократно обращается писатель и к философской теме судьбы, размышляет о неожиданности и непредсказуемости ее поворотов. Эта проблема, в частности, находит отображение в рассказе о последних годах жизни Колумба, в повествовании о его тяжелой участи, когда испанский король Фердинанд отделался от вице-короля, лишив его всех привилегий. Лейтмотивом этой философской проблемы становится сюжет, рассказывающий о жизни моряка Родриго из Трианы, который первым увидел землю с каравеллы «Пинта», но не получил обещанной пожизненной ренты в десять тысяч мавредисов. Возмущенный такой несправедливостью и оставшись без средств к существованию, Родриго переселился в Африку и в знак протеста принял ислам.

Отдельного рассмотрения заслуживает тема женщины, представленная в романе в библейском образе Святой Девы Марии. Символичным, по мнению автора, является то, что ее имя носит корабль, на котором плывет Колумб. Женский образ — воплощение любви и созидательного начала, источник жизни и олицетворение вечной женственности — реализуется в данном романе по-новому. В предыдущих частях цикла образ женщины практически всегда был соотнесен с образом центрального героя — мужчины. Женские образы первых трех частей эпопеи не обладают существенными различиями между собой. По мнению Йенсена, женщина может полноценно развиваться и совершенствоваться только в паре с сильным мужчиной. При этом уже в первых частях эпопеи Йенсен отмечает неземную загадочность и непостижимость женственности — единственной силы, которая способна воодушевлять и вдохновлять мужчину.

В романе «Поход кимвров» автор впервые представляет самостоятельный, независимый от мужчины женский образ. Девушка-жрица Ведис — олицетворение целомудренного и неземного женского начала — становится предметом обожания и поклонения всего народа. В последнем звене цикла женский образ находит свое новое воплощение в средневековом христианском мифе о Святой Деве Марии. Образ женщины с ребенком, связанный в романе с философской темой счастья, Йенсен трактует как олицетворение мифа о Святой Деве Марии, который живет в душе каждого представителя «готической расы». Сам главный герой унаследовал от своих предков тоску по вечной женственности, нашедшей воплощение в образе Святой Девы Марии, которая стала для него идеалом.

Как справедливо отмечает датский исследователь творчества Йенсена Поуль Хоуз, наивысшая точка раскрытия женского образа пред-

ставлена в финале романа в символическом описании парящей высоко в небе женской фигуры — олицетворения вечной жизни и любви, воплощения созидательного начала¹⁶. Патетичность финалу романа и всего цикла придает песнь «Авве Стелла!» — гимн вечной женственности.

Благодаря разнообразным философским вкраплениям и аллегорическим ответвлениям сюжета, нередко встречающимся в романе, Йенсену, с одной стороны, удастся создать красочное многоплановое полотно, а с другой — придать повествованию динамичность. Напряженность повествования поддерживается в произведении при помощи искусного чередования философских рассуждений автора, поэтических пейзажных зарисовок и ярких эмоциональных сцен, а также смены повествовательной манеры: лирические зарисовки зачастую сменяются повествованием в духе документальной исторической хроники.

Острота наблюдений, оригинальность авторского стиля и художественного построения, отточенность языка и богатство используемых лексических средств отмечаются всеми литературными критиками и исследователями творчества Йенсена. К стилистическим особенностям романа, равно как и цикла в целом, следует отнести также фактическое отсутствие прямой речи и диалогов, но при этом наличие обстоятельного философско-дидактического комментария, в котором писатель выступает в роли автора-проповедника, автора-воспитателя. Обилие риторических моделей и архаических слов и конструкций служит созданию определенной эмоциональной тональности текста и его исторической стилизации.

Культурно-историческая концепция развития человечества, нашедшая оформление в романе «Христофор Колумб», стала причиной для обвинений писателя в приверженности к расистским теориям и ницшеанству. В настоящее время благодаря работе многих зарубежных и отечественных исследователей эти дискуссии окончились «реабилитацией» писателя. Сам Йенсен неоднократно публично заявлял, что его взгляд на развитие человеческого общества не имеет ничего общего с теорией сверхчеловека Ницше и извращенными трактовками эволюционного учения Дарвина¹⁷.

В эволюционных романах, объединенных впоследствии в цикл «Долгий путь», Йенсен неоднократно провозглашает первичность

¹⁶ *Howe P.* Op. cit. S. 119.

¹⁷ *Куприянова И. П.* Литературно-историческая концепция Й. В. Йенсена. Эпопея «Долгий путь» // Скандинавская филология. Л., 1991. V. С. 131–132.

гуманности, стремление к созиданию, развитие духовных и моральных ценностей в природе человека.

В статье «Колумб» датский исследователь Х. Вивель подчеркивает, что романом «Христофор Колумб» Йенсен подводит окончательные итоги формирования «готической расы», чье дальнейшее воплощение писатель видит в образовании и развитии США. Заселение Америки писатель трактует в романе как продолжение великого переселения народов. По мнению Йенсена, Колумб открыл Новый свет для последующего переселения туда европейцев, которым удалось, благодаря трудолюбию и стремлению к развитию, унаследованным от «готов», при помощи технического прогресса «взрывать свободу — древнюю самостоятельность землероба»¹⁸.

Роман «Христофор Колумб», бесспорно, занимает одно из центральных мест в богатом наследии Йенсена. Здесь находит свое окончательное философское и художественное оформление дарвинистская культурно-историческая концепция писателя, которая легла в основу не только эволюционных романов цикла «Долгий путь», но также целого ряда талантливых художественных, публицистических, литературоведческих и философских произведений выдающегося датского автора.

A. A. Saltykov

JOHANNES V. JENSENS ROMAN «CHRISTOFER COLUMBUS»

Romanen er hovedværket i Johannes V. Jensens forfatterskab. Romanrækken «Den lange rejse» (1908–1922) er en stor anlagt romancyklus om menneskeheden tilblivelse og lange udvikling fra før istiden til epoken af store geografiske opdagelser. Johannes V. Jensen er en af de mest talentfulde og vægtigste skikkelser i dansk litteratur fra den første del af det 20. århundrede. Han fik Nobelprisen i litteratur i 1944. Romanen «Christofer Columbus» (1921), det sjette og sidste værk i romancyklusen, afslutter fortællingen om menneskets historie i lyset af Darwins udviklingsteori. I bogen analyserer og opsummerer forfatteren de vigtigste filosofiske og kulturelle problemer samt æstetiske og religiøse temaer af hele romancyklusen. Den originale interpretation af historiske, mytiske og bibelske skikkelser og motiver bruges her til at bygge finalen på J. V. Jensens evolutionskoncept i litterær form.

¹⁸ Йенсен Й. В. Указ. соч. С. 408.



Н. Н. Толстая
РУССКИЙ РУНЕБЕРГ

Юхан Людвиг Рунеберг (1804–1877) — один из последних европейских романтиков. Современники называли его «первым финским национальным поэтом». Он жил в Финляндии, писал на шведском языке и был российским подданным (после русско-шведской войны 1808–1809 г. Финляндия стала частью Российской империи).

Национальный гимн Финляндии — баллада Рунеберга «Наш край» («Vert land», 1847), открывающая цикл «Рассказы фенрика Столя» («Fänrik Ståls sägner»). Первая часть этого цикла вышла в свет в 1848 г., вторая — в 1860 г. Творческое наследие Рунеберга — это эпические и драматические поэмы, баллады и псалмы, литературно-критические и философские статьи и три сборника стихотворений.

В лирике Рунеберга реализм сочетается с романтически-идеалистическим изображением природы и человека. Поэт прожил жизнь, в которой были и безвестная бедность, и слава первого поэта, и научное признание. В течение семи лет начиная с 1828 г. Рунеберг был доцентом по кафедре классической филологии Гельсингфорского университета. Последние сорок лет, до самой смерти, оставив столичную жизнь, Рунеберг прожил в маленьком провинциальном городке Борго: он решил целиком посвятить себя поэтическому творчеству. В стихотворении «Моя жизнь» («Mitt liv»)¹ поэт пишет:

На краю могилы бой,
парус в бездне штормовой,

¹ Все стихотворения цитируются по кн.: *Runeberg J. L. Samlade skrifter*. Stockholm, 1933.

путь, исполненный тщеты, —
жизнь моя, всё это ты².

Произведение, принесшее Рунебергу общенациональную славу, — «Рассказы фенрика Столя». Это тридцать пять историй эпохи русско-шведской войны 1809 г. Рунеберг показал драматические события, в которых проявилось мужество его соотечественников — солдат, офицеров и крестьян. Перед лицом смерти проявляются лучшие человеческие черты обеих воюющих сторон. Рунеберг описывает некую идеальную патриотическую войну, восхваляет великодушное отношение к противнику, поэтизирует широту натуры, отвагу и человеческое обаяние финских солдат и русских военачальников. В 1854 г. ветераны финской армии преподнесли Рунебергу серебряную чашу в знак благодарности финского народа поэту, воспевшему его подвиги.

В 1920-х гг. Рунеберг работал домашним учителем. Многие отцы семей, с которыми он общался, участвовали в войне 1809 г., от них Рунеберг узнавал подробности русско-шведской войны, героические истории и забавные случаи. Здесь он познакомился со старым унтер-офицером Паландером, прототипом фенрика Столя.

В поэзии Рунеберга акцент делается на гордой бедности финнов. На фоне этой бедности ярче выступают высокие нравственные качества народа. Нельзя сказать, что Рунеберг эстетизировал народные бедствия, но противопоставление нищеты и нравственного величия занимает в его творчестве важное место. В балладе «Фенрик Столь», давшей название всему циклу, автор пишет:

Я знал народ, что мог отдать
всё в мире, кроме чести,
солдат, способных голодать,
но ждать победной вести.
Народ, чья доля тяжела,
как храбро мог сражаться!
И как ты, родина, могла
такой любви дожидаться
от тех, кого до той поры
кормила хлебом из коры!

В рассказах фенрика Столя упоминается много русских офицеров и генералов — участников войны: Багратион, Барклай, Долго-рукий, Каменский, Раевский, Тучков. Но лишь один генерал удосто-

² Здесь и далее стихи даются в переводе автора статьи.

ился баллады, целиком ему посвященной, — баллады «Кульнев» («Kulneff»). Считал ли Рунеберг Якова Кульнева типичным представителем всего русского офицерства, или, наоборот, Кульнев резко отличался от других начальников и поэтому привлек внимание Рунеберга?

В 1808 г. Яков Кульнев некоторое время жил в родном городе поэта Якобстаде. Рунебергу было в это время четыре года. Известно, что маленький Юхан сидел на коленях у Кульнева, к которому в Финляндии относились с большим уважением: во многих финских домах висели портреты русского генерала. В балладе «Кульнев» не раз упоминается огромная борода героя. Сильное детское впечатление от бороды и всего облика русского генерала несомненно отразилось в стихах Рунеберга.

Героя с нами больше нет,
изгладилась его следы,
но в хижинах висит портрет
огромной бороды.
Подходишь ближе — видишь рот.
Улыбка за душу берет,
и ты, сквозь бороды заслон,
вдруг видишь — это он.

В балладе «Кульнев» Рунеберг неоднократно называет генерала «старик», «старый Кульнев», хотя Кульневу было в то время всего 45 лет. Возможно, это происходит все от того же детского впечатления.

Для характеристики Кульнева Рунеберг использует не столько прилагательные, сколько глаголы: «бороться», «нападать», «напиваться», «давать бал», «смеяться», «целовать». И все разнообразные поэтические средства, применяемые автором, ведут к общему нравственному итогу:

Отваге Кульнева ура!
Пусть нашу кровь он проливал,
была кровавая пора,
и Кульнев воевал.

В эпической поэме Рунеберга «Охотники на лосей» («Älgskyttarne») среди финских крестьян мы встречаем русского коробейника по имени Онтрус (Ontrus). Это странно звучащее имя может быть связано со словосочетанием «русский с коробом» («kontryss»), но это лишь предположение. Как же выглядит Онтрус? У него густая

борода, он часто бывает пьян и весел. Он любит смеяться, целовать, угощать — черты, схожие с характеристикой Кульнева. При несопоставимости социальных положений генерал и коробейник схожи в своем внешнем поведении. Русские у Рунеберга добродушны и щедры. Они вспыльчивы, но отходчивы. Их характерный признак — густая борода.

В 1841 г. вышла в свет поэма Рунеберга «Надежда» («Nadeschda») о судьбе русской крепостной девушки, жившей во время правления Екатерины II. Существует предположение, что Рунеберг был знаком с сюжетом пушкинской повести «Капитанская дочка» в устном пересказе Якова Грота. И в поэме Рунеберга, и в повести Пушкина справедливость торжествует по воле императрицы. «Надежда» напоминает стилизацию на русский манер. В поэме, кроме Надежды, действуют Наталия, Владимир, Андрей, Дмитрий, а также персонажи, обозначенные Рунебергом как Павлович, Федоровна и Илларионович. Хотя в поэме играют на балалайках, шутят о потемкинских деревнях и т. п., автору явно не хватает знания русских реалий. Действующие лица поэмы — Екатерина, Потемкин, Кульнев — лишены, к сожалению, исторического правдоподобия.

Именно Грот ознакомил Рунеберга, не знавшего русского языка, со многими произведениями русской литературы. Яков Грот посетил Рунеберга в 1832 г. в Порво³ и оставил воспоминания об этом визите. В этих воспоминаниях он, в частности, пишет: «Рунеберг не знает русского языка, однако с большим любопытством расспрашивал меня о состоянии русской словесности и жалел, что лишен возможности познакомить шведскую публику с лучшими произведениями наших поэтов. По его желанию я обещал прислать ему подстрочный перевод некоторых пьес Пушкина и Дельвига; не знаю, точно ли я прав, находя, что поэт Финляндии напоминает последнего, не только выражением лица, но и характером своей поэзии: творческий дар, грациозность, величавое спокойствие, склонность к идиллии, искусство попадать в тон народных песен, наконец, прекрасные, звучные гексаметры — все это свойственно обоим...»

Впоследствии Грот на страницах основанного Пушкиным журнала «Современник» знакомил русских читателей со своими переводами стихов Рунеберга. Грот послал Рунебергу двухтомник переводов Пушкина на немецкий язык, и Рунеберг перевел с немецкого на шведский стихотворение «Ворон к ворону летит».

³ Грот Я. К. Знакомство с Рунебергом // Современник. 1839. № XIII. С. 5–57.

Рунеберг никогда не был в России, но в своем главном произведении — «Рассказы фенрика Столя» — он создал привлекательный образ русского человека. Однако русскому читателю имя Рунеберга не известно, в то время как в Швеции и Финляндии целый ряд баллад о фенрике Столе известен каждому грамотному человеку со школьной скамьи.

Баллада «Умиравший воин» хорошо иллюстрирует отношение поэта к русскому неприятелю. Русский воин умирает на поле битвы, и Рунеберг обращается к своим соотечественникам:

Он бился с нашими людьми,
врагом пришел в наш край,
но руку ты ему пожми
и зла не вспоминай.
В могилу лег он навсегда,
навски кончилась вражда.

Поэзия Рунеберга переводилась на многие европейские языки, но на русском были изданы всего две небольшие книжки: «Мелкие стихотворения» (СПб., 1862) и «4 песни из сказаний фенрика Столя» (Гельсингфорс, 1905), обе в переводе В. Головина. Другие переводы, относящиеся к началу XX в., носили случайный характер.

Двести лет со дня рождения Рунеберга торжественно отмечалось в Финляндии и странах Скандинавии.

Поэзия Рунеберга все еще ждет своего русского переводчика.

N. N. Tolstaya

RYSCHE RYNEBERG

Kulneff är en bland många ryska officerare som nämns i «Fänrik Ståls sägner»: Bagration, Barclay, Dolgoruki, Kamenski, Rajevski, Tutschkoff. Men Kulneff är den ende som fått en egen dikt i samlingen.

Tänkte sig Runeberg Kulneff som en typisk representant för hela den ryska officerskåren? Men på samma gång som Kulneff är personligt skildrad, är han ändå en företrädare för en viss grupp.

Runeberg visste naturligtvis att Kulneff hade vistats i hans hemstad, Jakobstad, år 1808 då Runeberg var fyra år gammal. Runeberg använder inte adjektiv utan verb för att karakterisera Kulneff. Verb som betyder *kämpa* eller *anfälla* är vanligast i karakteristiken av Kulneff. Därefter kommer verb med betydelsen *dricka* eller *berusa sig*. I fråga om Ontrus och hans bröder förekommer verb med betydelsen dricka ett flertal gånger, liksom även verbet *dansa*.



В. П. Берков

О СЕМЬЕ МАСЛОВЫХ

Супружеская пара преподавателей в одном вузе — явление, в общем, не очень частое. Супружеская пара выдающихся преподавателей — явление, видимо, весьма редкое. В этой заметке будет сделана попытка рассказать о такой чете, которая бесспорно внесла значительный вклад в отечественную филологическую науку и оставила по себе самую добрую славу, — о Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и Юрии Сергеевиче Маслове.

За некоторое время до написания этой заметки автору ее пришла мысль о том, что следовало бы издать сборник статей под условным названием «Академики Ленинградского/Санкт-Петербургского университета без академического титула», т. е. о тех наиболее ярких и значительных преподавателях нашего факультета, — в первую очередь об уже ушедших из жизни профессорах и доцентах, — которые не были удостоены титулов действительного члена или члена-корреспондента Академии наук (по крайней мере, в СССР/России), но которые по своей научной значимости не только не уступали академикам, но по большому (либо, если угодно, «гамбургскому») счету намного превосходили многих из тех, кто эти титулы имел. Среди таких многих «академиков без академического титула» достаточно назвать, к примеру, профессоров М. И. Стеблин-Каменского и Ю. С. Маслова. Не зная, представится ли автору другая возможность немного рассказать о Ю. С. Маслове, он предпочел неясной перспективе такой возможности в будущем сейчас написать о нем в связи с рассказом о его жене — С. С. Масловой-Лашанской.

В заметке не будет подробных и систематических сведений об их биографиях и научных трудах — это уже сделано. Хотелось бы рассказать о них как о людях. В этом есть и особый смысл. Вузовские преподаватели такого типа как личности оказывают большое влияние на слушателей своими колоссальными знаниями, строгой логикой изложения, уважением к слушателю и желанием доступно изложить сложные, а порой и сложнейшие, вопросы, своей увлеченностью предметом. Конечно, студенты бывают разные, это тривиально (подсчитано, что лишь 10% человечества делает свое дело, какое бы оно ни было, хорошо), но действительно хорошие студенты сохраняют о таких преподавателях память на всю жизнь.

Сарра Семеновна, будучи доктором филологических наук, не получила звания профессора и до конца своих дней оставалась доцентом, хотя она читала множество теоретических курсов, которые обычно ведут профессора, причем профессора старого, к сожалению уходящего, типа, которые (речь идет, естественно, о филологах) преподавали и теоретическую грамматику, и историю языка (с семинарами по различным его периодам), и лексикологию, и теоретическую фонетику и т. д., причем преподавали все эти дисциплины на самом высоком уровне. Это объясняется как замечательными личными чертами Сарры Семеновны, так и той превосходной филологической школой, которую она прошла в стенах филологического факультета тогда еще Ленинградского университета. А школа эта была выдающейся. Покойный профессор Е. Г. Эткинд, который был вынужден покинуть тогдашний Советский Союз и до конца жизни работал в Париже, незадолго до смерти писал, что он был знаком с преподаванием филологии в десятках зарубежных университетов, но лучше всего она преподавалась в стенах филологического факультета Ленинградского университета до войны (когда сам Е. Г. Эткинд учился на нем).

Разумеется, Сарра Семеновна руководила аспирантами, и многие ее ученики защитили диссертации. О руководстве дипломными и курсовыми работами говорить нет необходимости.

При значительной педагогической нагрузке Сарра Семеновна вела большую научную работу. Ее перу принадлежат и монографии, и значительное число статей. Она принимала активное участие в создании русско-шведского словаря. Следует отметить, что в этом словаре есть новые, оригинальные лексикографические решения, и все они были разработаны Саррой Семеновной.

Говоря о научной работе Сарры Семеновны, хотелось бы привести штрих, который характеризует на редкость дружную чету Масловых. Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич работали дома за двумя письменными столами, составленными вместе таким образом, что супруги сидели друг напротив друга. Можно с уверенностью полагать, что они часто советовались друг с другом.

Они полюбили друг друга еще перед войной, будучи аспирантами (а может быть, еще студентами). По рассказам, они были трогательной парой. Это нежное отношение друг к другу Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич пронесли через всю жизнь.

Переходя к личным чертам Сарры Семеновны, оказываешься в затруднении — какую из них следует поставить на первое место. Все эти черты представляют собою единое, органичное целое, неповторимый ее облик. Но все же, пожалуй, прежде всего следует назвать ее исключительную порядочность.

Автор этих строк, как, наверное, и все те его коллеги, кто работал вместе с Саррой Семеновной, называли ее про себя совестью нашей кафедры. В сложных ситуациях, неизбежно возникающих в коллективе, она всегда предлагала продуманное, здоровое и справедливое решение. Думается, у нее никогда не было повода краснеть за свои поступки или высказывания.

Ее отличало обостренное чувство долга. Это проявлялось во всем — не только в отношении к своим педагогическим обязанностям, но и к общественной работе. А общественной работой она занималась много. Во время войны, находясь в рядах Советской Армии, Сарра Семеновна, как и очень многие, вступила в партию. Вполне естественно, что на факультете ей давали различные партийные поручения. Не берусь перечислять все эти поручения и приведу один небольшой, очень частный пример (теперь уже, можно сказать, экзотический). Когда вышла книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (кажется, так она называлась), сотрудникам кафедры надо было ее всю законспектировать, а Сарре Семеновне партбюро поручило проверить все эти конспекты. С того времени прошло более полувека, но до сих пор помню то неловкое чувство, когда Сарра Семеновна, внимательно прочитавшая мой конспект, подробно рассказывала о своих замечаниях. Боже, думалось, чем приходится заниматься такому человеку! А таких конспектов ведь было немало, и это было отнюдь не единственное ее партийное поручение.

Еще один частный пример того, как Сарра Семеновна относилась к своему долгу. 30 декабря 1985 г., т. е. под самый Новый год,

было назначено заседание ученого совета филологического факультета по защите кандидатских диссертаций. Конечно, ожидалось, что будут проблемы с кворумом. Сарра Семеновна незадолго перед этим перенесла тяжелую травму, но, понимая возможные трудности совета, с забинтованной рукой пришла на заседание.

Она была очень скромным человеком, причем, так сказать, органически скромным, т. е. это была естественная черта ее личности. Для Сарры Семеновны были характерны неизменная доброжелательность и желание помочь человеку, будь то студент младших курсов или коллега-преподаватель. Она занималась со студентами, у которых не ладилось с тем или иным предметом, после занятий, в свое свободное время. Очень часто давала студентам свои собственные книги и словари. Дарила она книги и своим коллегам. У автора этой заметки хранится несколько книг по древнескандинавской культуре, которые ему подарила Сарра Семеновна со словами: «Они вам нужнее, чем мне».

Как и у очень многих людей, жизненный путь Сарры Семеновны не был усыпан розами. Однако удар, который супругам Масловым пришлось пережить на склоне лет, — гибель сына Сергея — был самым тяжелым. Они тяжело перенесли этот удар, но держались мужественно.

И под конец рассказа о Сарре Семеновне еще один момент — из категории тех, о которых не очень принято говорить. Она как-то рассказала мне, что когда она назвала свое имя-отчество водопроводчику, тот ответил: «А я думал, что Сарры только в анекдотах бывают». И действительно, очень многие по паспорту Сарры называют себя иначе (например, Софьями). Для Сарры Семеновны это было неприемлемо. В этом, разумеется, не было ничего националистического — национализм был ей абсолютно чужд. Просто она, видимо, считала, что замена своего имени — акт нечестный, это — желание приспособиться, сделать свою жизнь хотя бы отчасти комфортнее.

Увы, мы живем во время, когда перечисленные выше черты замечательного человека Сарры Семеновны Масловой-Лашанской — глубочайшая порядочность, обостренное чувство долга, органическая скромность, активная доброжелательность и т. д. — все вместе не являются, скажем мягко, широко распространенными в обществе. Утешением может быть надежда на то, что такие люди, как Сарра Семеновна, своей личностью делают тех, кого с ними сводит судьба, особенно младшее поколение, лучше, честнее, терпимее.

Начать краткий рассказ о Юрии Сергеевиче Маслове естественно с того, что он был лингвистом Божьей милостью. Во всех тех областях, в которых он трудился, он был Мастером в булгаковском смысле этого слова. Центральными областями его занятий, как известно, были аспектология, болгаристика и теория языкознания.

Как аспектолог он входил в число выдающихся теоретиков мира. Возможно, был лучшим из них.

Его замечательная грамматика болгарского языка, вышедшая у нас двумя изданиями, была переведена на болгарский язык, что также говорит о многом.

Автору этой заметки довелось ознакомиться со многими учебниками по введению в языкознание на разных языках. На мой взгляд, учебник Юрия Сергеевича «Введение в языкознание» является лучшим из всех них. Юрий Сергеевич был прежде всего грамматистом, но все части этого учебника написаны на таком высоком уровне, словно он был специалистом и по фонетике и фонологии, и по лексикологии, и по типологии и др. Для создания этого учебника автор освоил колоссальную литературу в различных областях языкознания. Не случайно этот учебник используется и аспирантами, и преподавателями. Вместе с тем учебник вполне доступен студентам 1-го курса, на котором читается этот предмет. Правда, студентам серьезным. Представляется, что некоторые сложности в учебнике объясняются научной честностью Ю. С. Маслова: ради облегчения работы со своим учебником он не мог допустить упрощений, противоречащих истине.

Как сказано выше, по своему вкладу в науку он бесспорно заслуживал избрания в Академию наук.

Юрий Сергеевич успел сделать в науке очень много. Но он, несомненно, успел бы сделать больше, если бы общественная работа не отнимала у него много времени. Например, как член партии (он вступил в нее в армии во время войны) он неоднократно избирался членом факультетского партбюро, а подолгу оно заседало каждый понедельник. Разумеется, ему давались различные другие поручения. Так, он руководил — и прекрасно руководил — факультетским философским семинаром (впоследствии, если память мне не изменяет, семинар стал называться методологическим). В сумме все это составило сотни, если не тысячи часов.

Как настоящий профессор он читал множество курсов. Трудно выделить здесь основные, но, пожалуй, стоит особо отметить «Введение в языкознание» (этот курс лежит в основе его замечательного

учебника) и «Историю лингвистических учений». Трудно представить себе, какого колоссального труда стоила их подготовка.

До заведования кафедрой общего языкознания он заведовал кафедрой славянской филологии, где читал ряд курсов по славистике, в том числе, естественно, и по болгаристике.

При всей своей огромной эрудиции Юрий Сергеевич внимательно следил за специальной литературой. В частности, он регулярно посещал выставки новых поступлений в библиотеках БАН и университетской.

Характеризуя Юрия Сергеевича как человека, следует выделить те же черты, которые были свойственны его жене Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и о которых говорилось выше. Это и глубочайшая порядочность, и обостренное чувство долга, и неизменная доброжелательность. Сын русского интеллигента, киевского профессора Сергея Ивановича Маслова, Юрий Сергеевич сам был истинным русским интеллигентом в старом смысле этого слова.

Юрий Сергеевич был человеком мягким и деликатным. От него нельзя было услышать резких и обидных характеристик. Вместе с тем его отличала глубокая принципиальность. Например, экзамены он принимал неизменно доброжелательно, но строго. Он был очень требователен к себе, не прощал себе даже мелких ошибок. Один маленький пример, поразивший меня в свое время. Готовясь читать курс по введению в языкознание (по приглашению Юрия Сергеевича), я ходил к нему на лекции и семинары. Как-то раз он допустил на лекции незначительную неточность, скорее просто оговорку. После лекции он подошел ко мне и выразил сожаление по поводу этой оговорки — в общем-то, как сказано, пустяковой. Такая щепетильность была органической чертой супругов Масловых.

О щепетильности Юрия Сергеевича свидетельствует и следующий факт. В предисловии ко 2-му изданию своего учебника «Введение в языкознание» (1987) он выражает благодарность «всем лицам, которые... в печатных рецензиях, в письмах или в устной форме существенно способствовали улучшению книги». Список таких лиц насчитывает более 20 фамилий. С удивлением и чувством неловкости я обнаружил среди этих фамилий и свою: на мой взгляд, сделанное мной замечание (не считая исправления нескольких опечаток) вовсе не заслуживало включения моей фамилии в этот почетный список.

При всей его мягкости Юрий Сергеевич был человеком большого мужества. Выше уже говорилось, что сын Масловых Сергей Юрьевич, талантливый математик, погиб при невыясненных обстоятель-

ствах в автомобильной катастрофе. Этот удар судьбы супруги перенесли на редкость стойко. Будучи смертельно больным, Юрий Сергеевич до самой кончины держался мужественно.

Супруги Масловы тяжело переживали, что из-за сложных отношений с невесткой (всецело по вине последней) они были лишены возможности общаться с правнуком. Но они мало с кем делились этим.

Юрий Сергеевич всегда был готов выручить, прийти на помощь. Например, если он и коллега принимали экзамены параллельно и у коллеги еще оставались экзаменуемые, он приходил к нему в аудиторию и помогал довести экзамен до конца. Еще один небольшой пример активной доброжелательности Юрия Сергеевича. Как-то, когда в городе исчез из продажи боржомы (а мне было предписано его пить), Юрий Сергеевич принес мне на факультет две бутылки в портфеле и передал их со словами: «Мы с Саррой Семеновной решили поделиться с вами своими четырьмя бутылками».

Он был наделен превосходным чувством юмора, но никогда не злоупотреблял им, и остроумные шутки его всегда были мягкими и необходимыми.

Не все знали, что Юрий Сергеевич был прекрасным автомобилистом. Свою «Волгу» он водил уверенно и даже не без некоторой лихости. Однажды он предложил одному пожилому факультетскому коллеге подвезти его в Комарово, куда направлялся сам. За городом он развил такую скорость, что коллега забеспокоился. «Не волнуйтесь, — сказал Юрий Сергеевич, — я на таких трассах езжу со скоростью не больше 100–110 километров в час». Сам процесс вождения машины доставлял ему удовольствие.

Я знал Масловых со студенческих лет. Помню и Сарру Семеновну, и Юрия Сергеевича еще в военной форме — многие демобилизовавшиеся в тяжелые первые послевоенные годы донашивали ее (например, Л. Р. Зиндер ходил некоторое время в университет в военно-морском кителе). Впоследствии множество раз бывал в их гостеприимном доме. Так получилось, что мы особенно близко подружились после трагической гибели их сына. Звучит это, может быть, странно. Дело в том, что, вернувшись в Ленинград с юга, я с запозданием узнал об этой трагедии в их семье. Долго колебался: звонить или не звонить. Думалось, что соболезнования вряд ли Масловым нужны, а лишнее напоминание о случившемся может причинить им дополнительную боль. Все же решил позвонить, и это оказалось правильным. Им нужна была также практическая помощь,

что удалось сделать. Тогда мне Сарра Семеновна сказала с горечью: «Мы работаем на факультете не один десяток лет, а ведь вы единственный, кто позвонил нам». Это к тому, что мы часто напрасно стесняемся выразить соболезнование: в таких ситуациях людям очень нужна поддержка, теплота других людей.

В моей библиотеке к числу самых ценных книг с посвящениями наряду с книгами М. И. Стеблин-Каменского относится упомянутое 2-е издание «Введения в языкознание» с надписью Юрия Сергеевича: «Дорогому Валерию Павловичу Беркову с искренней дружбой...»

Говоря о супругах Масловых, необходимо сказать несколько слов и о третьем члене этой семьи — старшей сестре Сарры Семеновны, Марии Семеновне Лев, которая жила вместе с ними. Несколько десятков лет Мария Семеновна проработала на филологическом факультете Ленинградского университета секретарем деканата.

Мария Семеновна была уникальным секретарем. Она обладала совершенно фантастической памятью: знала по имени-отчеству не только всех работающих преподавателей, но и помнила и тех, кто работал ранее. Помнила всех аспирантов, да и очень многих студентов.

Никто не умел составлять расписание занятий, как она. Все знают, что труд этот крайне сложен: нужно держать в голове множество самых разных параметров. Она составляла расписание блестяще. Как и Сарра Семеновна, и Юрий Сергеевич, она была очень доброжелательна.

Марию Семеновну с неизменной теплотой вспоминают представители старшего поколения сотрудников и выпускников филологического факультета нашего университета.

Выйдя на пенсию, она всецело посвятила себя обеспечению быта Юрия Сергеевича и Сарры Семеновны. Этой замечательной семье не стало в течение месяца — в августе-сентябре 1990 г. Умер от неизлечимой болезни Юрий Сергеевич, через две недели скончалась Сарра Семеновна, а еще через две недели ушла из жизни Мария Семеновна. Едва ли смерть сестер после кончины Юрия Сергеевича случайна: видимо, жизнь потеряла для них смысл.

Так закрылась одна яркая страница истории филологического факультета ЛГУ/СПбГУ.

Содержание

<i>А. В. Савицкая.</i> Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1916–1990)	3
<i>Е. Л. Жильцова.</i> Процесс возникновения новых слов в шведском языке путем семантико-фонетической дивергенции (на материале существительных <i>djävul</i> и <i>djävel</i>)	7
<i>О. В. Костанда.</i> Метафора имени в современной шведской художественной литературе	16
<i>Е. В. Краснова.</i> Структурно-немотивированные композиты в современном датском языке	23
<i>Ю. К. Кузьменко.</i> Происхождение баланса гласных в шведских и норвежских диалектах	31
<i>А. Н. Ливанова.</i> О семантике глаголов <i>visеть</i> и <i>henge</i>	48
<i>И. В. Матыцина.</i> О двух типах бытийных конструкций в современном шведском языке	63
<i>А. В. Савицкая.</i> Аффиксация или основосложение?	75
<i>Е. М. Чекалина.</i> Функциональные аспекты варьирования в современном шведском языке	85
<i>А. А. Яковлева.</i> Особенности префиксального словообразования глаголов говорения	99
<i>Б. С. Жаров.</i> Динамика в восприятии Х. К. Андерсена в Санкт-Петербурге, одном из самых андерсеновских городов мира	112
<i>И. П. Курпьянова.</i> Роман Фредерика Палудан-Мюллера «Адам Хомо»	125
<i>П. А. Лисовская.</i> О взаимоотношениях постмодернизма, христианства и идей эпохи Просвещения в творчестве Пера Улова Энквиста	136
<i>Н. В. Мариева.</i> Тема счастья в новеллах Й. П. Якобсена	151
<i>И. М. Михайлова.</i> Ода Вондела «Рейн» и ее русский перевод	161
<i>Н. А. Пресс.</i> Роль символа в раннем творчестве Стига Дагермана	172
<i>А. А. Саттыков.</i> Роман Йоханнеса В. Йенсена «Христофор Колумб»	180
<i>Н. Н. Толстая.</i> Русский Рунеберг	192
<i>В. П. Берков.</i> О семье Масловых	197

Научное издание

Скандинавская филология

Scandinavica

Вып. 8

Межвузовский сборник
К 90-летию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской

Редактор *О. С. Капполь*
Корректор *Л. А. Макеева*
Верстка *С. В. Кузнецова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 3.08.2006
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 13. Тираж 150 экз. Заказ № .

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 41.